МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга V.

ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1915.

Озеро безсмертія

Разсказъ *В. Дубаса.*

«...Еще не пришелъ часъ. Еще не сказаны слова, — и въ сердцѣ моемъ только тоска...

Еще не раскрылись цвѣты,— лишь вѣтеръ вздыхаетъ надъ ними и кружитъ безъ конца»...

Рабиндранатъ Тагоръ.

I.

Въ странѣ пламеннаго Сурьи.

НЕДАЛЕКО отъ Амрутсира, въ области Пенджаба, простиралось небольшое священное изъ священныхъ для индусовъ озеро съ островкомъ посерединѣ, на которомъ возвышался храмъ. Озерныя воды были кристальной прозрачности, и маленькіе камешки виднѣлись на глубокомъ днѣ, точно въ хрустальномъ сосудѣ. Озеро было окружено густымъ тростникомъ и бамбукомъ, и далѣе—тропическимъ лѣсомъ. Ночью, особенно въ лунные вечера, мѣстность эта наполнялась своеобразной таинственной музыкой, въ которой склонные къ одухотворенію и обожествленію индусы слышали голоса и знаменія боговъ.

По народной вѣрѣ, озеро обладало чудесными свойствами — оно удлиняло жизнь выкупавшихся въ немъ.

Нѣкоторые, особенно достойные люди, получали безсмертіе отъ священнаго погруженія въ воды озера — это свойство воды пріобрѣли благодаря тому, что по временамъ онѣ омывали божественныя тѣла воплотившихся боговъ. Озеро называлось поэтому Озеромъ Безсмертія— Амрита Сарасъ,—а храмъ на островкѣ посреди озера—Золотымъ храмомъ, такъ какъ его купола и орнаменты горѣли на ослѣпительномъ солнцѣ сіяющимъ золотомъ. Въ храмѣ этомъ, какъ во всѣхъ браминскихъ храмахъ, находился неизмѣнный Будда, величественно застывшій въ вѣчномъ покоѣ Нирваны. Тутъ же развертывались воплощенные въ статуяхъ и барельефахъ миѳы сложнаго и запутаннаго браманизма. Эти миѳическія сцены изображали событія изъ жизни тріады—Брамы, Вишну и Сивы съ ихъ спутниками страшными богами-чудовищами—причудливымъ сочетаніемъ человѣческихъ формъ съ звѣриными.

Все это было созданіемъ необузданнаго, незнающаго мѣры, народнаго воображенія.

Въ полномъ противорѣчіи съ золотымъ храмомъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ Озера Безсмертія, на холмѣ возвышался прекрасный дворецъ изъ бѣлаго и розоваго мрамора. Онъ казался причудливымъ сочетаніемъ нѣсколькихъ стилей—ярко бросались въ глаза характерныя для индійскаго искусства расточительность орнаментики и выдѣлялась типическая особенность эллинской архитектуры—гармоническая простота частей и колоннадъ. Этотъ дворецъ на фонѣ тропической декораціи и Озера Безсмертія утопалъ въ нѣгѣ пальмъ и цвѣтниковъ. Тутъ были цвѣты всѣхъ оттѣнковъ радуги, драгоцѣнныхъ металловъ и камней.

Тутъ лились запахи, какъ вдохновенныя поэмы.

Нѣкоторые изъ цвѣтовъ мѣняли свои краски въ теченіе дня, какъ, напр., цвѣтокъ, посвященный богу солнца—Сурьѣ и свѣтозарнымъ духамъ — Азурамъ. Отъ восхода Сурьи до поздняго утра онъ распускался бѣлоснѣжнымъ, какъ лилія, цвѣткомъ, но алѣлъ по мѣрѣ движенія солнца. Пополудни, пройдя черезъ оттѣнки розоваго топаза, коралла, рубина, онъ становился пунцовымъ, какъ красные аметисты. По преданію, отъ начала міра золотое солнце влюблено въ Азуру, и напрасно шепчетъ о своей любви—Азура только краснѣетъ подъ пламенными взглядами лучезарнаго бога Сурьи.

Экзотическіе неизмѣнные колокольчики ипомеи переливались лиловыми цвѣтами и играли перламутромъ пышныя лопортеи.

Владѣльцемъ сказочнаго дворца былъ очень богатый браминъ, происходившій изъ владѣтельныхъ раджей, Альгуджа, давно уже уступившій свои огромныя земли англичанамъ за милліоны рупій. Нѣкогда глава одной изъ браминскихъ кастъ, онъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Англіи, охладѣлъ къ браманизму и, вернувшись изъ Европы, остался лишь съ виду членомъ касты, исполняя внѣшнія обрядности для отвода глазъ. Знатному брамину въ Индіи совершенно разорвать съ кастой—небезопасно, и потому лучше лавировать среди хитрыхъ и умныхъ жрецовъ, сохранившихъ силу еще и въ двадцатомъ вѣкѣ.

Альгуджа слылъ за мудреца среди браминовъ, хотя и еретическаго, но все же съ типичнымъ для образованнаго индуса складомъ мышленія и всебожествляющимъ міросозерцаніемъ.

Богато одаренный отъ природы, получивъ тщательное воспитаніе подъ руководствомъ наставниковъ — браминскихъ жрецовъ, изучивъ въ совершенствѣ Веды и литературу Санскрита, онъ расширилъ образованіе въ Калькуттскомъ университетѣ. Характеръ европейской науки, даже въ отраженіи мистики индусовъ, поразилъ пытливый умъ потомка раджей, и онъ рѣшилъ отправиться въ Европу для довершенія образованія.

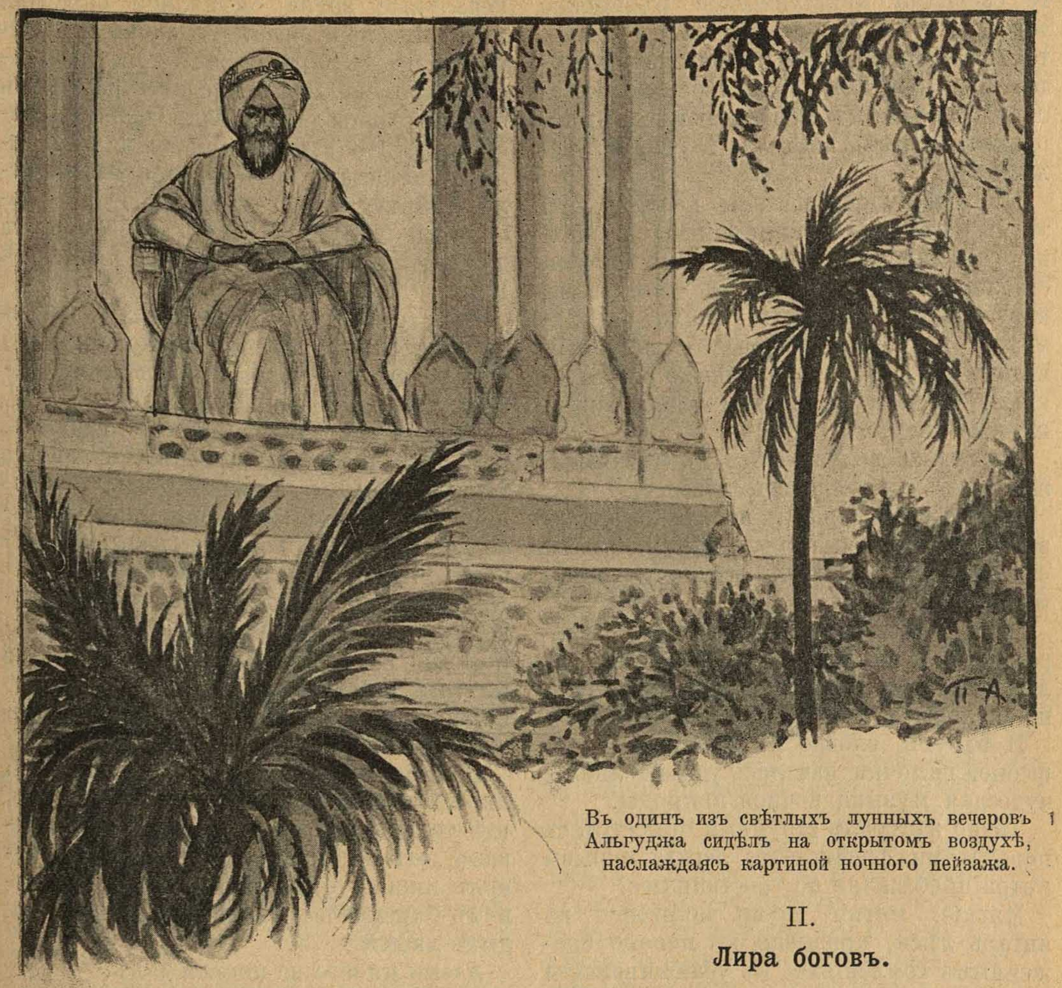
Пребываніе въ Европѣ съ ея многосторонней культурой оставило неизгладимый отпечатокъ на Альгуджѣ. Отдаться всецѣло обаянію положительной европейской науки онъ не былъ въ состояніи—слишкомъ глубоки были корни культуры Индіи въ его существѣ. Онъ попытался сочетать въ своемъ міросозерцаніи неравную связь положительнаго Запада и мистическаго Востока.

Возвратившись въ Индію, Альгуджа, по нѣкоторымъ соображеніямъ, продалъ свою землю и поселился на берегу прекраснаго Озера Безсмертія. Онъ, какъ и всѣ образованные индусы, былъ тонкимъ знатокомъ красотъ природы.

Здѣсь, прежде всего, онъ воплотилъ свою мечту связи Запада съ Востокомъ въ архитектурѣ дворца, смѣшавъ индійскіе мотивы съ античными.

На берегахъ волшебнаго озера прошли лучшіе годы Альгуджи, лучшіе годы проникновеннаго созерцанія мыслителя и идилліи семейной жизни.

Преждевременная смерть жены Сангамитты нарушила на долгое время эту гармонію счастливой жизни Альгуджи, хотя, мало-по-малу, скорбь по умершей была поглощена заботами тщательнаго воспитанія единственнаго сына Девана, нѣжнаго, хрупкаго мальчика съ богатыми духовными задатками. Впослѣдствіи онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе единственнаго племянника, сироту Азока, сына брата Доммападжати. Азокъ былъ также очень способный мальчикъ.

Въ одинъ изъ свѣтлыхъ лунныхъ вечеровъ Альгуджа сидѣлъ на открытомъ воздухѣ, наслаждаясь картиной ночного пейзажа.

Незамѣтно шли годы. Волосы Альгуджи уже серебрились, а его любимецъ Деванъ превращался въ многообѣщающаго образованнаго юношу.

Отецъ послалъ его для ознакомленія съ западной культурой, наукой и искусствомъ въ Европу. Нѣкоторое время, по плану Альгуджи, сынъ его долженъ былъ слушать лекціи въ Англіи, въ Оксфордѣ.

Вмѣстѣ съ Деваномъ отправился и Азокъ, получившій такое же образованіе, какъ и его двоюродный братъ.

Уже два года Деванъ и Азокъ жили въ Европѣ, время отъ времени пріѣзжая погостить къ Альгуджѣ въ его прекрасный дворецъ на берегу Озера Безсмертія.

II.

Лира боговъ.

Въ одинъ изъ свѣтлыхъ лунныхъ вечеровъ Альгуджа сидѣлъ на открытомъ воздухѣ, наблюдая и наслаждаясь обычной и, въ то же время, безконечно дорогой его душѣ картиной ночного озернаго пейзажа.

Изъ синесапфирнаго неба лились волнами каскады янтарныхъ лучей яркаго луннаго диска. Но въ небѣ этотъ свѣтъ, принимавшій оттѣнки желтыхъ топазовъ, сливался съ сіяніемъ безчисленныхъ огромныхъ алмазныхъ звѣздъ. Лунный кругъ, весь въ игрѣ жемчуга и топазовъ, плылъ по мягкому, темному атласному своду, наполняя дрожащей золотой пылью землю и Озеро Безсмертія.

Озерная рябь подъ этимъ сіяніемъ переливалась цѣлой гаммой цвѣтовъ—

то сверкала металлической рѣзкостью серебра, то нѣжными оттѣнками опала, то кокетливой загадочностью перламутра. По временамъ воды озера покрывались печальнымъ, мертвеннымъ цвѣтомъ оникса, этимъ цвѣтомъ глубокой меланхоліи.

Многообразныя пальмы казались въ этихъ свѣтовыхъ симфоніяхъ лунной ночи не зелеными или пепельно сѣрыми стволами, но сказочными колоннами изъ серебра, жемчуга, опала, перламутра, бирюзы. Вѣерныя и перистыя вѣтви ихъ, какъ причудливые свѣтильники, бросали на землю тѣневые кружевные узоры.

Альгуджа вслушивался въ поднимавшуюся въ тростникахъ музыку.

Бамбуковыя заросли, исполинскія травы и прибрежные тростники начинали оживать подъ дуновеніемъ ночного вѣтерка.

Чуть плескали озерныя воды, ударяясь о камышевую грудь. Чуть колыхались серебряныя кроны жемчужно-опаловыхъ пальмъ.

И вдругъ, словно по мановенію волшебной палочки, началась удивительная, чудесная музыка ночной природы.

Точно заигралъ струнный оркестръ съ переливами флейтъ—это легкіе порывы вѣтра пробѣжали по тростникамъ.

Мягкіе, мягкіе звуки полились въ янтарь лѣса, призывая къ неясно блаженнымъ томленіямъ, къ убаюкивающей истомѣ міра дальнихъ идиллическихъ грезъ.

Они звали ко сну наяву, къ прозрачнымъ сновидѣніямъ яви въ волшебныхъ невѣдомыхъ гротахъ изъ аметистовъ, кораллов, хризолитовъ, берилловъ, сардониксовъ.

И озерныя богини съ волосами изъ зеленыхъ топазовъ, съ изумрудными глазами, царили въ гротахъ и манили улыбкой своихъ рубино-хризолитовыхъ устъ.

На нѣсколько минутъ стихъ вѣтеръ. Наступила тишина.

Но съ новымъ порывомъ невидимый оркестръ загремѣлъ еще громче и торжественнѣе, точно наигрывая варіаціи геніальныхъ композицій. Минутами неслись звуки величаво гнетущей, бездонной тоски по невозвратному. Эти печальные звуки смѣнялись бархатно могучимъ переливчатымъ звономъ тысячеструнныхъ лиръ и арфъ—тогда воскресали времена Эола, и сонмы рапсодовъ стояли тѣсной толпой надъ Озеромъ Безсмертія. Но замирали они, и уже лились каскадной струей соловьиныя трели, виртуозныя, тысячеголосыя, разсыпаясь металлическимъ, серебрянымъ дождемъ въ золотисто-янтарномъ Мірѣ Ночи.

Ихъ смѣняли героическія фанфары безумныхъ призывовъ на подвигъ, на смѣлое великое дѣло, окрашенное цвѣтами проникновенной тоски.

Но тонули и эти звуки въ органныхъ, величавыхъ мотивахъ, повѣствовавшихъ торжественно о невыразимомъ, безграничномъ царствѣ гармоніи всей хаотической природы. То были гимны идеальному міру, міру, по которому грезила Кристальная тоска... Это играла чудесная Лира боговъ, по народному вѣрованію Это была Лира Природы, по мнѣнію Альгуджа, но она все равно оставалась божественно прекрасной, какъ бы ни смотрѣли на нее.

Браминъ, подъ звуки рапсодій этой лиры, унесся мыслію далеко въ Англію, гдѣ теперь былъ его дорогой сынъ Деванъ, отъ котораго онъ недавно получилъ письмо съ извѣщеніемъ о вѣроятномъ близкомъ пріѣздѣ въ Индію молодыхъ людей.

Азокъ ничего не писалъ дядѣ.

О, этотъ Азокъ! Трудно было разгадать мудрому Альгуджѣ истинный характеръ своего племянника. Въ послѣднее время браминъ не такъ уже былъ увѣренъ въ его искренней привязанности къ себѣ и къ Девану.

Онъ не могъ не признать въ Азокѣ огромнаго ума, но складъ этого ума, направленіе всего духовнаго облика не удавалось уловить Альгуджѣ — точно племянникъ его былъ не индусъ, а чистокровный, загадочный по своей природѣ, европеецъ.

Какая противоположность его собственному сыну! Проникновенно умный, съ дѣвственно нѣжнымъ складомъ характера, съ горячей, пламенной любовью къ обожествленной природѣ — къ людямъ, животнымъ, растеніямъ, —

Деванъ былъ почти идеаломъ человѣка для отца.

Даже отъ писемъ сына вѣяло на Альгуджу какимъ-то вѣчно свѣжимъ ароматомъ, точно розами Азуры, и въ музыкѣ его словъ чудились счастливому отцу звуки Лиры боговъ Озера Безсмертія.

Альгуджа гордился своимъ прекраснымъ сыномъ, и въ случайныхъ бесѣдахъ съ офиціально холодными браминами убѣждался, что въ сынѣ его видна блестящая будущая звѣзда мудрой Индіи. Ничто не могло укрыться отъ вездѣсущаго браминскаго ока и уха — все, даже тайны домашняго очага, оказывалось имъ извѣстнымъ.

Альгуджа все думалъ о лучшей отрадѣ наступившей старости, единственномъ наслѣдникѣ всѣхъ земныхъ благъ, которыя съ радостью долженъ былъ оставить сыну счастливый отецъ послѣ своей смерти.

Азокъ еще долго созерцалъ игру луннаго свѣта на Озерѣ Безсмертія и вслушивался въ причудливую фантастику природы, которая лилась съ звучной Лиры боговъ.

III.

Братъ-врагъ.

Азокъ, вернувшись домой вечеромъ, не засталъ своего двоюроднаго брата Девана.

Азокъ былъ молодой человѣкъ, средняго роста, съ правильными чертами лица и острымъ взглядомъ черныхъ пронизывающихъ глазъ.

Стройный индусъ сумѣлъ, за время пребыванія въ Европѣ, превратиться въ джентльмена англійской складки. Только оливковый цвѣтъ лица могъ наводить на мысль о его индусскомъ происхожденіи.

Мысль о цвѣтномъ происхожденіи по временамъ угнетала гордаго, надменнаго и самолюбиваго Азока, когда онъ улавливалъ чуть замѣтные признаки пренебреженія со стороны «высшей» бѣлой расы. Впрочемъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, англичане, не въ примѣръ своимъ отцамъ, относились къ знатнымъ индусамъ, какъ къ равнымъ. Богато обставленная квартира въ Оксфордѣ, гдѣ жили Деванъ и Азокъ, была предметомъ законной зависти многихъ «друзей» молодыхъ браминовъ, посвятившихъ свое время изученію европейской науки.

Въ отношеніяхъ братьевъ другъ къ другу, несмотря на казавшуюся со стороны полную гармонію ихъ личностей и интересовъ, не все было благополучно.

Какъ ни старался мягкій, отзывчивый и глубоко привязчивый Деванъ сохранить искренне дружескую связь, установившуюся у него съ дѣтства съ Азокомъ, онъ все болѣе и болѣе замѣчалъ, вѣрнѣе, чувствовалъ, что между ними выростаетъ стѣна.

Деванъ не догадывался, что гордый Азокъ не могъ примириться съ своимъ положеніемъ облагодѣтельствованнаго дядей племянника, съ недостаткомъ матеріальной самостоятельности, съ обидной для его самолюбія зависимостью.

Были еще другія многочисленныя причины охлажденія Азока. Со времени пребыванія въ Европѣ онъ чувствовалъ все усиливавшуюся въ его душѣ зависть къ Девану, которую онъ старательно скрывалъ подъ маской обычнаго дружелюбія и привязанности.

Не заставъ Девана дома, Азокъ, въ досадѣ, началъ ходить по комнатамъ, ежеминутно поглядывая на часы. Дѣло въ томъ, что молодые люди должны были ѣхать сегодня на интересный литературный вечеръ, и отсутствіе Девана грозило Азоку потерей вечера. Отправляться одному, безъ брата, было неудобно, главнымъ образомъ, потому, что Деванъ могъ еще вернуться, а въ отношеніи къ нему Азокъ хотѣлъ держаться возможно корректнѣе съ виду.

Азокъ ходилъ съ возраставшей нервностью изъ угла въ уголъ, обдумывая быть-можетъ, въ сотый разъ свои сокровенныя мысли.

Нѣтъ, такъ дольше онъ не можетъ жить, думалось ему; съ каждымъ днемъ его положеніе въ Англіи становилось все болѣе двусмысленнымъ. Правда, какое ему дѣло до этой культурной жизни и общества ничтожествъ съ ихъ вѣчнымъ лицемѣріемъ, ложью, фальшью? Развѣ онъ не можетъ довольствоваться самимъ

собою, осуществляя всѣ возможности своего богатаго и дерзкаго ума? Но вѣдь онъ живетъ въ Европѣ, гдѣ внѣшняя оболочка культуры такъ тѣсно связана съ внутренней, что часто ихъ даже нельзя различить. Общество, даже ничтожное въ своей сущности, благодаря своеобразному наслоенію вѣковъ культуры, пріобрѣтало въ глазахъ Азока какую-то особенную пряную, одуряющую заманчивость. Быть-можетъ, это происходило отъ того, что даже два года жизни въ Европѣ не могли притупить у него ощущенія какой-то острой притягательной новизны при соприкосновеніи даже съ фальсификаціей культуры.

Ему было нужно, во что бы то ни стало, хотя бы цѣной самыхъ тяжелыхъ усилій и жертвъ стать вполнѣ самостоятельнымъ въ матеріальномъ отношеніи— тогда только онъ сумѣетъ использовать въ достаточной мѣрѣ, безъ чьего-либо контроля, всѣ положительныя стороны жизни и культуры въ Европѣ.

Устранивъ такъ или иначе съ своего пути Девана, онъ, Азокъ, останется единственнымъ наслѣдникомъ богатствъ своего дяди Альгуджи и владѣльцемъ сказочнаго дворца на берегу Озера Безсмертія. При всемъ своемъ желаніи использовать блага европейской жизни, Азокъ не былъ лишенъ поэтическаго чутья, и чудесный архитектурный шедевръ дяди часто владѣлъ его воображеніемъ.

Уже больше года ломалъ голову Азокъ надъ выполненіемъ своего жестокаго плана. Убить, отравить, при условіяхъ современнаго способа слѣдствія, конечно, было слишкомъ рискованно, особенно имѣя въ виду тяжелую руку британской Ѳемиды. Надо было вызвать самую естественную съ виду смерть Девана, чтобы ни малѣйшая тѣнь не легла на Азока. Уже около года Азокъ игралъ довольно ловко передъ братомъ роль спортсмена. Онъ увлекался для виду всевозможными родами спорта — мотоциклетнымъ, автомобильнымъ и даже авіаціей. Азокъ сумѣлъ заинтересовать спортомъ не подозрѣвавшаго его скрытыхъ, коварныхъ цѣлей Девана, и послѣдній научился не только управлять автомобилемъ, но и подниматься на аэропланѣ.

— Мало ли бываетъ несчастныхъ случаевъ въ авіаціонномъ спортѣ,—справедливо разсуждалъ Азокъ.

Зная глубокую нѣжную привязанность отца къ сыну, Азокъ былъ увѣренъ, что старый браминъ долго не проживетъ послѣ внезапной смерти Девана. Ему почему-то казалось, что онъ самъ долженъ долго, долго жить — самая мысль о собственной смерти чудилась ему бредомъ, невозможнымъ фантомомъ.

А совѣсть, а нравственная сторона коварнаго плана? При мысли объ этомъ, Азокъ внутренне улыбался—по его мнѣнію, онъ обладалъ счастливымъ даромъ того, что англичане, его учителя, такъ хорошо назвали нравственной безчувственностью и, кромѣ того, природной безбожностью, напоминавшей, какъ ему казалось, безбожность великаго Ницше.

Къ его услугамъ, къ оправданію его шаговъ были тысячи истинъ (какое ему дѣло до того—истины ли онѣ или только софизмы!), которыя съ желѣзной логикой давали санкцію его поведенію. Азокъ, какъ ему казалось, принадлежалъ къ породѣ сверхлюдей. Онъ такъ глубоко, такъ разносторонне ощущалъ всю полноту жизни, что это одно, по его мнѣнію, давало ему огромныя природныя державныя права на осуществленіе своихъ сверхчеловѣческихъ плановъ. Къ мечтѣ земли, къ царству сверхчеловѣка—этого идеала силы, ума, красоты— должны были вести люди типа его, Азока, а не милліоны сѣраго, рядового человѣчества...

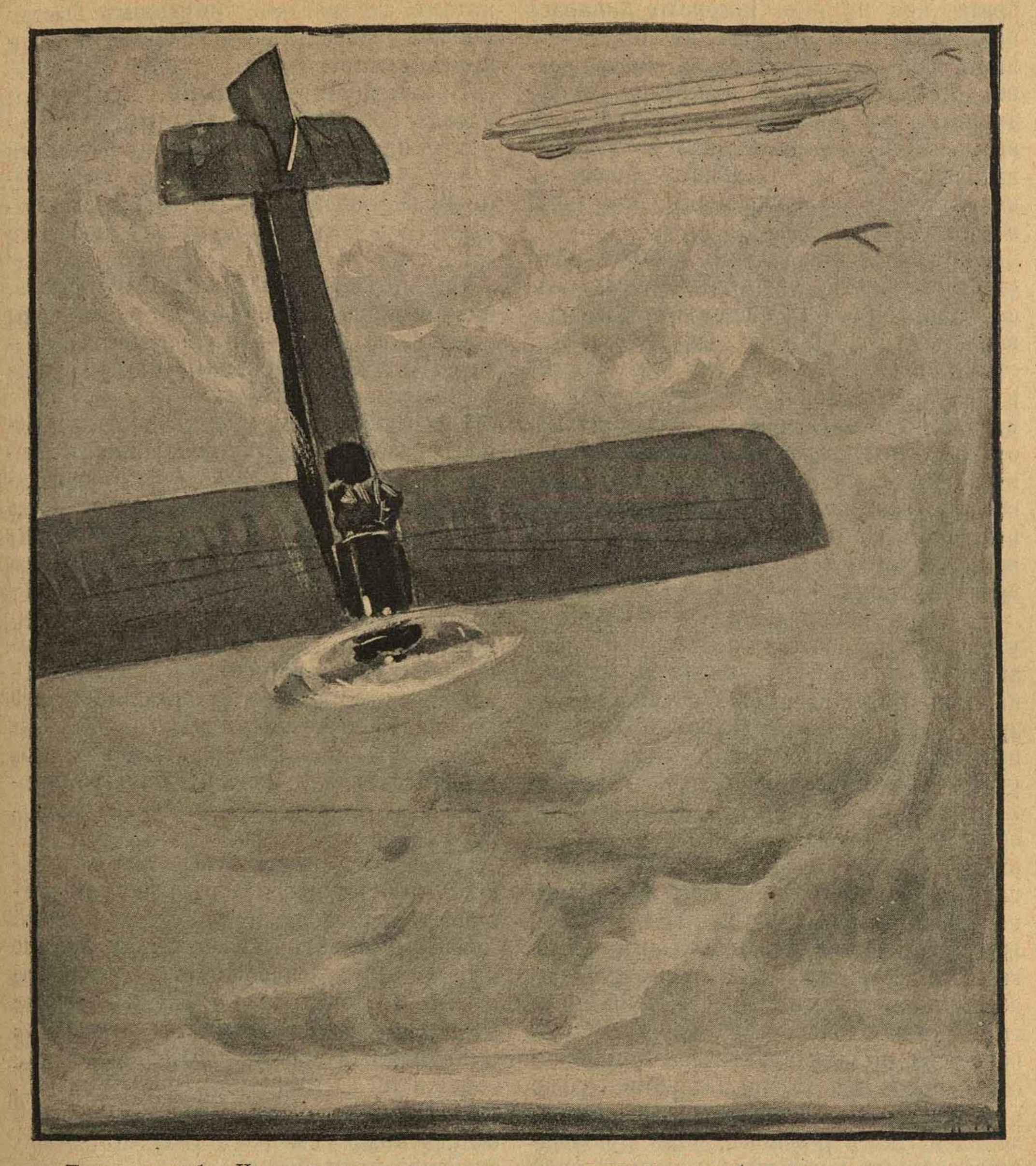
Размышленія Азока были прерваны приходомъ Девана — красиваго, высокаго юноши съ свѣтло-бронзовымъ лицомъ и прекрасными выразительными глазами, столь характерными для многихъ индусовъ.

Молодые люди немедленно отправились на литературный вечеръ.

IV.

Въ водоворотѣ событій.

Внезапно, какъ громъ съ яснаго неба, разразилась война имперій, въ водоворотъ которыхъ была вовлечена и Англія.

Деванъ, подобно Икару съ растаявшими крыльями, упалъ съ поднебесной высоты на землю.

Деванъ и Азокъ собирались отправиться въ Индію на берега Озера Безсмертія, когда неожиданная катастрофа заставила ихъ задержаться въ Англіи.

Въ головѣ Азока бродили неясныя мысли, въ связи съ новооткрывшимися возможностями осуществленія завѣтнаго плана—уничтоженія Девана.

Только спустя нѣкоторое время мысли оформились, и тогда Азокъ рѣшилъ дѣйствовать, не откладывая дѣла. Патріотическій энтузіазмъ англичанъ уже съ самыхъ первыхъ дней войны началъ сказываться съ необычайной силой — записывалось множество добровольцевъ въ ряды арміи, горячая боевая атмосфера охватила страну.

Азокъ симулировалъ необычайный патріотическій подъемъ и началъ путемъ усиленнаго вліянія воздѣйствовать на

брата, вся природа котораго являлась полнѣйшимъ и глубочайшимъ отрицаніемъ насилія и убійства въ образѣ войны. Деванъ вначалѣ оставался равнодушнымъ къ попыткамъ воинственныхъ внушеній, и это выводило изъ себя Азока, имѣвшаго въ виду склонить брата къ поступленію добровольцемъ въ ряды военныхъ авіаторовъ.

Въ концѣ-концовъ, онъ рѣшилъ дѣйствовать болѣе энергично, — записался волонтеромъ и записалъ также Девана, безъ его вѣдома. Опутавъ цѣлой сѣтью брата, угрожая ему чуть ли не публичнымъ позоромъ въ Англіи, общимъ презрѣніемъ англичанъ къ индусамъ, въ случаѣ если Деванъ уклонится отъ военной службы, онъ сумѣлъ убѣдить или, вѣрнѣе, заставилъ мягкаго и довольно покладистаго брата поступиться принципами мирнаго человѣка и сдѣлаться на время воиномъ.

До нѣкоторой степени Девану служило утѣшеніемъ то обстоятельство, что много англійской учащейся молодежи поступило въ ряды войскъ, и вступленіе въ армію молодыхъ знатныхъ браминовъ привѣтствовалось всѣми съ искреннимъ удовлетвореніемъ и радостью.

Деванъ былъ полнымъ невѣждой въ области практической жизни — онъ слишкомъ былъ теоретикомъ, слишкомъ глубокомысленъ былъ его умъ, слишкомъ возвышенна была его природа «не отъ міра сего». Онъ принадлежалъ къ немногочисленному типу людей, смотрящихъ на все подъ угломъ вѣчности, а не минуты, — а вѣдь только подъ угломъ минуты возможна полная практическая приспособленность къ жизни. Неудивительно поэтому, что въ этомъ отношеніи онъ находился, какъ ребенокъ, подъ руководствомъ Азока, сумѣвшаго соединить свой блестящій умъ съ практическимъ чутьемъ. Неудивительно также и то, что Азокъ, въ концѣ-концовъ, заставилъ Девана, вопреки его волѣ, сдѣлаться волонтеромъ; сынъ Альгуджи терялся при столкновеніи съ бѣшенымъ потокомъ европейской жизни, пугался этой водоворотной жизни въ военномъ кошмарѣ. Стоило Девану вступить въ столь чуждый и незнакомый ему міръ, какъ онъ совершенно потерялся, слѣдуя чуть ли не по пятамъ за братомъ, сумѣвшимъ быстро приспособиться къ новой средѣ и условіямъ жизни.

Послѣ долгаго молчанія, Деванъ написалъ обширное письмо отцу, въ которомъ, однако, умалчивалъ о перемѣнѣ своей жизни, въ связи съ вступленіемъ въ войска. Онъ не хотѣлъ до времени тревожить покой нѣжно любимаго отца.

Онъ почему-то надѣялся, что вскорѣ, быть-можетъ, что-нибудь въ ходѣ войны измѣнится, и онъ благополучно возвратится подъ небо родины, подъ горячіе лучи пламеннаго Сурьи.

Онъ чувствовалъ враждебность къ Европѣ, къ ея культурѣ и жизни послѣ кошмарныхъ первыхъ мѣсяцевъ міровой катастрофы. Теперь ему хотѣлось лишь освободиться какъ-нибудь отъ навязанной ему братомъ (онъ очень удивлялся чрезмѣрному патріотизму Азока) военной службы и вернуться навсегда въ Индію, на берега прекраснаго Озера Безсмертія, гдѣ протекло его дѣтство, гдѣ жизнь такъ красива и гармонична, гдѣ его ждетъ любимый отецъ.

Если бы они уѣхали недѣлей раньше предполагаемаго срока, Деванъ находился бы теперь уже на берегахъ родного озера.

Деванъ въ своихъ чувствахъ, вызванныхъ моремъ крови, представлялъ полную противоположность своему брату. Азокъ съ какимъ-то еще никогда имъ не испытаннымъ ощущеніемъ особаго наслажденія впитывалъ въ себя кровавую атмосферу, находилъ въ ней какія-то невѣдомыя силы всепобѣждающей жизни, жизни въ хаотичномъ вихрѣ смерти. И лелѣялъ въ душѣ одновременно свой сокровенный умыселъ устраненія съ жизненнаго пути Девана.

О эта жизнь!..

Деванъ стоялъ передъ нею ошеломленный.

Она вся была и будетъ загадкой — прекрасная, какъ солнце, упоительная, какъ Лира боговъ Озера Безсмертія, она была безобразна и мучительна, какъ зловѣщій кошмаръ, какъ пытка маніака, одержимаго маніей преслѣдованія. Или, быть-можетъ, вся она — лишь искусная иллюзія, лишь нагроможденіе обманчи-

выхъ сновидѣцій, лишь одинъ изъ покрововъ глубокомысленной индусской Майи?...

V.

На рѣкѣ Энъ.

Когда Деванъ и Азокъ очутились на континентѣ, пройдя предварительный ускоренный курсъ военной авіаціи въ Англіи, они застали тамъ прибывшіе съ далекой родины индійскіе корпуса.

Деванъ, чувствовавшій полный разладъ между собой и измѣнившимися условіями дѣйствительности, немного повеселѣлъ, получивъ назначеніе въ индійскую армію. Присутствіе соотечественниковъ смягчало до нѣкоторой степени полную безсмысленность собственнаго положенія. Все время онъ находился подъ руководствомъ Азока, дававшаго совѣты, распоряженія.

Начиналась эпопея великаго окопнаго сидѣнія на рѣкѣ Энъ, сопровождавшаяся временами потрясающими эффектами ураганныхъ огней—раскатами, ревомъ, подземными стонами земли. Но въ этомъ было много стихійнаго разгула, дѣйствовавшаго не только на инстинктъ самосохраненія, но и на воображеніе.

Какъ будто разверзались одновременно сотни огнедышащихъ вулкановъ, одинъ возлѣ другого, отъ горизонта до горизонта, и начиналось бѣшеное изверженіе изъ глубокихъ земныхъ нѣдръ клокотавшихъ въ ней яростныхъ силъ. Онѣ рвались, эти страшныя силы, на просторъ земли и неба, такъ часто безоблачнаго, яснаго неба,—и свирѣпые вихри мчались тогда между землей и небомъ, отъ одного видимаго края земли до другого.

По временамъ, мѣстами, послѣ ураганнаго огня, монотонно и страшно стучали пулеметы, точно крупныя капли дождя при сильномъ вѣтрѣ въ окно, въ ненастную, осеннюю ночь.

Этотъ свинцовый дождь смерти всегда предшествовалъ ея кошмарному шествію съ оскаленнымъ, звѣрскимъ, кровожаднымъ бѣшенствомъ и умопомраченіемъ, съ краснымъ неописуемымъ безуміемъ штыковыхъ встрѣчъ.

А въ небѣ все время,—если не мѣшала погода или тяжелые, дымовые туманы ураганныхъ огней,—носились то стаями, то въ одиночку стальныя птицы. Онѣ опускались и поднимались, стрѣлой взвивались къ небу и приземлялись. По временамъ вражескіе аэропланы вступали въ бой, гнались, преслѣдовали другъ друга.

Въ этихъ стаяхъ стальныхъ коршуновъ носились часто Деванъ и Азокъ.

Въ боевомъ огнѣ Азокъ по временамъ даже забывалъ о тайномъ своемъ замыслѣ и упивался стихійнымъ разгуломъ демоническихъ силъ, порожденныхъ человѣкомъ.

Его доводилъ до одурѣнія приторный возбуждающій запахъ крови и пороха, поднимавшійся надъ боевой равниной, когда онъ пролеталъ низко надъ землей, и звѣрь, кровожадный и лютый, царилъ тогда въ его существѣ. Онъ съ наслажденіемъ запасался мелинитовыми бомбами сбрасывалъ ихъ въ непріятельскія траншеи, торжествуя при удачномъ попаданіи, точно онъ сѣялъ не смерть, а свѣтлую жизнь...

А Деванъ?

Боевой подъемъ, возбуждающая атмосфера сраженія не могли не оказывать вліянія на его нервную организацію, но онъ старался относиться къ своему дѣлу только формально и лишь занимался устанавливаніемъ мѣстонахожденія непріятельскихъ батарей.

Онъ любилъ подниматься, по возможности, выше отъ безумствующей земли съ ея страшными испареніями крови, и оттуда, съ безпредѣльнаго небеснаго простора созерцать міръ.

Деванъ забывалъ тогда, вѣрнѣе, силился забыть о безуміи кровавыхъ полей, и казалось ему, что онъ, какъ еще недавно въ Англіи, совершаетъ свои обычные воздушные полеты спортсмена и эстета.

Внизу клубились туманы орудійной оргіи и долетали страшныя вулканическія содроганія воздуха, но здѣсь, въ ясной лазури вѣчно спокойнаго неба, подъ живительнымъ солнцемъ, подъ тѣмъ же Сурьей далекой прекрасной родины, Деванъ какъ будто видѣлъ дорогія картины озера, сада, цвѣтовъ, бѣлопунцовыхъ Азуръ, колокольчиковъ ипомей, какъ будто слышалъ печально торже-

ственные звуки Лиры боговъ. Онъ видѣлъ отца, съ скорбно печальнымъ взоромъ глубоко ушедшихъ глазъ, скучающаго по своемъ единственномъ сынѣ.

Судорожная волна подкатывалась къ его горлу, и слезы выступали на глазахъ.

Зачѣмъ, зачѣмъ все такъ безсмысленно сложилось?..

О, этотъ Азокъ! Онъ точно игралъ роль злого генія. И осужденіе поднималось тогда въ душѣ Девана—вѣдь Азокъ привезъ его сюда, въ этотъ несчастный адъ. Нѣтъ, Деванъ самъ виноватъ—его обязанностью было во-время отказаться, вѣдь у него должна же быть собственная воля...

Тоска по родинѣ, по отцу, по свѣтлой гармоніи жизни, въ связи съ чувствомъ сознанія собственной роковой ошибки и слабости воли переходила въ душѣ Девана въ мучительно тяжелое переживаніе. Только шумъ пропеллера не давалъ ему возможности погрузиться во внутреннюю пытку, напоминая о грозной, неумолимой дѣйствительности, о кошмарѣ боевой равнины, о принятомъ на себя безсмысленномъ долгѣ.

Деванъ начиналъ снижаться съ поднебесныхъ высотъ и оказывался въ районѣ дѣйствія огня.

Его аэропланъ мгновенно окружали зловѣще расплывавшіяся облачка шрапнельныхъ разрывовъ, и въ крылья впивались свинцовые зубы.

Точно завидовали паренію Девана невидимые свирѣпые гномы земли, точно ихъ пресмыкающаяся ярость не могла помириться съ свѣтлой свободой безграничнаго простора жизни...

Деванъ летѣлъ въ сторону своихъ и плавнымъ, планирующимъ спускомъ благополучно приземлялся.

Его сейчасъ же окружали индусы и выраставшій словно изъ-подъ земли неотлучный Азокъ.

VI.

Цеппелинъ Z 1.

Это случилось въ прекрасное солнечное утро, такъ благопріятствовавшее полетамъ.

Азокъ улетѣлъ съ ранняго утра, получивъ приказъ осмотрѣть рельефъ одной части непріятельскихъ укрѣпленій.

Деванъ остался у ангаровъ и бродилъ возлѣ нихъ, машинально вслушиваясь по временамъ въ разгоравшуюся канонаду.

Мысли его, по обыкновенію, были далеко.

Онъ думалъ и объ Индіи, и о загадкахъ жизни, и о возможной близости смерти.

Хотя Деванъ былъ, казалось, пріученъ самымъ ходомъ своего воспитанія и своей кастовой наслѣдственностью къ полному равнодушію къ смерти, однако онъ относился къ ней съ какимъ-то невольнымъ недоумѣніемъ и страхомъ.

Это чувство было похоже на страхъ ребенка передъ темнотой.

Деванъ, какъ и всѣ образованные индусы, былъ совершенный атеистъ и цѣнилъ изъ всѣхъ религій лишь религію браманизма за ея атеистическій характеръ.

Но ребяческая жажда безконечнаго продленія своей личности, такъ не ладившая съ проникновенностью его ума, вызывалась, вѣроятно, обиліемъ неиспользованныхъ молодыхъ душевныхъ силъ.

Деванъ логически долженъ былъ признать неизбѣжное исчезновеніе своего «я» послѣ смерти, но здоровый инстинктъ кипучей молодой жизни дѣлалъ невозможнымъ, противоестественнымъ этотъ внезапный скачокъ въ непроглядную сплошную, безличную тьму вѣчной ночи.

И вѣрить хотѣлось, какъ никогда, что смерть для Девана вообще невозможна, какъ невозможно, чтобы внезапно потухло горячее солнце и померкли ночные стражи—звѣзды...

Размышленія Девана были прерваны полученіемъ приказа произвести немедленно воздушную развѣдку въ тылу непріятеля—штабъ получилъ извѣстія о какихъ-то таинственныхъ передвиженіяхъ германцевъ. Черезъ десять минутъ Деванъ уже поднимался на своемъ воздушномъ суднѣ въ лазурное небо и, взвившись на значительную высоту, понесся въ намѣченную приказомъ сторону.

Черезъ минуту судно начало тонуть, поднимаясь кормой вверхъ.

Свѣжая прохлада поднебесныхъ высотъ обвѣвала его, и солнечное утро, противъ воли, наполняло все его существо жизнерадостнымъ, ликующимъ подъемомъ жизни.

Девану показалась, что, мчась стрѣлой, онъ находится уже надъ цѣлью своего полета.

Онъ началъ снижаться.

Успокоенный кажущейся тишиной, Деванъ очень низко летѣлъ надъ землей, стараясь присмотрѣться къ особенностямъ разстилавшагося подъ нимъ ландшафта, не носившаго почти отпечатка войны.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько круговъ, то немного поднимаясь, то опять опускаясь.

Деванъ старался оріентироваться въ мѣстѣ и направленіи дальнѣйшаго полета, такъ какъ, повидимому, онъ залетѣлъ слишкомъ далеко въ тылъ врага.

Кружась и размышляя подъ мѣрное жужжаніе пропеллера, Деванъ не обратилъ во-время вниманія на надвинувшуюся вдругъ на него страшную опасность.

Онъ уже хотѣлъ свободно взвиться и повернуть назадъ, какъ внезапно замѣтилъ вынырнувшую откуда-то стаю стальныхъ непріятельскихъ коршуновъ. Они закружились и старались замкнуть кольцо вокругъ неосмотрительнаго непріятельскаго авіатора.

Деванъ попробовалъ ускользнуть отъ нихъ быстрымъ движеніемъ впередъ.

Но путь съ быстротой молніи оказался прегражденнымъ. Тогда Деванъ, съ порывомъ невѣдомой ему дотолѣ энергіи, рѣшимости и упорства, налегъ на руль глубины и, ловко избѣгнувъ на время опасности, взвился на громадную высоту.

Въ немъ проснулся спортсменъ.

Преслѣдователи окружили его снова кольцомъ въ поднебесномъ просторѣ.

Онъ поднимался все выше и выше.

Разрѣженный, холодный воздухъ впивался иголками въ лицо и руки. Наконецъ, стало трудно дышать. Неутомимые враги яростно преслѣдовали его, стрѣляя по временамъ.

Странно звучали выстрѣлы въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ, въ безграничномъ воздушномъ океанѣ, на головокружительной высотѣ.

Деванъ началъ спиралью снижаться, въ сопровожденіи зловѣщей стаи.

Повидимому, положеніе его было безнадежно.

На мгновеніе ему пришло въ голову приземлиться и сдаться. Но сейчасъ же онъ отбросилъ эту мысль—невѣдомый плѣнъ былъ малоутѣшителенъ; почему-то ему все еще казалось, что какъ-нибудь онъ ускользнетъ.

Деванъ снова взвился.

Въ это время онъ замѣтилъ плавно плывшую черную громаду дирижабля, направлявшагося въ сторону расположенія индійскихъ войскъ.

Мозгъ молодого брамина, такъ мало умѣвшій оріентироваться въ практической жизни въ обычное время, теперь, въ минуты чрезвычайной опасности, когда шла игра на жизнь и смерть, лихорадочно и плодотворно заработалъ. Смѣлая и единственно спасительная, какъ ему казалось, мысль мелькнула въ головѣ Девана, и онъ сейчасъ же привелъ ее въ исполненіе.

Его воздушное судно быстро начало приближаться къ чудовищной сигарѣ, на которой отчетливо виднѣлись огромные знаки: Z 1.

Деванъ направилъ свой аэропланъ къ верхней оболочкѣ дирижабля и, рискуя попасть въ сферу вихря пропеллеровъ корабля Z 1, понесся близко-близко надъ нимъ.

Преслѣдующіе аэропланы, какъ будто въ недоумѣніи и нерѣшительности, кружились нѣкоторое время вокругъ Девана и воздушной сигары.

Но черезъ нѣсколько минутъ вражескіе авіаторы, повидимому, поняли планъ Девана—отлетѣть подъ прикрытіемъ дирижабля въ сторону своихъ и попасть въ сферу полетовъ своей стаи стальныхъ птицъ.

Они быстро обмѣнялись сигналами съ пилотами дирижабля, и цеппелинъ, несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, произвелъ ловкую воздушную эволюцію.

Онъ внезапно точно застылъ на мѣстѣ, а потомъ мгновенно ринулся въ сторону.

Прежде чѣмъ Деванъ успѣлъ что-либо предпринять, онъ очутился подъ жестокимъ близкимъ огнемъ пулеметовъ воздушнаго корабля.

Онъ хотѣлъ ринуться впередъ, въ освободившійся на минуту лазурный просторъ, но руки, покоившіяся на рулѣ, вдругъ почему то стали неподвижными. Только передъ глазами сверкали зловѣщіе знаки: Z 1.

По аэроплану Девана стучалъ крупный дождь туманной осени. Солнце начинало какъ будто тускнѣть и заволакиваться все болѣе темнымъ флеромъ.

Слухъ уже не улавливалъ шума мотора.

Въ мозгу проносились цѣлые сонмы мыслей и образовъ.

Картины развертывались съ страшной быстротой передъ его умственнымъ взоромъ — и слились вдругъ въ одну: Деванъ погружался въ хрустальный янтарь Озера Безсмертія, убаюкиваемый мягкимъ шумомъ волнъ.

О чемъ-то звенѣла многострунная Лира боговъ, и внезапно оборвалась—тѣнь сумерекъ вѣчности покрыла все непроницаемой фатой.

Деванъ, подобно Икару съ растаявшими крыльями, съ поднебесной высоты упалъ на землю...

VII.

„Сильные—властелины“.

На слѣдующій день о гибели Девана стало извѣстно въ штабѣ индійской арміи.

Такъ какъ погибшій принадлежалъ къ знатнѣйшему роду браминовъ, то были приняты всѣ мѣры для полученія его тѣла.

Переговоры о выдачѣ останковъ Девана, значительно облегченные крупной денежной суммой, на которую не поскупился ставшій единственнымъ наслѣдникомъ Альгуджи—Азокъ, окончились благопріятно.

Прахъ Девана былъ доставленъ и, послѣ бальзамированія, отправленъ съ почестями для погребенія въ Индію, на берега Озера Безсмертія.

Азокъ поспѣшилъ отправить убійственную телеграмму отцу Девана.

Когда Азоку пришлось увидѣть мертваго брата, имъ овладѣло на время какое-то тоскливое сожалѣніе, вызванное внезапной безвременной гибелью брата, но это непріятное переживаніе скоро уступило мѣсто яркому чувству ослѣпительныхъ надеждъ ожидавшей его жизни.

«Сильные духомъ властвуютъ на землѣ, думалось ему, и не должно быть мѣста отжившей сентиментальности и предразсудкамъ общественныхъ воззрѣній и нравственности».

Правда, въ гордомъ порывѣ «по ту сторону добра и зла», онъ не могъ не сознаться себѣ, что въ сущности его участіе въ устраненіи брата играло далеко не первостепенную роль въ хаосѣ разыгравшихся событій. Азокъ далъ, пожалуй, лишь первый толчокъ, заставивъ Девана поступить на военную службу.

Но вѣдь и онъ самъ ежеминутно рисковалъ своею жизнью и, въ концѣ-концовъ, какъ это ни было печально для его самомнѣнія, онъ долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что въ жизни играетъ роль особая рулетка случаевъ, и выигрываютъ лишь удачники, баловни такъ называемаго счастья.

Впрочемъ, теперь Азоку всѣ эти мысли были не столь важны передъ лицомъ круто измѣнившейся собственной жизни—онъ былъ на пути къ осуществленію своей завѣтной цѣли.

Единственный наслѣдникъ огромнаго состоянія и прекраснаго владѣнія на берегу Озера Безсмертія, онъ могъ смотрѣть на міръ черезъ розовую дымку еще не вполнѣ оформленныхъ плановъ, величественно дерзкихъ схемъ будущаго устройства жизни.

Азокъ былъ почти увѣренъ, что отецъ Девана долго не проживетъ, потерявъ любимаго сына.

Онъ хорошо зналъ о глубокой и нѣжной привязанности Альгуджи къ Девану, переходившей, казалось, въ какой-то культъ любви.

Быть-можетъ, вскорѣ Азокъ будетъ уже не наслѣдникомъ, а владѣльцемъ, милліонеромъ.

Онъ начиналъ съ плохо скрытымъ удовлетвореніемъ замѣчать измѣнившееся къ нему отношеніе многихъ знатныхъ браминовъ, не говоря о представителяхъ другихъ кастъ.

Всѣ съ какимъ-то подобострастіемъ и почтительнымъ вниманіемъ выслушивали его самыя незначительныя замѣчанія, одобрительно кивая головами.

Даже англійскіе военачальники стали по отношенію къ Азоку гораздо любезнѣе, они искреннѣе жали ему руку при встрѣчахъ. Азокъ, точно побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ, увѣнчанный невидимыми лаврами за невѣдомыя отличія, вступалъ на жизненную арену.

Онъ былъ увѣренъ, что сумѣетъ устроить свою жизнь не въ примѣръ всему презрѣнному, жалкому человѣческому стаду.

Это стадо безсмысленно металось изъ стороны въ сторону, ища корма и дешевки культуры, мыча и бодаясь или завывая волкомъ.

Тупостью, бѣшенствомъ, безсмысленностью вѣяло отъ человѣческаго стада. Пусть было бы оно жестоко, кровожадно, но, по крайней мѣрѣ, болѣе осмыслило свою плотоядную кормежку.

Азокъ чувствовалъ себя неприступной горой среди холмовъ и кочекъ человѣческой равнины, горой, на которой искри-

лись ослѣпительнымъ свѣтомъ вѣчные снѣга мысли, порывовъ въ даль, всеобъемлющей полноты жизни.

Эта полнота была для него обаятельной, притягательной, неотразимой.

На этихъ прекрасныхъ высотахъ, гдѣ владычествуетъ лишь огромная воля и всевидящій разумъ, такъ просторно, точно въ морѣ, пропадали границы, точно вырастали внезапно крылья хотѣнія.

Мало хотѣть, мало умѣть хотѣть, надо осуществлять хотѣніе, и тогда только широко раскроется Сезамъ жизни, ея чары, ея капризы и уловки, ея змѣиная мудрость и совиная загадка, ея живописныя сочетанія красоты и безобразія.

Азокъ рѣшилъ спустя нѣкоторое время послѣ смерти Девана отправиться въ Индію.

Тамъ онъ предполагалъ довести до конца свое вступленіе во владѣніе.

Теперь для него не было рѣшительно никакого смысла принимать участіе въ войнѣ, подвергая ежечасно свою жизнь опасности.

Азокъ «заболѣлъ», а такъ какъ богатые и знатные люди въ большинствѣ подобныхъ случаевъ заболѣваютъ «тяжело» и нуждаются въ долгомъ и тщательномъ лѣченіи, то молодому брамину не стоило большого труда получить продолжительный отпускъ для поправленія здоровья.

Въ одинъ изъ туманныхъ, ненастныхъ дней, онъ очутился въ англійскомъ портѣ Соутгемптонѣ, ожидая отхода большого океанскаго парохода «Королева Елизавета» въ индійскія воды.

Азокъ съ нетерпѣніемъ высчитывалъ время, оставшееся до отплытія.

Его тянули изъ Европы въ страну пламеннаго Сурьи не только презрѣнные коммерческіе виды, но и желаніе отдохнуть на лонѣ величественной природы отъ пережитыхъ волненій послѣднихъ мѣсяцевъ.

VIII.

U 2.

Пароходъ «Королева Елизавета» уносила Азока въ морскую даль. Съ порывами морского вѣтра къ молодому брамину возвращалось ощущеніе здоровья и свободы, безпричинной веселости и радости.

Хорошо было сознавать въ себѣ переливавшіяся черезъ край силы жизни, въ то время какъ сонмы людей лежали тамъ, въ покинутой странѣ, обрубками исковерканнаго, истерзаннаго мяса.

Азокъ, помѣстившись на кормѣ, долго смотрѣлъ на волнующуюся, пѣнистую дорогу, оставляемую винтомъ. Она вызывала въ немъ далекіе образы родины, картины Озера Безсмертія.

Какія-нибудь нѣсколько недѣль отдѣляли его отъ пріятной жизни въ прекрасномъ дворцѣ дяди, среди волшебной природы и ласкъ золотого Сурьи.

Хорошо теперь Азоку отдохнуть въ этой чарующей, успокаивающей обстановкѣ, отдаться на время неумной, правда, но все же необходимой лѣни созерцанія и неяснаго томленія.

На пароходѣ не чувствовалось обычной для океанскихъ исполиновъ атмосферы беззаботности и желанія убить время самымъ безсмысленнымъ образомъ.

Раскаты боевой грозы и недалекій вихрь сраженій на землѣ проносились и здѣсь и зловѣще незримо царили надъ моремъ.

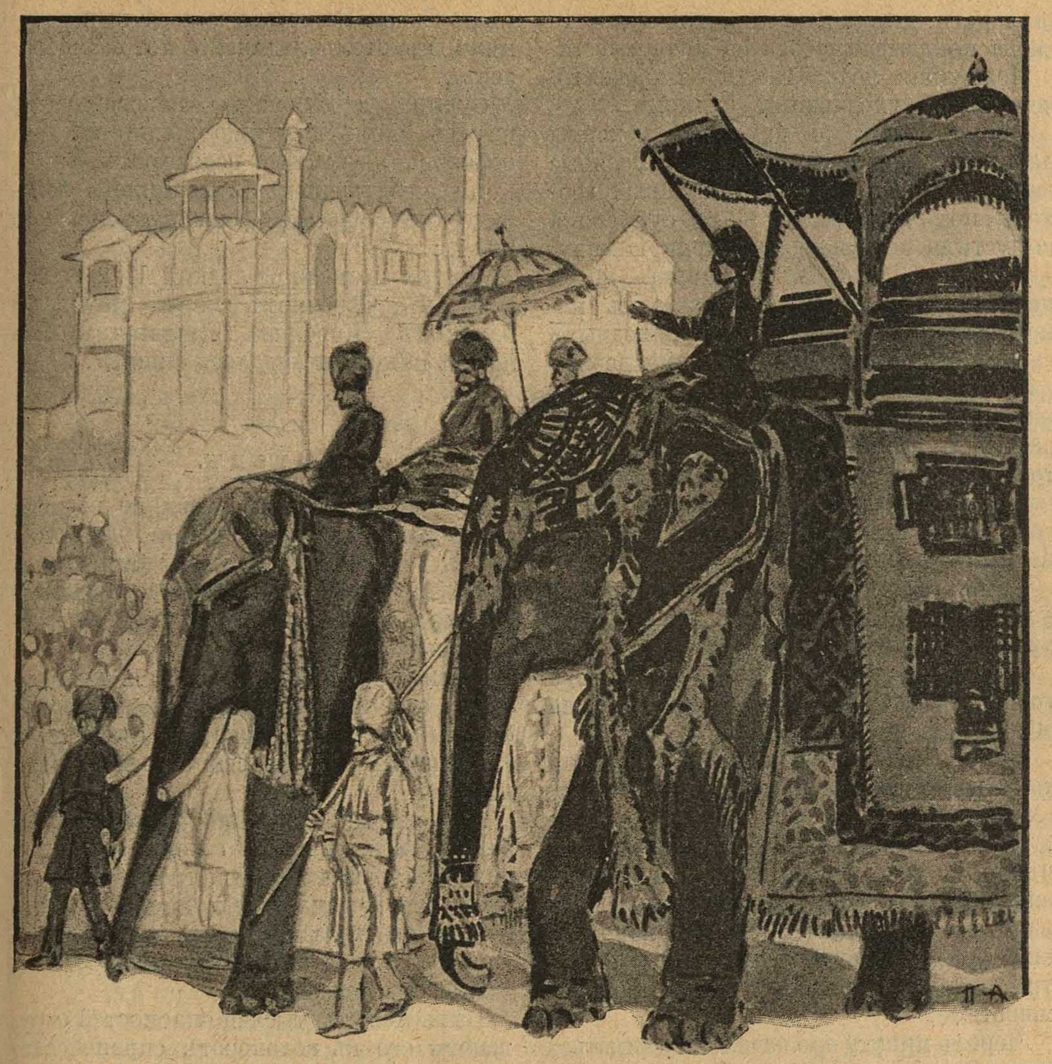
Всѣ знали, что пловучія мины рыскали по морю, ища жертвъ. Время отъ времени появлялись то тамъ, то здѣсь изъ невидимыхъ нѣдръ водъ подводныя стальныя одноокіе циклопы - субмарины, зорко высматривавшіе непріятельскія суда съ единственной цѣлью—полнаго ихъ уничтоженія.

Капитанъ, отважный, энергичный морской волкъ, озабоченно всматривался въ безграничныя дали, не покидая своего мостика и почти не отнимая отъ глазъ бинокля.

Лишь бы благополучно пройти опасную зону, а тамъ, въ Бискайскомъ морѣ, «Королева Елизавета» будетъ какъ у себя въ Соутгемптонскомъ портѣ.

Пароходъ быстро и увѣренно разсѣкалъ волнистую поверхность воды и съ трудомъ вѣрилось, чтобы этотъ морской гигантъ могъ опасаться кого-нибудь.

Безпокойство пассажировъ не передавалось Азоку; онъ почему-то былъ

Въ Амрутсирѣ останки Девана съ военными почестями, подъ звуки похороннаго марша, были поставлены на одного изъ слоновъ.

увѣренъ въ полной невозможности какой-либо катастрофы, не вѣрилъ опасности тамъ, гдѣ не было видно ни малѣйшаго ея признака.

Ему приходилось бывать на континентѣ въ ураганѣ огня, гдѣ каждый атомъ воздуха носилъ, казалось, смерть, и все же онъ остался цѣлъ.

Неужели его счастливая звѣзда можетъ подвергнуться испытанію здѣсь, гдѣ все такъ мирно и съ виду безопасно?..

Капитанъ, стоявшій неподвижно на мостикѣ, внезапно сдѣлалъ рѣзкій жестъ и что-то передалъ вбѣжавшему къ нему на мостикъ офицеру.

Оба пристально всматривались нѣсколько минутъ въ появившуюся недалеко отъ парохода загадочную точку, а потомъ, быстро обмѣнявшись словами, измѣнили курсъ судна.

«Королева Елизавета» начала, что было силъ въ паровой ея груди, уходить въ сторону, противоположную той, откуда появилась непріятельская субмарина.

Уже черезъ нѣсколько минутъ зловѣщая точка превратилась въ перископъ

стального дельфина, то нырявшаго, то снова показывавшагося на поверхности.

Подводная лодка гналась съ ожесточенiемъ за уходившимъ судномъ.

Вдругъ одинъ за другимъ у кормы парохода взвились огромные водяные смерчи, и одновременно страшный грохотъ потрясъ воздухъ—это субмарина выпустила пока неудачно первую мину.

Пароходъ мчался по морю, но и подводная лодка принадлежала къ какому-то особенному типу быстроходныхъ субмаринъ, такъ какъ все время держалась почти на одинаково близкомъ разстоянiи отъ судна. Событiя развивались съ такой ошеломляющей быстротой, что пассажиры, точно окаменѣвъ, безсмысленно наблюдали съ палубы за состязанiемъ надводнаго Голiаѳа съ подводнымъ Давидомъ.

Азокъ сразу оцѣнилъ всю серьезность положенiя, и на минуту холодная дрожь ужаса пробѣжала по его тѣлу.

Неужели такъ безсмысленно на порогѣ гордой свѣтозарной будущности должна оборваться его жизнь?..

Непонятная, чуждая, невѣроятная тьма надвигающейся смерти на минуту охватила его.

Въ это время съ пароходомъ случилось что-то ужасное, не поддающееся точному описанiю,— грохнулъ оглушительный взрывъ, поднялись водяные исполинскiе фонтаны, судно на мгновенiе затрепетало, точно смертельно раненое животное.

Черезъ минуту оно начало подниматься кормой вверхъ. Крикъ ужаса обезумѣвшихъ пассажировъ слился съ шумомъ агонiи тонувшаго парохода.

Азокъ понялъ въ одно мгновенiе, что онъ погибъ, что нѣтъ спасенiя отъ надвигающагося мрака небытiя. Порывъ животнаго страха пронесся по всему его существу.

Но черезъ секунду его могучая воля побѣдила этотъ малодушный приступъ ужаса, и онъ съ ледянымъ спокойствiемъ и презрѣнiемъ посмотрѣлъ въ лицо смерти. Онъ былъ побѣжденъ, но побѣжденъ безсмыслiемъ стихiй... Холодныя далекiя вереницы картинъ мелькали съ ужасающей быстротой въ его мозгу. И даже пламенный Сурья родины и кристальная гладь Озера Бесмертiя холодѣли и тускнѣли въ этомъ ледяномъ потокѣ образовъ...

Судно судорожно перевернулось вверхъ дномъ и грузно пошло ко дну, образовавъ ужасный водоворотъ.

На слѣдующiй день появилось лаконическое сообщенiе германскаго морского штаба:

«Вчера подводной лодкой U 2 потопленъ въ Сѣверномъ морѣ англiйскiй пароходъ «Королева Елизавета». Изъ людей никого не удалось спасти».

IX.

Отецъ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ со времени безпрерывнаго приношенiя человѣческихъ гекатомбъ кровавому безумiю въ Европѣ, томился Альгуджа неизвѣстностью относительно судьбы своего дорогого сына.

Правда, онъ получилъ нѣсколько писемъ съ неопредѣленными намеками отъ сына и племянника, но эти намеки возбуждали въ немъ еще большее безпокойство.

Его прежнiй, ничѣмъ ненарушимый величественный покой созерцателя уступилъ мѣсто мучительной тоскѣ по сыну.

Образъ Девана стоялъ днемъ и ночью передъ его глазами, прекрасный образъ юноши съ свѣтлымъ будущимъ.

Гдѣ онъ теперь?

Быть-можетъ, тысячи опасностей окружаютъ его въ водоворотѣ европейскаго кошмара; быть - можетъ, онъ борется между жизнью и смертью?

Отъ одного этого предположенiя холодный потъ выступалъ у Альгуджи, и мучительная волна тоски подступала къ горлу.

Онъ старался, по возможности, меньше оставаться съ самимъ собой, начиная бояться раскрывающейся передъ нимъ бездны.

Альгуджа приглашалъ къ себѣ рѣдко бывавшихъ у него раньше браминовъ, велъ съ ними философскiе и теологическiе споры.

Для заполненiя времени онъ погружался въ хорошо знакомый ему мiръ, причудливо таинственный мiръ старыхъ.

насчитывающихъ цѣлыя тысячелѣтія Ведъ, въ широкій спокойный потокъ величественныхъ образовъ, мудрой поэзіи, въ струнный ритмъ пѣснопѣній.

Шли дни, недѣли, а все оставалось попрежнему.

Въ лунные, янтарно свѣтлые вечера Альгуджа стоялъ подолгу надъ берегами Озера Безсмертія, неподвижно вперивъ взоры въ измѣнявшіяся тѣни царства ночи. Острая тоска дня смѣнялась глубокой грустью.

Она набрасывала песочно-желтую фату безжизненности на чувства и мысли и обвивала все существо медленно, медленно.

Озерная Лира боговъ по временамъ смягчала эту мучительную скорбь, внося умиротворяющіе мотивы далекой, какъ небо отъ земли, жизни потусторонняго непонятнаго міра.

Гдѣ его Деванъ?

Гдѣ его воплощенная огромная любовь, надежда, отрада жизни?..

Когда въ одно обычное, жизнерадостно пиршественное утро Альгуджа получилъ телеграмму отъ Азока съ краткимъ извѣщеніемъ о гибели сына въ воздушномъ, поднебесномъ бою и отправленіи праха въ Индію, онъ въ первую минуту не вѣрилъ, не хотѣлъ, не могъ вѣрить собственнымъ глазамъ.

Неужели могли облечься плотью дѣйствительности его томительныя, тоскливыя предчувствія?..

Онъ былъ ошеломленъ, пораженъ, точно солнечнымъ ударомъ.

Онъ долго не могъ собраться съ мыслями.

На время на Альгуджу какъ будто напалъ столбнякъ. Онъ сидѣлъ безжизненно, неподвижно, вперивъ взоръ въ одну точку. Нѣтъ, это сонный кошмаръ—страшная призрачность не могла превратиться въ явь!

Послѣ долгой неподвижности и окаменѣнія мыслей Альгуджа мало-по-малу началъ приходить въ себя, началъ отдавать себѣ отчетъ въ невѣроятной, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительной новости.

Нѣтъ уже Девана... Нѣтъ его сына...

Какъ будто не было никогда на землѣ прекраснаго юноши. Какъ будто Альгуджѣ снился невозможный, сказочный сонъ о сынѣ—принцѣ мысли и чувствъ, среди Озера Безсмертія, среди безчисленныхъ цвѣтовъ Азуръ, подъ божественный звонъ Лиры боговъ...

Никогда, никогда, сколько разъ ни всходилъ бы пламенный Сурья надъ возлюбленнымъ своимъ царствомъ, сколько разъ ни пѣли бы лунныя симфоніи о призрачной сущности міра,—его Деванъ не воскреснетъ, не улыбнется тихой улыбкой въ отвѣтъ на привѣтствіе отца, не будетъ разсыпать цвѣтистые вѣнки своей проникновенной мысли...

Никогда не будетъ онъ вдыхать опьяняющихъ ароматовъ земного жаркаго сада Озера Безсмертія, никогда не услышитъ онъ волнующей тростниковой игры вечерняго вѣтра, никогда не увидитъ свѣтлаго Сурьи... Никогда... Никогда...

Въ безличной, безжизненной, пустынной безднѣ Нирваны распылился уже его прекрасный земной духъ, сотканный изъ струнъ арфъ и золота солнечныхъ лучей.

Въ ничего не выражающій на земномъ языкѣ Хаосъ потусторонняго міра, въ непонятное и чуждое для жизни «Ничто» уже погрузилось то, что еще недавно было Деваномъ.

А жизнь, еще болѣе загадочная, еще болѣе беззаботная, кружилась передъ растерянной, ошеломленной, полной смертельнаго отчаянія, душой Альгуджи, врываясь властно, беззастѣнчиво въ цѣломудренную обитель бездонной скорби...

X.

Майа.

Альгуджа ждалъ прибытія тѣла своего сына съ страстнымъ, непонятнымъ для него самого ожиданіемъ.

Всѣ мысли его теперь были тамъ, гдѣ находились дорогіе останки.

Наконецъ было получено извѣстіе, что тѣло прибыло въ Амрутсиръ.

Брамины-жрецы, сочувствуя горю отца, а еще болѣе стремясь исполнить всѣ церемоніи погребенія молодого брамина, приняли дѣятельное участіе въ доставленіи праха на берега Озера Безсмертія.

Погруженный въ себя, съ застывшей мукой скорби, Альгуджа машинально цѣлыми днями бродилъ по саду или окрестному пальмовому лѣсу.

Въ Амрутсиръ были посланы разукрашенные, сообразно печальному назначенію, слоны въ траурныхъ попонахъ. Брамины постарались возможно торжественнѣе обставить похороны.

Въ Амрутсирѣ останки Девана, съ военными почестями, подъ звуки похороннаго марша были поставлены на одного изъ слоновъ. Торжественно и медленно процессія двинулась изъ города къ Озеру Безсмертія.

Немалая толпа горожанъ-индусовъ, жадныхъ до зрѣлища пышныхъ обрядовъ погребенія, сопровождала слоновъ до самаго озера.

Альгуджа не поѣхалъ въ городъ встрѣчать останки сына—публичный характеръ похоронъ оскорблялъ глубину его безграничной скорби.

А бороться съ могущественной кастовой обрядностью у него не было ни силъ ни желанія.

Отецъ долго не отрывалъ взора отъ безучастнаго, окаменѣвшаго лица сына, когда на время открыли останки. Альгуджѣ казалось, что это не его сынъ, недавно еще полный жизни, что это лишь восковая кукла, похожая на его дорогого Девана.

Онъ безучастно относился къ дальнѣйшему, точно видѣлъ все сквозь неясную слюду, на рубежѣ сна и яви.

Тѣло было вынесено при величавомъ пѣніи гимновъ на берегъ Озера Безсмертія, гдѣ уже предварительно былъ сооруженъ огромный костеръ. По ступенькамъ прахъ внесли на середину костра и, по совершенію нѣкоторыхъ обрядностей, зажгли.

Въ это время красно-золотой Сурья былъ близокъ къ закату, обливая пурпурными потоками лѣсъ и озеро. При пѣніи тягуче печальныхъ молитвъ или, вѣрнѣе, при речитативѣ пѣснопѣній Ведъ, запылалъ костеръ. Онъ загорѣлся, взвившись огненнымъ столбомъ и разсыпая каскады искръ.

Солнце зашло.

Въ быстро наступившей темнотѣ огромный костеръ озарилъ заревомъ бархатъ неба и наполнилъ огненной жизнью безмолвіе хрустальнаго озера.

Красные стволы пальмъ и бамбука окружали неизмѣнной толпой озерныя воды.

Уже костеръ потухъ, уже ушли жрецы и любопытная толпа, а Альгуджа все стоялъ около мѣста священнаго агни [1]).

Безлунная ночь владычествовала надъ міромъ, и все было страшно и призрачно, все было невѣроятно и невозможно.

Уже не тоска и отчаяніе наполняли душу брамина, а появившееся незамѣтно изъ невѣдомыхъ тайниковъ существа что-то, напоминавшее великое прозрѣніе. Въ ореолѣ глубокаго безразличія и безстрастности, точно приподнималась завѣса загадочной Майи надъ иллюзіей Міра, надъ всѣмъ тѣмъ, что внушало къ себѣ такую обманчивую увѣренность въ своей дѣйствительности.

Даже жизнедышащій Сурья становился такимъ же призрачнымъ, какъ предразсвѣтный туманъ, разсѣивающійся при розовомъ вступленіи на небо юной ушасъ [2]).

Все—лишь облачная причудливая игра, принимаемая за несомнѣнную подлинность, все—фантастическій бредъ чего-то, находящагося за гранью Майи, чего-то вѣчнаго, безграничнаго, безличнаго, стихійнаго.

Альгуджа чувствовалъ себя на грани зарубежнаго, безлично-стихійнаго міра, по ту сторону Майи, и не ощущалъ уже ничего земного.

Онъ не ощущалъ уже того, что машинально вошелъ въ тростниковыя воды, не слышалъ, что шепталъ прибрежный вѣтеръ въ камышахъ.

Ему казалось, что онъ идетъ прямо къ близкой завѣсѣ Майи, и вотъ-вотъ откроетъ ея покровы.

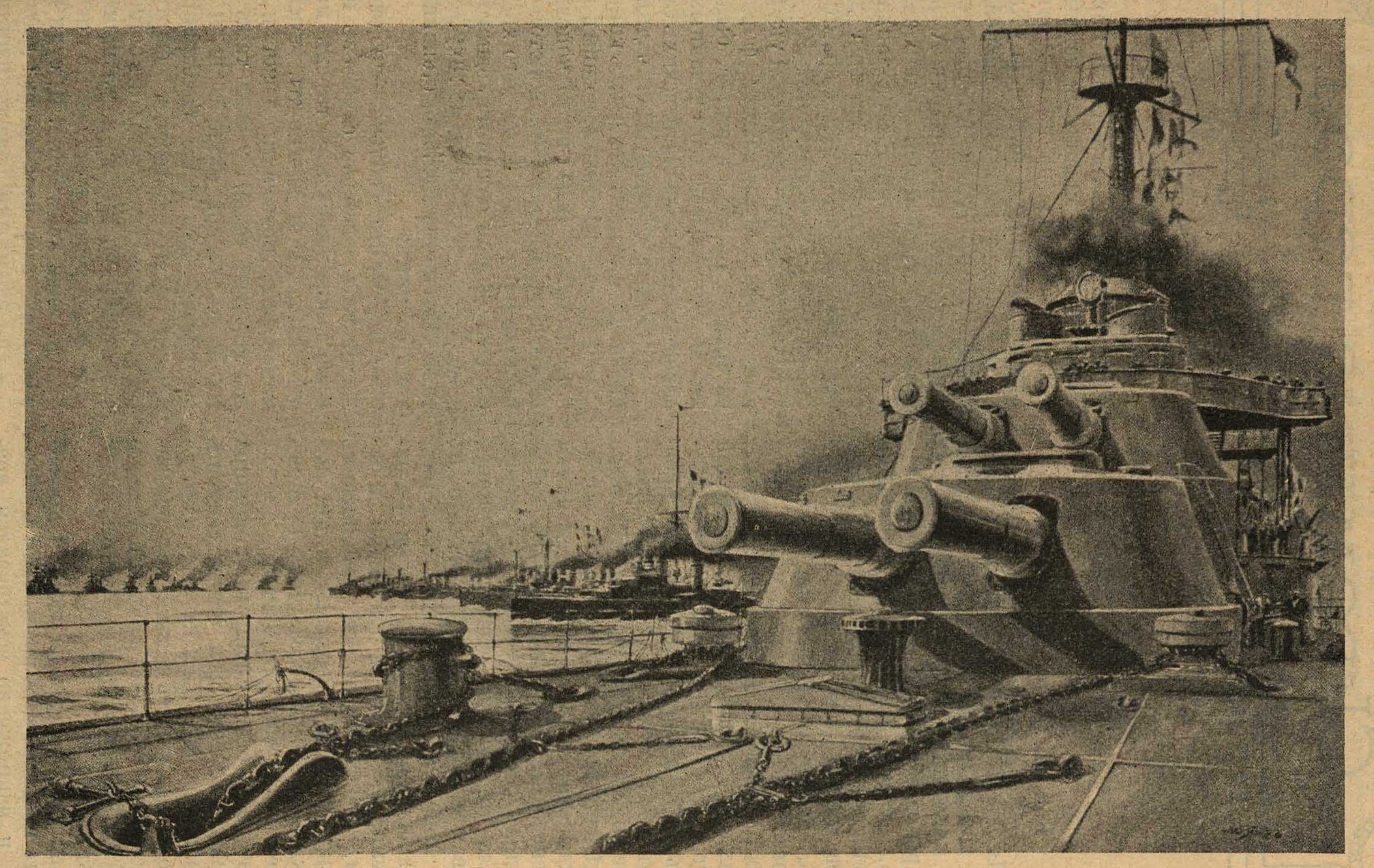
Онъ не ощущалъ уже того, что надъ его головой замкнулся темный бархатъ водъ...

Озеро Безсмертія казалось дѣйствительнымъ символомъ вѣчности и безсмертія, отражая въ своихъ водахъ, даже въ безлунную ночь, истинную сущность міра и жизни—ихъ призрачность...

---

[1]) По-санскритски «огонь».
[2]) По-санскритски «утренняя заря».

ПЛОВУЧАЯ КРѢПОСТЬ.

Башня на французскомъ броненосцѣ «Курбе», одномъ изъ величайшихъ судовъ современнаго флога.

Скромные герои.

Эпизодъ изъ современной войны.

I.

Бой въ открытомъ морѣ.

БЫЛА очень холодная ночь. Сильная волна набѣгала изъ открытаго моря, такъ какъ уже четыре дня безпрерывно дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Большая качка дѣлала жизнь на миноносцѣ прямо невыносимой. Тяжело переваливаясь, они совершали свой дозоръ, держась отъ непріятельскаго порта на разстояніи всего двухъ миль.

Вотъ уже шесть недѣль, каждый день, съ заходомъ солнца миноносцы выходили на дозоръ. Сорокъ восемь долгихъ скучныхъ ночей провели они, медленно крейсируя взадъ и впередъ и зорко наблюдая за непріятелемъ. Дозорная линія была раздѣлена на участки въ 3—4 мили. Каждый участокъ обслуживался двумя миноносцами. Остальная блокирующая эскадра, состоящая изъ 18 судовъ, стояла дальше, въ открытомъ морѣ, готовая каждую минуту вступить въ бой. Миноносецъ «Харонъ» (780 тоннъ, 27 узловъ), вооруженный двумя 4-дюймовыми и двумя 12-фунтовыми пушками, обслуживалъ съ миноносцемъ «Стиксъ» первый участокъ линіи загражденія. Командовалъ этимъ судномъ лейтенантъ Джовъ Аллингтонъ.

Онъ былъ старше рангомъ командира «Стикса», поэтому вся отвѣтственность лежала на немъ. Ужъ сколько разъ до этого находился онъ въ такихъ же обстоятельствахъ, но въ эту ночь онъ какъ-то особенно чуствовалъ всю тяжесть своей отвѣтственности.

Аллингтонъ стоялъ на своемъ капитанскомъ мостикѣ, весь продрогшій и озябшій, и напряженно всматривался впередъ. «Харону» не повезло. Ему не пришлось участвовать въ первомъ морскомъ сраженіи послѣ объявленія войны: спустя шесть часовъ по выходѣ изъ Гарвича, въ машинномъ отдѣленіи «Харона» было открыто маленькое поврежденіе. Пришлось вернуться въ Ширнессъ и приводить себя въ порядокъ. А въ это время его сотоварищи участвовали въ жаркомъ сраженіи. Вся команда «Харона» отъ старшаго офицера до послѣдняго матроса не могла примириться съ постигшей ихъ неудачей.

Непріятель скрылся въ свой укрѣпленный портъ, подъ защиту фортовыхъ батарей. И съ тѣхъ поръ все было спокойно, если не считать случайныхъ вылазокъ мелкихъ непріятельскихъ судовъ.

— Что имъ стоитъ устроить для насъ маленькій парадецъ,—ворчалъ капитанъ.

— Вѣдь мы не сдѣлали по нимъ ни одного выстрѣла. Я не считаю, конечно, того несчастнаго истребителя, котораго мы пустили ко дну... Этимъ нечего хвастаться: насъ было трое противъ одного.

— Да-съ, пропустили потѣху!—замѣтилъ лейтенантъ Лэніонъ, стоявшій рядомъ съ нимъ.

— Подумайте только,—продолжалъ Аллингтонъ,—всѣ они сидятъ въ гавани и въ какихъ-нибудь четырехъ миляхъ отъ насъ. Всѣ дредноуты, крейсера, миноносцы, подводныя лодки и, Богъ знаетъ, чего только у нихъ тамъ нѣтъ. Входъ въ гавань минировали, и наши не могутъ ихъ даже бомбардировать изъ-за ихъ большихъ фортовыхъ орудій. Единственно, что намъ остается—это терпѣливо ждать, когда наши солдаты выгонятъ ихъ оттуда. Но когда это будетъ—еще неизвѣстно! И, судя по донесеніямъ, имъ изрядно-таки достается.

— Да, бѣдняжки! Тяжелыя настали для нихъ времена,—согласился Лэніонъ,—

Но... что это такое?—воскликнулъ онъ вдругъ, прислушиваясь. Дѣйствительно, вѣтеръ донесъ до нихъ глухой звукъ пушечнаго выстрѣла.

— Тамъ что-то случилось!—крикнулъ Аллингтонъ, подбѣгая къ лѣсенкѣ мостика и отдавая команду:

«Всѣ по мѣстамъ!»

Поднялась страшная суматоха и бѣготня. Матросы бросились къ своимъ мѣстамъ у орудій и минныхъ торпедъ. Когда появились на мостикѣ офицеръ, артиллеристъ и заспанный помощникъ капитана, судно было уже готово къ бою

— Мэнерсъ! — сказалъ Аллингтонъ младшему лейтенанту, — смотрите за 4-дюймовыми, но не стрѣляйте безъ моего приказанія. А когда будете стрѣлять— такъ ужъ постарайтесь...

Молодой человѣкъ скрылся, а капитанъ обратился къ артиллеристу.

— Конечно, мины у васъ въ порядкѣ, мистеръ Томпкинсъ?

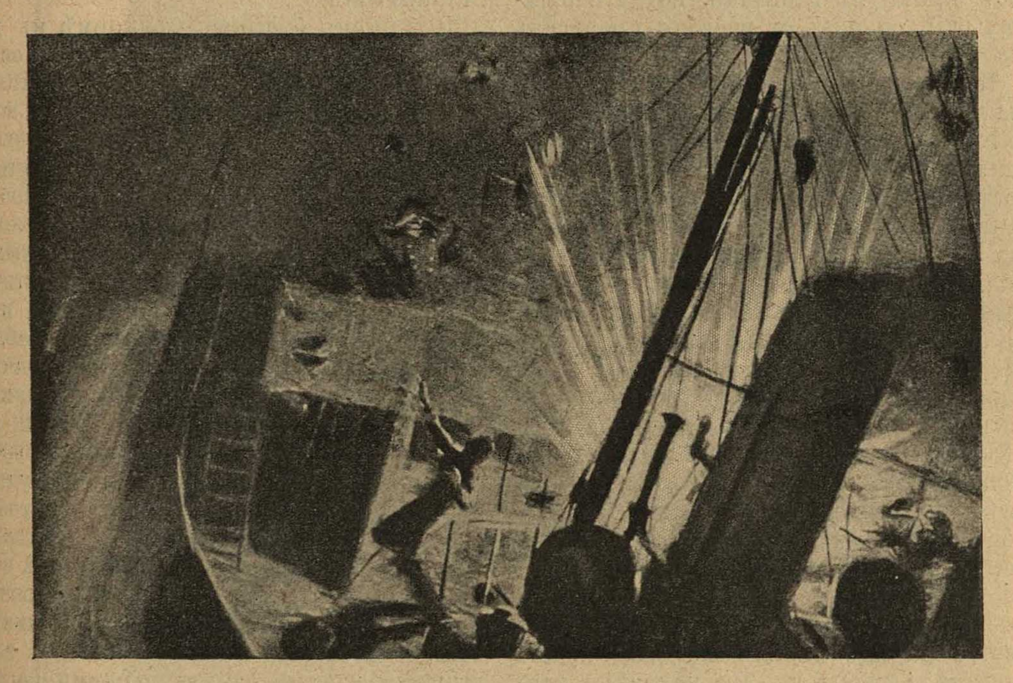
— Да, капитанъ! Все готово по вашему приказанію.

Пальба приближалась, дѣлалась яростной. Грохотъ орудій сливался въ безпрерывный гулъ, огненные снопы прорѣзали темноту. Аллингтонъ и Лэніонъ напряженно всматривались, и только что Лэніонъ хотѣлъ сдѣлать какое-то замѣчаніе, какъ взволнованный голосъ рулевого остановилъ его.

— Капитанъ, капитанъ!

— Ну, что случилось, Спарксъ?

— Капитанъ, отъ насъ направо что-то виднѣется, сначала я замѣтилъ что-то черное, а потомъ пѣну...

Вдругъ на бакѣ «Харона» подъ платформой четырехдюймовой пушки вспыхнулъ яркій огонь.

Но Аллингтонъ ничего не могъ разсмотрѣть, такъ какъ глаза его были ослѣплены огнемъ выстрѣловъ.

— Онъ правъ,—прошепталъ Лэніонъ минуту спустя.—Я тоже вижу что-то черное. Я даже могу различить, сколько ихъ... Одинъ, два... вонъ тамъ. Посмотрите, вотъ у праваго борта бѣлѣетъ пѣна, это, очевидно, слѣдъ перваго изъ нихъ.

— Чертъ побери! Теперь и я ихъ вижу,—сказалъ Аллингтонъ, смотря въ бинокль...—У перваго двѣ широкихъ

трубы и высокая мачта—это не нашъ. Мы вотъ что сдѣлаемъ: повернемъ на нихъ и пойдемъ параллельно. Смотрите хорошенько за передней пушкой, Лэніонъ! Рулевой—лѣво на бортъ!

Аллингтонъ самъ помчался и поставилъ машину на «полный ходъ». «Харонъ» сталъ догонять судно и скоро пошелъ параллельно съ нимъ. Но едва Спарксъ успѣлъ перевести свой руль, какъ раздался ужасный трескъ и совсѣмъ близко налѣво вспыхнуло яркое пламя.

— Ну, теперь угостимъ ихъ хорошенько!—крикнулъ капитанъ, когда непріятельскій снарядъ съ визгомъ пролетѣлъ надъ ихъ головами.

И едва онъ произнесъ эти слова, какъ пушки открыли огонь. Выстрѣлы потрясали воздухъ. Вспышки освѣщали темноту. 4-дюймовая заговорила первая. Сперва былъ недолетъ. Артиллеристъ приказалъ поставить выше; на этотъ разъ прицѣлъ былъ вѣренъ: вслѣдъ за выстрѣломъ раздался страшный трескъ и вспыхнулъ яркій огонь на непріятельскомъ истребителѣ. Сраженіе разгоралось. Шумъ выстрѣловъ и взрывъ снарядовъ превратились въ какой-то вихрь звуковъ. Какъ вдругъ на бакѣ «Харона», подъ платформой четырехдюймовой пушки, вспыхнулъ ослѣпительный свѣтъ. Оглушенный взрывомъ, Аллингтонъ инстинктивно закрылъ глаза руками. Что-то мягкое и теплое ударило его въ лобъ. Опустивъ руки, онъ увидалъ, что они были всѣ въ крови. Разорвавшійся снарядъ сдѣлалъ свое дѣло: пушка перестала работать. Два человѣка прислуги были разорваны на куски, а третій корчился въ предсмертныхъ судорогахъ.

Съ раздробленной рукой Лэніонъ имѣлъ силы доползти до капитанскаго мостика и, задыхаясь, пролепеталъ:

— Пушка болѣе не пригодна, капитанъ... она разбита!...—и безъ чувствъ упалъ къ ногамъ своего капитана.

— Пустите мину, Томпкинсъ!—крикнулъ Аллингтонъ, подбѣгая къ кормовой части мостика. Офицеръ ждалъ приказанія и Аллингтонъ не успѣлъ договорить, какъ Томпкинсъ повернулъ рычагъ. Смертоносный зарядъ врѣзался въ воду и помчался къ непріятелю съ быстротой 40 узловъ. Послѣдовала длинная пауза. А затѣмъ, съ ужасающимъ грохотомъ, огромный огненный и водяной столбъ взвился фонтаномъ около непріятельскаго миноносца.

Оглушенный и ослѣпленный взрывомъ, Аллингтонъ стоялъ нѣсколько секундъ, схватившись за перила, но, совладавъ съ собой, онъ бросился къ аппарату и приказалъ остановить машину, а когда былъ данъ задній ходъ, маленькое судно все задрожало.

— Мистеръ Томпкинсъ, спустить всѣ шлюпки! Спасайте людей! — крикнулъ Аллингтонъ

Штурманъ бросился къ кормѣ и, по его приказанію, моментально были спущены двѣ лодки. На переднемъ мостикѣ загорѣлся прожекторъ и освѣтилъ всю картину разрушенія. Мина какъ нельзя лучше исполнила свое дѣло. Настигнутый ею миноносецъ былъ разорванъ пополамъ. На кормовой его части еще можно было видѣть нѣсколько растерянныхъ фигуръ, тщетно старавшихся спустить лодку. Другіе, съ спасательными поясами бросались въ воду. Носъ корабля сталъ перпендикулярно къ водѣ, а мачта торчала, какъ какая-то гигантская пика. Обѣ половины быстро погружались. Нельзя было терять ни минуты. Лодки быстро направились къ тонувшему судну и матросы прилагали всѣ усилія, чтобы спасти своихъ побѣжденныхъ враговъ. Нѣсколькихъ удалось вытащить изъ воды. Черезъ четверть часа они должны были уже вернуться, такъ какъ Аллингтонъ боялся, что новый непріятель настигнетъ его какъ разъ въ то время, когда почти половина его экипажа была на шлюпкахъ.

— Ну, Мэннерсъ, сколькихъ вамъ удалось спасти? — спросилъ Аллингтонъ.

— Восемь матросовъ и одного офицера. Трое очень слабы, а офицеръ, должно-быть, умеръ. Онъ лежалъ безъ движенія.

— Какой у него чинъ?

— Кажется, младшій лейтенантъ: у него двѣ нашивки на рукавѣ.

— Разузнали ли вы, что это было за судно?

— Да, капитанъ! На спасательныхъ поясахъ стоитъ V. 218.

Мина какъ нельзя лучше исполнила свое дѣло. Настигнутый ею миноносецъ былъ разорванъ пополамъ.

— А, это ихъ новый 32-узловой истребитель!—вскричалъ Аллингтонъ.—Ну, а что дѣлается у насъ на кормѣ?

— Неважно, капитанъ! Одинъ матросъ у моей пушки раненъ. У другой пушки одного убило—снарядъ сорвалъ ему голову. Больше, кажется, потерь нѣтъ!

— А нѣтъ ли у насъ гдѣ-нибудь поврежденій?

— Не думаю, капитанъ! Правда, трубы сильно пострадали, но большинство ихъ снарядовъ перелетало.

— Это прекрасно! А здѣсь впереди снарядъ разорвался на бакѣ и смелъ всю прислугу. Лэніона тоже сильно ранило. Пожалуйста, пошлите поскорѣе кого-нибудь за нимъ. Нужно осмотрѣть и другихъ раненыхъ.

— Все будетъ исполнено, капитанъ!—крикнулъ Мэннерсъ, спускаясь съ лѣстницы.

Скоро на мостикѣ появились два матроса, которые и унесли внизъ безчувственнаго моряка. А «Харонъ» со скоростью 8 узловъ вновь продолжалъ свой путь. О «Стиксѣ» ничего не было извѣстно. Нѣсколько времени передъ этимъ Аллингтонъ ясно слышалъ гдѣ-то налѣво канонаду и потому онъ рѣшилъ поспѣшить на помощь въ ту сторону. Вдругъ раздался рѣзкій свистъ, поочередно длинный и короткій, что по мозеровской азбукѣ обозначало букву С. Съ радостнымъ, облегченнымъ сердцемъ капитанъ схватилъ телефонъ и опросилъ сигнализирующее судно:

«Стиксъ»?

— Алло!—послышался отвѣтъ.

— Какъ дѣла?

— Какъ только вы открыли огонь, ихъ миноносецъ сталъ убѣгать къ берегу. Мы преслѣдовали его, стрѣляли, и, очевидно, сильно его повредили. Но фортовыя батареи открыли огонь, и мы должны были отойти. А какъ расправились вы со своимъ?

— Взорвали его миной!

— Вотъ прекрасно! Ну, а теперь опять въ дозоръ?

— Конечно!

— Хорошо! Я пойду за вами!

II

Смѣлое предпріятіе.

Было уже десять часовъ. Канонада стихла и ничто не нарушало ночной тишины, кромѣ плеска волнъ, разсѣкаемыхъ острымъ носомъ «Харона».

На мостикъ пришелъ Мэннерсъ.

— Ну что, всѣхъ устроили?—спросилъ его Аллингтонъ.

— Да, капитанъ. Всѣхъ размѣстили хорошо.

— Такъ-съ. Какъ чувствуетъ себя Лэніонъ?

— Ему плохо пришлось, капитанъ. Рука поломана въ двухъ мѣстахъ и большая рана на плечѣ. Намъ удалось остановить кровотеченіе и, я думаю, онъ выживетъ.

— А какъ подобранные люди?

— Офицеръ умеръ, два матроса тоже, остальные живы. Ашмедъ ухаживаетъ за ними.

— Слушайте, Мэннерсъ. Вѣдь вы говорите по-нѣмецки?

Молодой человѣкъ кивнулъ головой.

— Ну такъ вотъ, постарайтесь хорошенько выспросить этихъ молодцовъ. Сколько у нихъ судовъ въ гавани, какъ выходятъ и входятъ миноносцы, и вообще о подобныхъ вещахъ. Можетъ быть, удастся выпытать что-нибудь важное. Дайте имъ виски, что ли, чтобы развязать ихъ языки.

— Радъ стараться!—крикнулъ Мэннерсъ, бѣгомъ спускаясь съ лѣстницы.

Вскорѣ онъ, по двѣ ступеньки сразу, взлетѣлъ на мостикъ.

— Капитанъ!—закричалъ онъ, задыхаясь отъ волненія.—Капитанъ! Я все, все рѣшительно узналъ! Они говорятъ, что въ порту стоитъ весь ихъ боевой флотъ: 14 броненосцевъ и 12 крейсеровъ. Сегодня вечеромъ минныя загражденія сняты и ночью всѣ миноносцы выйдутъ въ море. До завтрашняго утра загражденія не будетъ!

— Не будетъ загражденій!—вскрикнулъ Аллингтонъ.

— Да, не будетъ! Матросъ клялся, что путь свободенъ. Но вотъ еще, что они мнѣ сказали: въ трехъ миляхъ къ югу отъ гавани есть станція безпроволочнаго

телеграфа. Ихъ истребители получили спеціальный приказъ подать ей условный знакъ—три свѣта вертикально: красный, бѣлый и красный. Станція отвѣтитъ однимъ краснымъ и дастъ тогда телеграмму фортамъ не стрѣлять, когда какое-нибудь судно будетъ входить въ портъ.

— Какъ, чортъ побери! Вамъ удалось все это узнать?

Вмѣсто отвѣта субъ-лейтенантъ распахнулъ свое пальто. Подъ пальто виднѣлась форменная куртка умершаго нѣмецкаго офицера.

— Надѣюсь, вы на меня за это не разсердитесь, капитанъ? Мнѣ самому не нравится этотъ маскарадъ, но такъ было удобнѣй...

— Дальше, дальше!—торопилъ его Аллингтонъ.

«Такъ какъ я безъ акцента говорю по-нѣмецки, то они легко могли бы принять меня за одного изъ своихъ офицеровъ», подумалъ я. Такъ оно и вышло. Я спустился въ галлерею, гдѣ они обсыхаютъ. Увидавъ меня, они вскочили и отдали честь. Я выдалъ себя за единственнаго, оставшагося въ живыхъ, офицера съ другого миноносца. Сталъ разговаривать съ ними, сталъ разспрашивать о сегодняшнихъ маневрахъ и въ результатѣ узналъ все, что мнѣ нужно было.

— Да вы прямо геній, Мэннерсъ!— воскликнулъ удивленный Аллингтонъ.— Но скажите, что же намъ теперь дѣлать?

— По-моему, итти прямо къ станціи безпроволочнаго телеграфа и подать условный сигналъ. А чтобы было еще вѣрнѣе, то лучше всего мнѣ поѣхать на шлюпкѣ, добраться до станціи и приказать телеграфисту извѣстить форты, что истребитель V 218 возвращается.

— Нѣтъ. Вы прямо чудо природы, и я буду не я, если не воспользуюсь вашимъ совѣтомъ!

— Когда же мы начнемъ дѣйствовать?

— Сейчасъ! Сію секунду!—подталкивая своего помощника въ спину, кричалъ Аллингонъ.—Бѣгите, бѣгите къ лодкѣ, отдайте нужныя приказанія!

— Радъ стараться!—И Меннерсъ во весь духъ помчался созывать команду.

Аллингтонъ подозвалъ «Стикса» поближе и далъ его капитану нужныя объясненія. Развивая большую скорость, оба судна повернули и направились къ берегу. Минутъ черезъ 20 появились туманныя очертанія земли. Отдавъ приказаніе «Стиксу» остановиться, Аллингтонъ поднялъ на «Харонѣ» три сигнальныхъ огня и осторожно сталъ приближаться къ скалистому берегу.

— Стопъ! Спускай шлюпку!

Блоки заскрипѣли, канаты спустились, и съ легкимъ плескомъ лодка опустилась въ воду. «Отчаливай!» крикнулъ Мэнерсъ. Матросы налегли на весла и въ пять минутъ уже были у самаго берега.

— Стой! — и дно лодки зашуршало въ мелкихъ камышахъ. Мэннерсъ однимъ прыжкомъ выскочилъ на берегъ.

— Ждите меня здѣсь. Если услышите крикъ, то спасайтесь какъ можно скорѣе!

— Слушаемъ!—разомъ отвѣтили матросы.

Лодка скрылась въ темнотѣ, а Мэннерсъ, держа въ рукахъ револьверъ, перебѣжалъ пляжъ и сталъ подыматься въ гору. Скользя и спотыкаясь о мокрую землю, онъ подымался въ гору. И вдругъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ тусклый свѣтъ. Прильнувъ къ землѣ, онъ сталъ всматриваться и увидѣлъ высокую мачту, торчащую прямо въ небо. Подойдя ближе, онъ различилъ, что свѣтъ пробивался изъ окна маленькаго деревяннаго домика, стоявшаго около мачты. Скрываться было безполезно, онъ поднялся и быстро зашагалъ къ постройкѣ. Но на разстояніи 50 шаговъ отъ зданія голосъ часового внезапно окликнулъ его:

— Стой! Кто идетъ? — по-нѣмецки крикнулъ солдатъ.

— Лейтенантъ съ миноносца V 218!— Отвѣтилъ Мэннерсъ также по-нѣмецки.

Послышался щелкъ курка, и вооруженная фигура солдата выступила изъ темноты.

— Офицеръ?—недовѣрчиво спросилъ часовой, приставляя штыкъ къ груди Мэннерса и не спуская пальца съ курка ружья.

— Ну да, офицеръ съ миноносца V 218!—повторилъ лейтенантъ, выста-

вивъ впередъ рукавъ своей куртки, на которой красовались двѣ нашивки и нѣмецкая императорская корона.

Солдатъ вполнѣ этимъ удовлетворился, что-то пробормоталъ, вытянулся во фронтъ и отдалъ честь. Путь былъ свободенъ. Мэннерсъ увѣренно пошелъ къ дому. Обойдя его съ одной стороны, онъ увидѣлъ дверь, открылъ ее и очутился въ ярко освѣщенной комнатѣ. У стола, положивъ голову на руки, крѣпко спалъ человѣкъ. Осмотрѣвшись, Мэннерсъ сейчасъ же понялъ, что онъ находится на станціи безпроволочнаго телеграфа. Вся комната была заставлена различными инструментами. Большіе черные цилиндры, блестящіе мѣдные инструменты, батареи и вообще масса всякихъ принадлежностей безпроволочнаго телеграфа заполняла столъ.

Передъ спящимъ телеграфистомъ стоялъ самый аппаратъ. Гдѣ-то слышалась работа динамо-машины, но гдѣ именно, Мэннерсъ не могъ точно опредѣлить. Время было дорого. Онъ подошелъ къ спящему и хлопнулъ его по плечу. Телеграфистъ проснулся, удивленно вскрикнулъ и вскочилъ. Увидавъ форму лейтенанта, онъ испуганно вытянулся.

— Дайте депешу въ форты,—сказалъ Мэннерсъ, вполнѣ владѣя собой и стараясь придать своему голосу какъ можно больше строгости.—Протелеграфируйте, что V 218 ждетъ у входа въ гавань и хочетъ войти. Мы сигнализируемъ уже больше получаса. Вы плохо исполняете свои обязанности.

Телеграфистъ смущенно кивнулъ и сталъ работать рычагомъ. При каждомъ движеніи его руки раздавался сухой трескъ и яркая синяя искра прыгала между двумя мѣдными шарами инструмента. Подавъ призывные знаки, онъ надѣлъ на уши пріемный аппаратъ и, послѣ короткой паузы, опять заработалъ рычагомъ. Наконецъ онъ повернулся на своемъ стулѣ и объявилъ Мэннерсу, что сигналъ поданъ.

— Ну, прощайте! — сказалъ лейтенантъ. — Смотрите, впередъ добросовѣстнѣй относитесь къ службѣ. Если это повторится еще разъ, я принужденъ буду донести по начальству!

— Благодарю васъ, господинъ лейтенантъ!—отвѣтилъ телеграфистъ.—Я дежурилъ безъ смѣны весь день и теперь такъ усталъ, что заснулъ.

— Да, я знаю, но чтобы это было въ послѣдній разъ! Прощайте!

— Радъ стараться!—отвѣтилъ телеграфистъ, радуясь въ душѣ, что отдѣлался такъ легко.

Мэннерсъ вышелъ. Проходя мимо инструментовъ, ему страшно захотѣлось ихъ испортить. Но онъ удержался, сообразивъ, что рискъ былъ слишкомъ великъ: этимъ онъ могъ только испортить все дѣло. Поравнявшись съ часовымъ, онъ пожелалъ ему спокойной ночи и продолжалъ свой путь къ берегу. Почувствовавъ, что его больше не видятъ, Мэннерсъ бросился бѣжать и, спотыкаясь и почти падая, прямо спустился съ обрыва.

— Гей!—громко крикнулъ онъ.

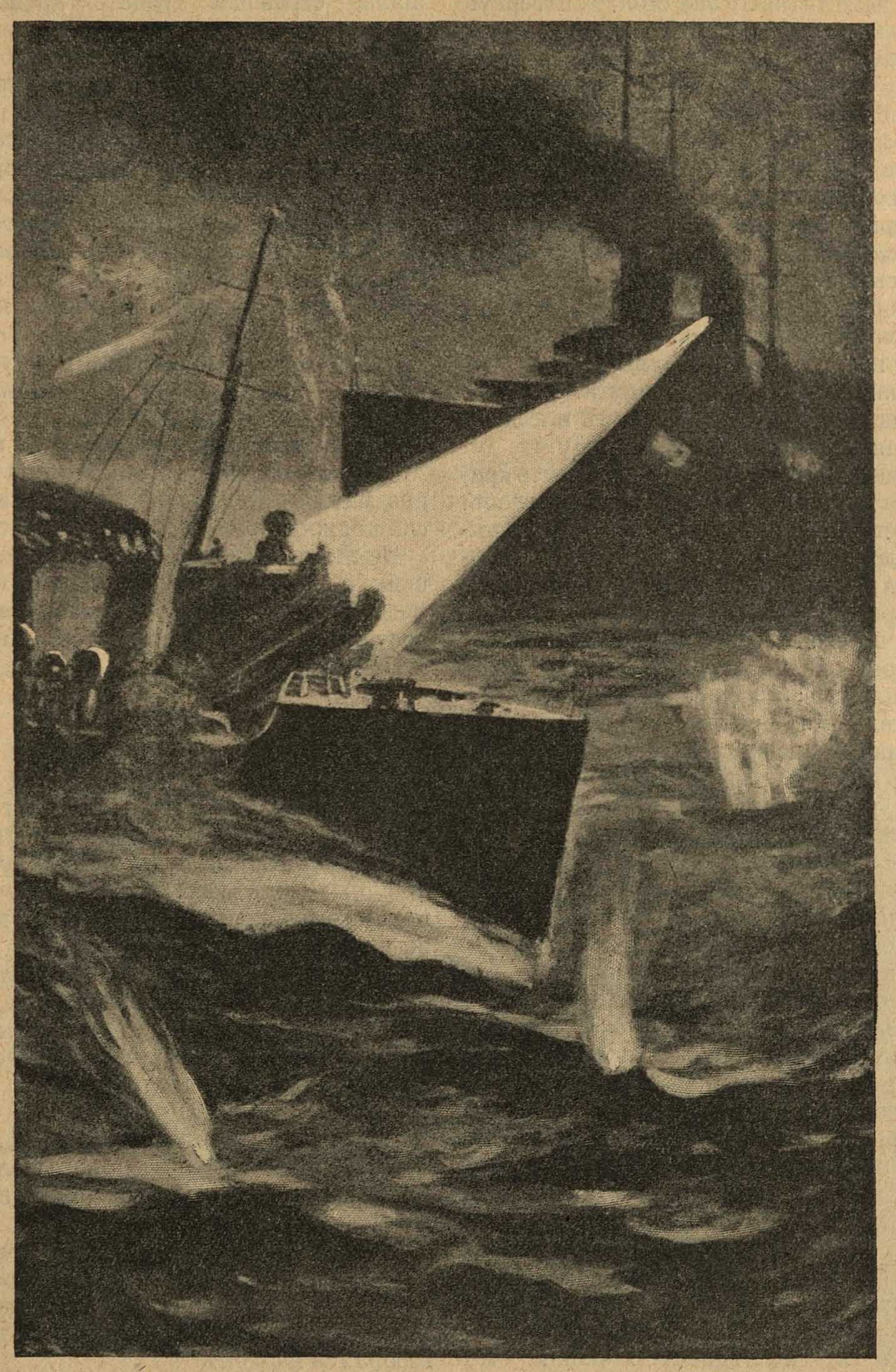
— Здѣсь!—послышался желанный отвѣтъ, и шлюпка показалась у берега. Мэннерсъ бросился въ воду и на ходу прыгнулъ въ нее. — Поворачивай назадъ!—скомандовалъ онъ, хватаясь за руль.—Налѣво кругомъ!

Шлюпка повернула. Матросы, дружно работая веслами, быстро помчали ее къ «Харону», на которомъ сквозь мракъ свѣтили сигнальные красно-бѣло-красные огни. Шлюпка пристала и въ одну секунду была поднята наверхъ. Мэннерсъ выпрыгнулъ изъ нея, прямо помчался навстрѣчу Аллингтону, ждавшему его возвращенія съ большимъ волненіемъ.

— Ну, что? Все обошлось благополучно?

— О, да! Очень хорошо. Сигналы уже поданы.

«Харонъ» повернулъ въ море, нашелъ «Стикса» и они вмѣстѣ направились къ непріятельскому порту, готовые на все. Они шли на всѣхъ парахъ, подходили все ближе и ближе, а ихъ никто не замѣчалъ. Тогда Аллингтонъ, убавивъ ходу, направилъ свое судно въ узкій входъ. Берега канала были ясно видны и оба истребителя медленно, но вѣрно приближались къ своей цѣли. Скоро стали вырисовываться тяжелые, неподвижные силуэты непріятельскаго флота. На нихъ не было огней, такъ что только,

Прозвучала тревога, послышались крики и вспыхнулъ прожекторъ, освѣтивъ мостикъ «Харона».

подойдя совсѣмъ близко, Аллингтонъ могъ замѣтить, что они стояли, повернувшись къ нимъ кормою. Тогда онъ рѣшилъ подойти къ первому попавшемуся ему судну и выпустить въ него свою мину.

— Рулевой, держи правѣй!—шопотомъ приказалъ онъ, весь дрожа отъ волненія. — Стрѣляйте, Томпкинсъ, какъ только подойдемъ!

Черная громада корабля быстро приближалась, даже мачты ясно вырисовывались на темномъ небѣ.

«Чортъ побери, чего они зѣваютъ?» подумалъ Аллингтонъ. Какъ бы въ отвѣтъ на его мысль, послышался окликъ съ большого сверхъ-дредноута. Но было слишкомъ поздно: съ мягкимъ плескомъ первая мина врѣзалась въ воду.

Прозвучала тревога, послышались крики; на мгновенье вспыхнулъ прожекторъ. Погасъ, снова вспыхнулъ и вдругъ остановился, освѣтивъ прямо мостикъ «Харона». Аллингтонъ былъ прямо ослѣпленъ его яркими лучами, но ему все-таки удалось провести свой миноносецъ между линіями. И въ моментъ, когда звукъ страшнаго взрыва потрясъ воздухъ, непріятельскія орудія открыли огонь. Вспышка за вспышкой прорѣзывали темноту; вихрями раздирающихъ уши звуковъ раздавались выстрѣлы. Снаряды свистѣли и падали вокругъ «Харона», но въ него не попадали: въ своемъ испугѣ и смятеніи нѣмцы безпорядочно стрѣляли и вмѣсто «Харона» попадали въ свои же суда второй линіи.

Покрытый водяными брызгами и пѣной, осыпанный осколками рвавшихся надъ нимъ снарядовъ, бравый маленькій миноносецъ приблизился къ третьему въ линіи кораблю, и Мэннерсъ пустилъ въ него свою послѣднюю мину. Пальба была отчаянная, и Аллингтонъ на всѣхъ парахъ повернулъ къ выходу. Вдругъ, какъ разъ подъ мостикомъ «Харона», разорвался снарядъ и съ страшнымъ трескомъ мачта упала за бортъ.

— Налѣво, Спарксъ! Налѣво же, говорятъ тебѣ, а то наскочимъ!—заоралъ капитанъ, когда «Харонъ» сталъ приближаться къ послѣднему кораблю. Но «Харонъ» шелъ въ томъ же направленіи. Аллингтонъ бросился къ рулю и тогда только увидѣлъ, что рулевой безъ движенія лежалъ на рулѣ: на его головѣ зіяла страшная рана, кровь лилась ручьемъ, онъ былъ безъ сознанія. У Аллингтона не было времени осмотрѣть, убитъ Спарксъ или раненъ, онъ оттолкнулъ его въ сторону, самъ налегъ на руль и выправилъ его. И какъ разъ во время, такъ какъ «Харонъ» проскочилъ у послѣдняго дредноута всего въ какихъ-нибудь пяти футахъ разстоянія. Проходя мимо, Аллингтонъ успѣлъ замѣтить, что его корма сильно опустилась: очевидно, результатъ ихъ первой мины.

«Харонъ» быстро скользилъ по узкому каналу. Форты дали по немъ нѣсколько залповъ, но прицѣлъ былъ не вѣренъ, и они не принесли ему никакого вреда. А черезъ пять минутъ онъ былъ уже за предѣлами ихъ выстрѣловъ и остановился, поджидая «Стикса».

Немного погодя «Стиксъ подошелъ къ нему, и оба миноносца медленно пустились въ море, а ихъ довольные командиры обсуждали результаты своей ловкой атаки.

III.

Герои.

На слѣдующій день, какъ только забрезжилъ свѣтъ, дежурный офицеръ на флагманскомъ суднѣ блокирующей эскадры былъ удивленъ, увидавъ два приближавшихся, какъ будто бы поврежденныхъ миноносца.

— Они были въ дѣлѣ,—замѣтилъ онъ, ясно разсмотрѣвъ въ телескопъ, что одинъ изъ нихъ былъ безъ мачты и у обоихъ трубы и корпуса были пробиты снарядами во многихъ мѣстахъ.

— «Харонъ» и «Стиксъ», сэръ! — сказалъ немного погодя сигнальщикъ.

— Доложите объ этомъ флагъ-лейтенанту. Я увѣренъ, что адмиралъ потребуетъ къ себѣ ихъ командировъ!

Миноносцы медленно приближались и остановились близъ флагманскаго судна. «Харонъ» спустилъ шлюпку. Шлюпка подъѣхала, и Аллингтонъ ловко взобрался на бортъ.

—Ну, друзья мои,—сказалъ Аллингтонъ, отвѣчая отдававшему ему честь лейтенанту,—было жаркое дѣло. Имѣю

довольно важныя новости для нашего «старичка»! Можно его видѣть?

— Онъ только часъ тому назадъ легъ спать, но если это такъ важно, то лучше доложить ему сейчасъ же.

Они вмѣстѣ спустились внизъ и постучались въ каюту адмирала. Дѣло было быстро изложено. Глаза адмирала дѣлались отъ удивленія все больше и больше. Когда же Аллингтонъ кончилъ свой докладъ, адмиралъ воскликнулъ:

— Никогда не слыхалъ ничего подобнаго! Вашъ помощникъ заслуживаетъ высшей награды! Да вообще, вы всѣ ее заработали! А ваши миноносцы сильно пострадали?

— Да порядочно!

— Ну, перенесите вашихъ убитыхъ и раненыхъ сюда. Мы ихъ отошлемъ въ госпиталь. А вы возвращайтесь въ Ширнессъ. Я протелеграфирую, чтобы васъ сейчасъ же поставили въ докъ. Позаботьтесь объ этомъ, господинъ лейтенантъ!

— Слушаю!

— Аллингтонъ, вы выкинули хорошую штуку, я этого не забуду!—заключилъ адмиралъ, пожимая ему руку.

Оставивъ далеко за собою эскадру, «Харонъ» и «Стиксъ» возвращались домой по залитому веселымъ солнцемъ морю. Аллингтонъ думалъ о событіяхъ прошедшей ночи.

— Да—а, было жаркое дѣло,—замѣтилъ Мэннерсъ, глядя на исчезающія вдали суда.

— Что правда, то правда,—задумчиво подтвердилъ Аллингтонъ.

Часъ спустя «Харонъ» и «Стиксъ» подходили уже къ берегамъ Англіи. Команда боевыхъ судовъ остального флота привѣтствовала проходившихъ мимо маленькихъ героевъ ликующими криками, такъ какъ всему флоту былъ уже извѣстенъ ихъ подвигъ.

А англійскіе офицеры и матросы всегда умѣютъ цѣнить храбрость и отвагу по заслугамъ.

Въ затопленной Фландріи. Тѣснимые непріятелемъ во Фландріи, бельгійцы открыли шлюзы и затопили область. Часть германской пѣхоты укрылась на фермѣ, но отрядъ британскихъ солдатъ, сѣвши въ лодки и вооружившись пулеметами, принудилъ ихъ къ сдачѣ.

Атака черныхъ воиновъ.

Во время битвы при Ньюпорѣ отрядъ алжирскихъ кавалеристовъ налетѣлъ на непріятеля и, произведя панику въ его рядахъ, обратилъ въ бѣгство германскую конницу.

ВЪ ГОРАХЪ АДЖАРІИ.

Разсказъ *И. Граминовскаго.*

I.

Бѣглецъ.

БЫЛЪ теплый весенній день. Пронизанный яркими лучами, воздухъ застылъ въ томительной неподвижности и жадно всасывалъ ароматы зазеленѣвшей земли. Ласкаемыя любвеобильнымъ солнцемъ, деревья все больше и больше развертывали свои листья и смолистое благоуханіе посылали небу. Одна за другой стояли горы. Съ вершинъ ихъ открывались виды на покрытую снѣгомъ громаду Кавказа, на Черное море и на скалистые берега Анатоліи.

Изрѣдка раздавались пушечные залпы. Русскіе и турки зорко высматривали недругъ недруга. Къ югу отъ линіи огня, въ долинѣ быстротечнаго Чороха, подъ прохладными струями мутныхъ водъ слышались людскіе голоса; подъ естественнымъ прикрытіемъ расположился тамъ на отдыхъ турецкій полкъ, утомленный ночнымъ боемъ. Ниже его расположенія по Чороху плыла большая лодка — каюкъ. Кромѣ восьми гребцовъ-аджарцевъ въ ней помѣстились около десятка пассажировъ—военныхъ и мирныхъ жителей.

Два старыхъ хаджи съ зелеными чалмами на головахъ тупо смотрѣли на извивающуюся поверхность рѣки. Турецкій офицеръ изучалъ берега. Три аджарца о чемъ-то оживленно разговаривали между собою.

У самой кормы, рядомъ съ рулевымъ, примостился мужчина лѣтъ двадцати пяти, смуглый, съ прямымъ носомъ, въ одеждѣ араба, поверхъ которой развѣвался бѣлый бурнусъ. Выразительные глаза этого пассажира разсматривали мѣстность и съ тревогой устремлялись на покинутый берегъ.

Тамъ происходило какое-то движеніе, изъ толпы солдатъ выдѣлилась группа, спрыгнула въ лодку и понеслась вслѣдъ за каюкомъ, перевозившимъ пассажировъ съ одного берега Чороха на другой. На лицѣ мужчины въ бурнусѣ отразилось ожиданіе неизбѣжной опасности и рѣшимость предотвратить ее. Перерѣзая рѣку вкось, каюкъ приближался къ берегу.

Нѣсколько мгновеній лицо страннаго пассажира было блѣднымъ, затѣмъ появилось выраженіе увѣренности въ томъ, что онъ избѣгнетъ надвигавшейся бѣды. Когда каюкъ прикоснулся къ берегу, а догонявшая лодка находилась въ десяти саженяхъ отъ каюка, молодой арабъ сбросилъ съ себя бурнусъ, шагнулъ за бортъ каюка и скрылся въ мутныхъ водахъ рѣки.

Раздались выстрѣлы. Преслѣдователи изъ лодки стрѣляли по темнымъ завиткамъ, принимая ихъ за голову бѣг-

леца. Но мутныя струи Чороха не окрасились кровью, по каменистому дну не проволокла рѣка трупъ...

— Шпіонъ, собака, — выругались стрѣлки.

Но тотъ, кого они ругали, не былъ ни шпіономъ ни собакой. Это былъ русскій, который только-что окончилъ курсъ филологическаго факультета N-скаго университета. Желая усовершенствоваться въ знаніи восточныхъ языковъ, въ іюнѣ 1914 года онъ пріѣхалъ на югъ Турціи къ своимъ друзьямъ по университету—арабамъ. Тамъ его застала война, а вмѣстѣ съ нею и издѣвательства турокъ надъ европейцами. Пришлось для спасенія собственной жизни принять внѣшній обликъ араба. При помощи друзей и жгучаго солнца, измѣнившаго цвѣтъ его кожи, это было нетрудно.

Но тутъ подоспѣла новая опасность: во время поголовнаго набора его завербовали въ войска. Участвовалъ онъ въ неудачномъ походѣ турокъ на Суэцкій каналъ; затѣмъ, послѣ разгрома русскими анатолійской арміи, ихъ конный полкъ совершилъ трудный переходъ въ Лазистанъ. Въ настоящихъ сраженіяхъ онъ еще не участвовалъ.

Разумѣется, Александръ Осиповичъ Ветугинъ только и думалъ, что о бѣгствѣ. И, вотъ, когда онъ тайкомъ покинулъ свой полкъ и на каюкѣ переѣзжалъ на другой берегъ Чороха, откуда легче было попасть на передовыя позиціи русскихъ,—эта погоня, казалось, разстроила его планы...

Будучи хорошимъ пловцомъ, Ветугинъ хорошо нырялъ. Чорохъ съ его бѣшеной скоростью сослужилъ ему хорошую службу. Черезъ четыре минуты послѣ погруженія въ воду бѣглецъ былъ такъ далеко отъ преслѣдователей, что тѣ могли и не замѣтить его на двѣ секунды показавшійся изъ воды носъ.

Передышка—и снова въ воду. Черезъ четверть часа Александръ Осиповичъ былъ на версту ниже причалившаго къ берегу каюка. Можно было бы такъ плыть до мѣстъ расположенія русскихъ войскъ, если бы не рискъ разбиться о скалы да не холодъ. Вода въ Чорохѣ ледяная: прямо изъ-подъ снѣга.

Ветугинъ вплылъ въ тихую и глубокую заводь у праваго берега, вылѣзъ на камни и спрятался въ кустарникѣ.

* * *

Совершивъ дневной путь свой, солнце тускнѣло. Нѣсколько загадочныхъ мерцаній—и оно скрылось за береговымъ хребтомъ. Артиллерійская перестрѣлка смолкла, но ружья еще подавали свои голоса. Въ наступившей мглѣ противники старались обмануть одинъ другого: дѣлали обходы, внезапныя нападенія, появлялись тамъ, гдѣ ихъ меньше всего ожидали. Мирные жители пользовались ночью для спасенія отъ пуль воюющихъ: покидали убѣжища, сдѣлавшіяся опасными, находили новыя, подальше отъ линіи огня. Приходили взглянуть на покинутыя жилища. Казавшіяся днемъ пустынными, горы оживали.

Ветугинъ проснулся отъ крика испугавшейся его женщины и увидѣлъ себя лежащимъ на кучѣ смятыхъ вѣтвей подъ густолиственнымъ деревомъ.

Она стояла передъ нимъ, и широкіе глаза ея въ темнотѣ блестѣли огнемъ ужаса и горя. Освѣщенная сверху клочкомъ звѣзднаго неба, она въ своемъ восточномъ нарядѣ казалась красавицей изъ арабской сказки, заблудившейся въ лѣсу и покинутой добрыми джинами. Заговоривъ по-турецки, онъ первый нарушилъ молчаніе:

— Я помѣшалъ хануми итти ея дорогою?

Потомъ онъ вскочилъ на ноги и привѣтствовалъ ее, показавъ, что умъ и сердце его принадлежатъ ей.

— Я испугалась,—промолвила она;—шла къ Чороху: тамъ, на берегу, солдаты зарыли моего мужа, вчера убитаго пулей.

Онъ заговорилъ снова. Голосъ его былъ искреннимъ, подкупалъ сердечностью и мягкостью тона; нотки страданія чувствовались въ немъ и покоряли. Боясь выдать свои намѣренія, онъ просилъ указать ему надежное убѣжище. Она минуту думала, разсматривая его, затѣмъ правую руку свою положила на грудь и согласилась.

Тропинка пролегала по кручѣ, подъ вѣтвями деревьевъ. Мягкіе, обдававшіе

влагой листья хлестали по лицу и цѣплялись за одежду.

На горахъ, къ сѣверу, загрохотали пушки, вспыхивали и гасли бѣлые огоньки, лучъ прожектора прорѣзалъ тьму ночи.

Когда офицеръ очнулся, онъ увидѣлъ передъ собою какую-то незнакомую женщину и араба.

— Ты аджарка?—спросилъ Ветугинъ.

— Нѣтъ, — обронила она и добавила:—Если господинъ такъ любопытенъ, я разскажу ему. Меня зовутъ Цискаретти, что значитъ «мѣсто утренней зари». Я родилась въ Гуріи и до десяти лѣтъ жила у моей кормилицы, послѣ того училась въ русской школѣ. Мой отецъ былъ богатъ и его называли княземъ, но когда я кончила училище, онъ сдѣлался бѣднымъ и умеръ съ горя. Кормилица отдала меня замужъ за аджарца, и онъ увезъ Цискаретти на Чорохъ. Здѣсь его братья владѣютъ землей, обрабатываютъ кукурузное поле и продаютъ фрукты изъ большого сада. Одинъ только годъ я жила съ моимъ Гасанъбекомъ. Вчера онъ вышелъ посмотрѣть

на нашъ домъ и больше не возвращался въ пещеру. Турки убили его за то, что онъ не присталъ къ нимъ.

Она закончила жалобно и съ затаеннымъ желаніемъ мести. Онъ понялъ это и по-русски разсказалъ, кто онъ и какъ попалъ сюда.

Подошли къ Чороху. Рѣка вынырнула изъ сгустившейся на днѣ ущелья ночи и шумомъ бѣгущей воды заглушила отдаленные выстрѣлы. Цискаретти указала на отмель—тамъ находилась могила ея мужа—и они уже хотѣли спуститься туда, когда на отмели увидѣли цѣлый турецкій отрядъ.

Цискаретти тяжело вздохнула, взглядъ ея, направленный на отмель, былъ полонъ тоски, она знакомъ пригласила Ветугина слѣдовать за собой.

Шли около часу, на востокъ отъ Чороха. Переваливъ маленькій пригорокъ, вошли въ ущелье и стали подниматься по немъ. Свернувъ съ большой тропинки, Цискаретти раздвинула кусты и открыла еле замѣтную дорожку, которая привела къ развалинамъ какого-то обширнаго зданія; на углу его выдѣлялась полуразрушенная башня.

Сказавъ, что здѣсь безопасно и что она вечеромъ вернется, Цискаретти соскользнула съ крутой дорожки и скрылась въ зелени деревьевъ. Ветугинъ вошелъ въ башню и до разсвѣта, не смыкая глазъ, просидѣлъ въ ней. Не боязнь турокъ мѣшала ему заснуть, а камни, къ которымъ прикасался онъ. Таинственный страхъ внушали они,—своей ли выѣденной временемъ сѣдиной или напоминаніемъ о страшной силѣ невѣдомаго разрушителя.

II.

Въ развалинахъ.

Когда взошло солнце и свѣтъ проникъ подъ мрачные своды, Ветугинъ принялся за осмотръ. Помѣщеніе башни, въ которой онъ провелъ часть ночи, было цилиндрически круглымъ, вверху заканчивалось сводчатымъ, изъ большихъ камней, потолкомъ, а въ полу имѣло квадратный люкъ, повидимому, входъ въ подземелье. Задняя сторона башни примыкала къ остальнымъ развалинамъ; въ передней имѣлось два узкихъ отверстія, служившихъ окнами и дверями. Изъ нихъ открывался видъ на гребень напротивъ лежащей горы.

Стѣны башни были сложены изъ большихъ тесаныхъ камней, скрѣпленныхъ известью. На полу валялись мусоръ и другіе продукты разрушенія. Ветугинъ заглянулъ въ погребъ; прямо противъ люка, на глубинѣ около четырехъ аршинъ, виднѣлся песокъ, лѣстницы не было. Люкъ былъ затканъ паутиной—очевидно, люди давно не пользовались имъ.

Вокругъ развалинъ было тихо. Лишь отдаленные пушечные выстрѣлы доносились сюда. Ветугинъ немного побродилъ у башни, затѣмъ вошелъ внутрь ея и, почувствовавъ сильную усталость, легъ на полу и заснулъ.

Проснулся онъ около полудня.

Первое, что бросилось ему въ глаза, удивило и обрадовало его,—былъ высокій и узкій кувшинъ съ водою, а рядомъ съ нимъ свертокъ, въ которомъ оказался хлѣбъ и двѣ большихъ соленыхъ рыбы. Рѣшивъ, что это—отъ Цискаретти, онъ утолилъ голодъ и жажду, послѣ чего отправился изслѣдовать развалины. Сломивъ молодое дерево, онъ вооружился имъ какъ дубиной.

Руины занимали площадь приблизительно въ двѣсти квадратныхъ саженей. Они находились на площадкѣ, искусственно образованной въ склонѣ горы, и задней стороной примыкали къ высѣченной въ скалѣ стѣнѣ. Посрединѣ, повидимому, когда-то возвышалась мощная постройка: огромная безформенная груда камней теперь лежала тамъ. Круглыя и полукруглыя башни по стѣнамъ сохранились лучше. Верхи ихъ тоже были разрушены, но среднія и нижнія части пострадали мало.

Заглянувъ во вторую угловую башню, Ветугинъ ея внутренность нашелъ такою же, какъ въ той, въ которой онъ провелъ часть ночи и половину сегодняшняго дня. Разница была лишь въ томъ, что противъ оконъ находился узкій проходъ въ сосѣднее полуподвальное помѣщеніе.

Ветугинъ проникъ туда и прошелъ длинный рядъ комнатъ съ маленькими амбразурами у потолка. Наконецъ онъ достигъ обширнаго зала.

Вдоль одной стѣны его имѣлось возвышеніе; на немъ лежали куски гладко отшлифованныхъ камней и осколки разбитыхъ фигуръ. Ветугинъ различилъ черты грубо сдѣланнаго человѣческаго лица и лобъ какого-то животнаго. Тамъ же валялась искусно выточенная изъ мрамора, отбитая отъ туловища женская рука художественной античной работы. На стѣнахъ и потолкѣ замѣтны были слѣды фресковой живописи. На одной изъ фресокъ удалось различить древнегреческій рисунокъ, изображавшій взятіе Трои. Рядомъ съ нимъ выглядывали суровые лики византійскихъ святыхъ.

По этимъ признакамъ Ветугинъ пришелъ къ выводу, что зданіе построено въ до-христіанскія времена. Этотъ залъ, вѣроятно, сначала былъ домашнимъ языческимъ храмомъ, позднѣе — христіанской церковью. Все зданіе нѣкогда представляло собою неприступный замокъ; по очереди владѣли имъ многіе народы.

Внимательно осматривая полъ, Ветугинъ обратилъ вниманіе на выдѣлявшійся квадратный камень; одинъ изъ угловъ его былъ обломанъ и образовалъ отверстіе, за которымъ виднѣлась пустота. При помощи дубинки камень, оказавшійся плитою, былъ поднятъ. Открылась черная нора. Дохнуло вѣяніе сырости и давно нетревожимой старины. Отъ самаго пола внизъ спускались мраморныя ступени.

На одной изъ нихъ лежалъ обломокъ какой-то кости. Ветугинъ принялъ его за человѣческій черепъ. Мистическій ужасъ овладѣлъ имъ. Захлопнувъ плитою входъ въ подземелье, онъ пробѣжалъ рядъ уже знакомыхъ комнатъ, чрезъ угловую башню вышелъ изъ замка и прислушался...

Голоса пушекъ то замолкали, то вновь раздавались. Доносился трескъ ружейной стрѣльбы, крики «Алла!» и шумъ Чороха. Среди всего этого нѣсколько разъ донеслось отдаленное «Ура!» Русскіе, видимо, продвигались впередъ и очищали горы Аджаріи отъ турокъ.

Уходившее къ западу солнце попрежнему ласково свѣтило. Горы зеленѣли и весеннимъ вдохновеніемъ освѣжали душу, ободряли мозгъ.

Ветугинъ пробрался въ первую башню и терпѣливо сталъ ожидать прихода Цискаретти.

III.

Подземелье.

Она долго не приходила.

На землю спустилась безлунная звѣздная ночь. Млечный путь небеснымъ туманомъ застилалъ перехваченныя имъ созвѣздія и серебристо-голубой лентой уходилъ на югъ. Сверкали падающія звѣзды. Ночной мракъ охватилъ развалины и теперь среди нихъ напуганному воображенію представлялись чудовищныя существа. Ветугинъ вышелъ изъ башни и остановился у нея.

Вдругъ гдѣ-то близко - близко раздался одинъ ружейный выстрѣлъ, другой, третій и пошла пальба. Пули свистѣли надъ головой, нѣсколько ихъ ударились въ башню и брызнули осколками камней. Александръ Осиповичъ бросился бѣжать и черезъ нѣсколько минутъ былъ на гребнѣ отрога горы, возвышавшемся надъ развалинами.

Высоко, тамъ, гдѣ гребень отрога сходился съ вершиною горы, вспыхивали огоньки. Такіе же огоньки отвѣчали изъ долины Чороха. Ветугинъ заключилъ, что вверху находились турки, а внизу обходившіе ихъ русскіе.

Онъ уже хотѣлъ бѣжать внизъ, но вблизи послышался шумъ осыпавшихся камней и въ пятидесяти шагахъ ниже, на гребнѣ появилась группа турокъ. Онъ узналъ ихъ по фескамъ и поспѣшилъ спуститься къ развалинамъ. Турки замѣтили его и послали въ догонку нѣсколько пуль, къ счастью, пролетѣвшихъ мимо.

У входа въ башню онъ нашелъ Цискаретти. Она поняла, что его преслѣдуютъ, подвела къ входу въ подземелье и первая прыгнула туда. Онъ послѣдовалъ за ней. Въ ту же минуту выстрѣлы

грянули у самой башни и близко раздались голоса турокъ.

Подъ ногами Ветугинъ нащупалъ твердый каменный полъ. Дотрогиваясь до стѣнъ, Цискаретти увѣреннѣе пошла впередъ. Поворачивали, обходили какія-то колонны, наталкивались на выступы. Подавленный темнотой и невозможностью измѣрить пустоту, Ветугинъ слѣпо шелъ за своей спутницей.

Снаружи проникали звуки выстрѣловъ. Загремѣли пушки, донеслось могучее «ура». Вѣроятно, своды подземной галлереи имѣли трещины. Вдругъ надъ самыми головами Ветугина и Цискаретти раздались слова турецкой команды. Отрядъ турокъ занялъ развалины и изъ-за нихъ обстрѣливалъ русскихъ. Цискаретти крѣпко сжала руку своего спутника и повела его по узкимъ, темнымъ и сырымъ переходамъ подземнаго лабиринта.

* * *

— Семеновъ!—позвалъ офицеръ рябого солдата.—Ты, кажется, здѣсь, въ пограничникахъ, служилъ, тебѣ, должно-быть, знакомы эти погреба?

— Такъ точно, ваше благородіе. Контрабандистовъ тутъ не разъ ловили.

— Ну, такъ ты пойдешь со мной. Возьмемъ десять человѣкъ, остальные пусть здѣсь, наверху, останутся. Скажи имъ, чтобы смотрѣли: если который будетъ вылѣзать, пусть живьемъ берутъ. Битыхъ-то и такъ много: сотни двѣ, пожалуй, мы уложили въ этихъ развалинахъ.

Было уже около восьми часовъ утра. Офицеръ, Семеновъ и остальные девять человѣкъ солдатъ влѣзли во вторую угловую башню, прошли сѣрыя, полузасыпанныя разрушеніемъ комнаты и остановились въ большомъ залѣ съ помостомъ, въ которомъ Ветугинъ вчера производилъ изслѣдованія.

Плита была поднята. Офицеръ спустился первымъ, за нимъ Семеновъ и остальные. Засвѣтили карманнымъ электрическимъ фонарикомъ. Подземелье здѣсь начиналось узкой галлереей: двигаться впередъ можно было лишь по одному. Поднимались въ гору. Офицеръ замѣтилъ, что этотъ проходъ выходитъ изъ-подъ развалинъ и направляется подъ горный отрогъ.

Фонарикъ освѣщалъ наслоенія горныхъ породъ, въ которыхъ была высѣчена эта нора. Офицеръ съ любопытствомъ разглядывалъ ихъ. Въ правой рукѣ его былъ револьверъ. Вдругъ онъ шагнулъ въ пустоту и полетѣлъ внизъ. Револьверъ ударился о камень и выстрѣлилъ, фонарь потухъ. Солдаты шарахнулись назадъ, а офицеръ поднялся, сдѣлалъ шагъ въ сторону, сорвался и, скатившись по каменнымъ ступенямъ, потерялъ сознаніе.

* * *

Когда онъ очнулся, его фонарь горѣлъ ярко и освѣщалъ профиль сидѣвшей вблизи женщины. Яркіе цвѣта ея наряда, пышная копна черныхъ волосъ, блестящій металлъ украшеній и два круглыхъ щита на груди дѣлали ее прекраснымъ призракомъ Востока.

Онъ ощупалъ себя и нашелъ на головѣ повязку, а на правой рукѣ бинтъ. Таинственная незнакомка заботилась о немъ. Привлеченная шумомъ его движеній, она повернулась,—онъ увидѣлъ пару большихъ выразительныхъ глазъ. За нею стоялъ высокій мужчина въ костюмѣ араба.

— Вы не очень пострадали?—къ удивленію раненаго, по-русски произнесла она.

— Произошло маленькое недоразумѣніе,—тоже по-русски перебилъ ее арабъ.

— Вы насъ приняли за турокъ, а мы васъ,—и Ветугинъ разсказалъ о себѣ и Цискаретти.

И пока онъ разсказывалъ, офицеръ разсмотрѣлъ помѣщеніе, въ которомъ они находились: оно было высѣчено въ скалѣ надъ замкомъ. Изъ узкихъ, какъ бы естественныхъ трещинъ-амбразуръ открывался видъ на развалины.

... На другой день произошло большое сраженіе. Получивъ отъ Ветугина свѣдѣнія о численности и расположеніи турецкихъ войскъ, командиръ корпуса предпринялъ большое обходное движеніе, взялъ, казалось, неприступныя, вражескія позиціи и захватилъ много плѣнныхъ.

Александръ Осиповичъ нѣкоторое время былъ переводчикомъ: помогалъ допрашивать плѣнныхъ турокъ и заподозрѣнныхъ въ содѣйствіи непріятелю аджарцевъ... Нѣсколько разъ посѣтилъ онъ спасшія его развалины и почти каждый день встрѣчался съ Цискаретти. Красавица-гурійка все больше и больше привлекала его и онъ скоро рѣшилъ свою жизнь соединить съ ея жизнью. А о малоизвѣстныхъ развалинахъ въ горахъ Аджаріи онъ намѣренъ поговорить съ своими учеными друзьями.

ВЗЯТІЕ ГОРНАГО ПЕРЕВАЛА.

Разсказъ *Е. Баранова.*

Была половина февраля. Въ горахъ Турціи запахло весной. Алашкертская долина, въ которой находился нашъ отрядъ, еще съ осени была занесена глубокими снѣгами, но уже съ начала февраля на склонахъ окрестныхъ горъ съ каждымъ днемъ показывалось все больше и больше проталинъ; обнажились вершины угрюмыхъ скалъ, сѣрыхъ каменныхъ громадъ; стали чаще выпадать яркіе и теплые дни; солнце грѣло по-весеннему, снѣга темнѣли, таяли, кое-гдѣ журчали ручейки, а ложбины наполнялись грязной водой. Однако зима не хотѣла сдаваться безъ боя, и нерѣдко послѣ теплаго дня ночью ударялъ сильный морозъ, рыхлый снѣгъ покрывался толстой и твердой корой, лужи затягивались льдомъ; иногда шелъ снѣгъ, поднималась буря и ревѣла, какъ раненый звѣрь. Но это были послѣднія судорожныя усилія зимы: весна шла, а вмѣстѣ съ нею и мы подвигались впередъ и гнали турокъ.

Отступая, турки укрѣпились на довольно высокомъ Клычъ-Гядукскомъ перевалѣ, близъ котораго расположена турецкая деревня Ханыкъ.

Высоты перевала господствуютъ надъ большей частью обширной алашкертской долины, и находившаяся на нихъ турецкая позиція напоминала собой орлиное гнѣздо. Но съ долины не было видно даже въ самый сильный бинокль ни турокъ ни ихъ батарей: все было искусно скрыто, замаскировано.

Съ перевала турки наблюдали за нами, и огонь ихъ батарей затруднялъ наше движеніе. Турки, повидимому, были увѣрены въ недоступности для насъ высотъ перевала, потому что главныя силы ихъ были сосредоточены не на этихъ высотахъ, а въ деревнѣ Ханыкъ, положеніе которой они находили болѣе опаснымъ, такъ какъ, вѣроятно, ожидали, что мы начнемъ наступленіе на нее обходнымъ путемъ.

Свѣдѣнія о расположеніи непріятельскихъ войскъ были доставлены нашими развѣдчиками, о которыхъ кстати скажу нѣсколько словъ.

Удивительные это люди: сколько въ нихъ несокрушимой энергіи, отваги, мужества! Ничто не пугаетъ ихъ: ни глубокіе снѣга, ни морозы, ни бури, ни скалы! И, главное, на свою тяжелую и весьма отвѣтственную службу они сами смотрятъ просто, какъ на самое обыкновенное дѣло, тогда какъ имъ сплошь и рядомъ приходится карабкаться на обледянѣлыя скалы, висѣть на краю бездны, ползти цѣлую версту по глубокому снѣгу, а иногда и зарываться въ него. При этомъ ни одинъ изъ нихъ ни на минуту не долженъ забывать о томъ, что развѣдку необходимо произвести аккуратно и въ точности выполнить данное начальствомъ приказаніе.

Меня удивляла неизсякаемая бодрость духа въ этихъ людяхъ. Иной цѣлую ночь въ бурю и морозъ пробудетъ на развѣдкѣ, намерзнется, наголодается, натерпится страховъ, а вернется на позицію, и не подумаетъ пожаловаться на перенесенныя лишенія: попыхиваетъ цыгаркой, и посмѣиваясь, разсказываетъ товарищамъ, какъ онъ «ухватилъ турка за воротникъ».

Это «хватаніе» у развѣдчиковъ было своего рода спортомъ, въ которомъ и проявлялось ихъ умѣніе оріентироваться въ незнакомой мѣстности, лов-

кость, выносливость, находчивость и мужество.

Иной, мало того, что «схватитъ турка за воротникъ» и притащитъ его въ окопы, но ухитрится еще «поговорить» дорогой съ нимъ, не зная турецкаго языка.

Разъ спросилъ я одного развѣдчика:

— Какъ же ты разговаривалъ съ туркомъ? Вѣдь ты не знаешь турецкаго языка?

— Такъ точно, ваше благородіе, не знаю,—отвѣчаетъ онъ вполнѣ серьезно.

— А турокъ по-русски зналъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не зналъ. Но понятіе имѣлъ, потому, какъ видно, изъ понимающихъ людей былъ.

— На какомъ же языкѣ ты съ нимъ разговаривалъ?

— На нашемъ, ваше благородіе... который русскій языкъ... Примѣрно, спрашиваю его: «Ты изъ турокъ будешь?» Киваетъ головой: дескать, турокъ. «Аскеръ», говоритъ... Значитъ, солдатъ. «Ну, это, говорю, хорошо, что солдатъ. Пойдемъ, говорю, къ начальнику—тамъ все разскажешь». Опять киваетъ головой: дескать, пойдемъ. Народъ—ничего себѣ: понятливый... Ну, и табакъ у нихъ завсегда водится... Такой пріятный табачокъ...

* *
*

Но возвращаюсь къ разсказу. Турецкая позиція на перевалѣ для насъ была какъ бѣльмо на глазу. Изъ штаба былъ полученъ приказъ завладѣть ею. Приказъ получили поздно ночью, и тотъ же часъ было предпринято наступленіе на перевалъ тремя отрядами: одинъ, состоявшій изъ двухъ ротъ пѣхоты, двинулся прямо къ перевалу, такъ сказать, въ лобъ стоявшей на немъ батареи, а два остальные пошли въ обходъ его. Шестьдесятъ человѣкъ охотниковъ, въ числѣ которыхъ находился и я, раньше всѣхъ скорымъ шагомъ двинулись прямо на перевалъ. Задача ихъ заключалась въ томъ, что они должны были незамѣтно для турокъ пробраться на батарею и штыковымъ боемъ завладѣть ею.

Но шестьдесятъ охотниковъ—не одинъ человѣкъ! И незамѣтно подойти къ туркамъ, намъ, быть-можетъ, и не удалось бы, если бы не помогла маленькая военная хитрость. Какъ извѣстно, у каждаго солдата имѣется кусокъ полотнища палатки. Вотъ этимъ полотнищемъ и покрылся каждый солдатъ и, такимъ образомъ, сѣрый цвѣтъ полотнищъ слился съ сѣрымъ фономъ снѣговъ.

Передъ выступленіемъ начальникъ нашего маленькаго отряда, штабсъ-капитанъ сказалъ намъ:

— Ну, братцы, смотрите въ оба... Съ Богомъ!

И больше ни слова не прибавилъ, да и нечего было прибавить, потому что охотники сами понимали, какое важное и отвѣтственное порученіе было возложено на нихъ.

Мы пошли по тропинкѣ, которая развѣдчиками была обнаружена еще заранѣе. Мѣстами она была очень узка, и намъ приходилось итти гуськомъ.

Ночь была облачная, темная. Итти сначала было довольно свободно, а потомъ, ради сокращенія пути, намъ пришлось взбираться на скалы, спускаться съ нихъ, а кое-гдѣ ползти по снѣгу.

Я помню, какъ усиленно билось мое сердце—не отъ усталости, а отъ волненія, и все это время я ждалъ, что вотъ-вотъ загремитъ съ перевала орудійный выстрѣлъ, направленный въ насъ. Мы были уже шагахъ въ полутораста отъ вершины перевала, когда по командѣ начальника, переданной шопотомъ, остановились отдохнуть. Тихо, въ полномъ молчаніи, мы опустились на снѣгъ и отдыхали три минуты, не больше. А затѣмъ, также по командѣ, поднялись, двинулись дальше. Сто шаговъ мы прошли очень быстро.

— Ура-а-а!—вдругъ разомъ гаркнуло шестьдесятъ глотокъ, и мы не побѣжали, а понеслись на перевалъ. И въ этотъ моментъ съ перевала вырвался яркій снопъ огня и оглушительно рявкнуло орудіе. Но снарядъ его пролетѣлъ высоко надъ нашими головами: очевидно, прицѣлъ орудія остался дневной, взятый для обстрѣла долины, а взять новый прицѣлъ—въ насъ,—у турокъ не было времени потому что вслѣдъ за орудійнымъ выстрѣломъ мы были на перевалѣ и овладѣли батареей изъ двухъ скорострѣльныхъ крупповскихъ орудій. Турецкіе артиллеристы были нами переколоты штыками, и только четверо изъ

Намъ приходилось взбират ься на скалы, спускаться съ нихъ и ко е-гдѣ ползти по снѣгу.

нихъ да трое нѣмцевъ уцѣлѣли: подняли руки, просили о пощадѣ и были взяты въ плѣнъ. Орудійный выстрѣлъ надѣлалъ переполоху въ деревнѣ Ханыкъ, изъ которой главныя силы двинулись на перевалъ. Мы повернули орудія въ сторону деревни и начали обстрѣлъ ея. Но среди насъ не было спеціалиста-артиллериста, и дѣло у насъ не спорилось, пока на перевалъ не прибылъ на лошади командиръ одной изъ нашихъ батарей, у котораго орудія сразу заговорили по иному. Къ этому времени успѣли подойти и наши роты, что было какъ разъ къ спѣху: турки густыми колоннами двинулись къ перевалу. Но роты, разсыпавшись по горному хребту, открывали по нимъ мѣткій огонь и заставили ихъ отступить.

Начиналось утро. Небо очистилось отъ тучъ, день наступалъ ясный. На востокѣ разгоралась заря, отблески ея алыми огнями дрожали на снѣгахъ горныхъ вершинъ. Долина курилась легкимъ туманомъ, который, поднимаясь до высоты перевала, становился розовымъ.

Со стороны деревни въ это время показались огромныя скопища конныхъ курдовъ. Мнѣ потомъ говорили, что ихъ было не менѣе пяти тысячъ.

Очевидно, курды надѣялись, что имъ удастся налетѣть на насъ и перекрошить всѣхъ. Поэтому-то они такъ увѣренно двинулись на перевалъ, открывъ наскаку безпорядочную и безвредную для насъ стрѣльбу. Но мы приготовились къ встрѣчѣ ихъ: допустивъ ихъ на 600 шаговъ, мы открыли ураганный огонь. Лошади переднихъ рядовъ повалились какъ подкошенныя, то же случилось съ лошадьми вторыхъ и третьихъ рядовъ. Курдамъ пришлось солоно: повернувъ назадъ лошадей, они помчались безъ оглядки въ сторону деревни... Клычъ-Гядукскій перевалъ достался намъ дешево: убитыхъ у насъ не было ни одного, а раненыхъ только одинъ.

РАЗГОВОРЪ.

Разсказъ *Е. Баранова.*

Въ нашей развѣдочной командѣ былъ ефрейторъ Никифоровъ—изъ запасныхъ, человѣкъ въ нѣкоторомъ отношеніи довольно интересный. Онъ—уроженецъ Сѣвернаго Кавказа,—до поступленія на военную службу и послѣ нея въ поискахъ заработка исходилъ весь Кавказъ, между прочимъ, живалъ въ Карсѣ. Былъ онъ немного знакомъ съ мѣстными туземными нравами, обычаями, зналъ немного по-татарски, немного по-турецки. Какъ охотникъ онъ въ свое время познакомился съ горной природой, и въ качествѣ развѣдчика былъ цѣннымъ человѣкомъ. Энергичный, подвижной и удивительно безстрашный, онъ нерѣдко исполнялъ самыя трудныя порученія. Вотъ съ этимъ Никифоровымъ и еще съ двумя солдатами однажды, въ началѣ марта, я былъ посланъ на развѣдку въ Зачорохскомъ краѣ, въ горахъ Аджаріи. Никифоровъ, какъ самый опытный изъ насъ, былъ назначенъ старшимъ. Я же въ дѣлѣ развѣдки былъ, можно сказать, новичкомъ.

Намъ приказано было обслѣдовать часть южнаго склона горнаго хребта, вершину котораго заняли наши войска.

Снѣгъ въ горахъ почти весь стаялъ и только еще лежалъ въ глубокихъ балкахъ и густыхъ заросляхъ. На солнечныхъ пригрѣвахъ показались красивые подснѣжники и молодая травка, а въ долинѣ еще съ половины февраля зацвѣла алыча.

Мы пробирались межъ высокихъ съ громадными раскидистыми верхушками чинаръ, карагачей, ясеней, потомъ зарослями орѣшника, кизила и дикой черешни. Спустившись въ глубокую балку, на днѣ которой лежалъ рыхлый снѣгъ, мы выбрались на скалистую гору. Тутъ всюду лежали большіе камни и обломки скалъ. Въ этомъ царствѣ камней было какъ-то особенно дико и жутко. Сѣрыя и красноватыя каменныя массы то громоздились одна на другую, то стояли одинокими утесами и точно сторожили мѣстность. И мнѣ казалось, что за каждымъ камнемъ, за каждымъ обломкомъ скалы сидятъ турки и слѣдятъ за нами... Каждую минуту я ожидалъ, что изъ-за этихъ камней загремятъ ружейные выстрѣлы.

Никифоровъ, какъ опытная охотничья собака, внимательно посматривалъ по сторонамъ и, казалось, нюхалъ воздухъ. Да онъ и на самомъ дѣлѣ нюхалъ его, какъ это оказалось потомъ.

— Стой,—тихо проговорилъ онъ, безпокойно оглядываясь по сторонамъ.—Кто-то куритъ... Садись!—почти крикнулъ онъ.

Мы сразу быстро опустились на землю, и въ это время шагахъ въ семидесяти отъ насъ раздались два ружейныхъ выстрѣла. Пули, ударившись о камни, завизжали или, — какъ говорилъ одинъ изъ нашихъ товарищей, Федорчукъ, — забрунчали.

Мы поползли впередъ. Я съ Никифоровымъ присѣлъ за большимъ гранитнымъ обломкомъ скалы, а двое остальныхъ развѣдчиковъ—за другимъ такимъ же обломкомъ, шагахъ въ пяти отъ насъ.

— Слышь, ребята,—сказалъ имъ Никифоровъ,—осторожнѣе выглядывай изъ-за камня... Смотри, не зѣвай... зря голову не поднимай... тоже не стрѣляй зря...

— Ишь, замолчали,—сказалъ онъ мнѣ,—видно, дожидаютъ, что мы бросимся на нихъ, а они насъ перещелкаютъ. Только постойте, голубчики, мы сначала поговоримъ съ вами...

— Буюрунъ хошь гельденъ!—громко крикнулъ онъ по-турецки и тотъ же часъ перевелъ мнѣ на русскій языкъ:—Милости просимъ, пожалуйте къ намъ...

Послѣ нѣкотораго молчанія одинъ изъ турокъ прокричалъ:

— Сенъ-кимъ-сенъ?

— Спрашиваютъ: кто ты такой?—сказалъ мнѣ Никифоровъ и опять громко крикнулъ:

— Тапли биръ адамъ!

— Говорю имъ, что, дескать, я—хорошій, вѣрный человѣкъ,—пояснилъ онъ мнѣ, усмѣхаясь.

— Ку-ку! Ку-ку!—дразнилъ Никифоровъ турокъ.

— Анги милетъ адамъ?— спросилъ тотъ же голосъ турка.

— Ага,— сказалъ Никифоровъ,— заинтересовались! Спрашиваютъ, какой я націи...

— Османліе!—крикнулъ онъ и засмѣялся.—Туркомъ себя обозначилъ... хе-хе...

Турки помолчали и потомъ уже другой, болѣе звонкій голосъ прокричалъ:

— Хайди бошъ локырды!

Никифоровъ внимательно прислушался.

— Замѣтили?—сказалъ онъ.—Это уже другой турокъ крикнулъ...—А?

— Да, другой,—сказалъ я.

— Значитъ,—продолжалъ онъ, — ихъ тамъ не одинъ... Не вѣрятъ мнѣ, говорятъ, что пустяки, молъ, болтаешь... Ребята,—сказалъ онъ товарищамъ,—посматривай въ оба... Сейчасъ я по иному заговорю съ ними...

— Ханзиръ! — крикнулъ онъ туркамъ.—Свиньями назвалъ ихъ,— пояснилъ онъ мнѣ.

— Бухъ... бухъ... — отвѣтили турки двумя выстрѣлами, и слышно было, какъ пули ихъ ударились въ нашу скалу.

— Не понравилось!—засмѣялся Никифоровъ.—А ну, еще попробуемъ... Ешекъ адамъ!—крикнулъ онъ.—Ослами назвалъ ихъ,—бросилъ онъ въ мою сторону.

— Бухъ... бухъ...—какъ и раньше отозвались турки двумя выстрѣлами, а Никифоровъ приставилъ ко рту руку трубкой и закричалъ, искусно подражая противному крику осла:

— И-а, и-а-а... и-а-а-а...

— Бухъ... бухъ... бухъ...—отвѣчали турки.

— Ха-ха-ха-ха!—громко и весело загремѣли за скалой двое нашихъ товарищей, но Никифоровъ прикрикнулъ на нихъ:

— Эй, что дерете глотки?! Смотрите въ оба—они скоро выскочутъ изъ-за камней... ужъ я ихъ доведу...—И онъ повторилъ тотъ же крикъ.

Но турки молчали.

— Хм...—хмыкнулъ Никифоровъ.—Не дѣйствуетъ? Что жъ, мы еще одну штуку попробуемъ...

— Цена-бе-етъ!—громко и протяжно прокричалъ онъ.

— Бухъ... бухъ... бухъ... бухъ... бухъ!

— Цѣлыхъ пять выстрѣловъ!—обрадовался Никифоровъ.—Дѣло на ладъ пойдетъ... Ребята, не зѣвай.

— Что такое — ценабетъ? — спросилъ я.

— Ценабетъ это значитъ—проклятая кукушка... Страсть не любятъ, какъ назовешь ихъ кукушкой!..А почему—шутъ ихъ знаетъ... Вотъ послушайте-ка.

— Ку-ку... ку-ку... ку-ку...—прокричалъ Никифоровъ.

А турки словно ожидали этого крика, чтобы открыть по насъ частую пальбу пачками.

— Ку-ку... ку-ку... ку-ку,—надрывался Никифоровъ. Турки не переставали бухать.

И вдругъ изъ-за скалы, гдѣ сидѣли наши товарищи, почти одновременно раздалось два выстрѣла, а за ними—крикъ «ура»... Охотниковъ за скалой не было—они неслись къ туркамъ...

Раздалось три выстрѣла, и потомъ все смолкло.

— Коне-ецъ!—прокричалъ голосъ Федорчука.

Я и Никифоровъ выскочили изъ-за скалы, побѣжали къ туркамъ.

Въ камняхъ лежало двое турокъ. На груди, на ихъ лицахъ была видна свѣжая кровь... Одинъ изъ нихъ былъ пожилой, съ черной сѣдѣющей бородой, другой—совсѣмъ еще молодой, безусый парень. Оба они были мертвы...

Федорчукъ и его товарищъ Степановъ стояли надъ ними...

– Только они высунулись изъ-за камня, мы тутъ и стукнули ихъ,—проговорилъ Степановъ.

— Готовы,—сказалъ Федорчукъ, кивая головой на турокъ. Онъ помолчалъ и снова заговорилъ:

— А не спрячься мы и пойди прямо на нихъ, они живымъ манеромъ перещелкали бы насъ...

— А то что жъ?—подтвердилъ Никифоровъ.—Еще какъ бы перещелкали-то. Спасибо, я во время спохватился—дымомъ табачнымъ накинуло меня... Они—кивнулъ онъ на турокъ,—раскуривали тутъ, въ секретѣ-то сидя... То-то умныя головы!..

— Ну, теперь-то не опасно покурить,—проговорилъ Федорчукъ, доставая изъ кармана кисетъ съ табакомъ, и вдругъ разсмѣялся.

— Какъ ты по-ослиному-то кричалъ,—сказалъ онъ Никифорову.—Не любятъ.

— Теперь ужъ кончено,—промолвилъ Степановъ,—любишь не любишь... Дай-ка цыгарочку свернуть...

Но покурить намъ въ тотъ часъ не удалось: показались въ сторонѣ турки; ихъ было человѣкъ сорокъ. Мы засѣли за камни, открыли по нимъ пальбу... Они также разсыпались по камнямъ и, стрѣляя въ насъ, въ перебѣжку, приближались къ намъ.

Намъ приходилось очень плохо, къ счастью, насъ выручили кубанскіе пластуны, которыхъ прибѣжало съ вершины хребта полсотни человѣкъ.

Турки отступили, потерявъ десять человѣкъ ранеными и убитыми.

Были раненые и у насъ, въ числѣ ихъ и Степановъ.

АТАКА.

Разсказъ *Е. Баранова.*

Дѣло происходило въ декабрѣ. Наши войска, послѣ труднаго перехода по горамъ, занесеннымъ глубокими снѣгами, спустились въ долину и сѣли па «отдыхъ» въ траншеи. Въ полуверстѣ отъ нихъ находились турки и также сидѣли въ траншеяхъ, которыя они, по свѣдѣніямъ, добытымъ нашими развѣдчиками, старательно укрѣпляли.

Отдыхъ продолжался сутки, и на другой день вечеромъ былъ отданъ приказъ по войскамъ—начать съ полуночи наступленіе.

Солдаты получили новыя пачки патроновъ, потомъ поужинали горячими щами, которыя доставили имъ походныя кухни, находившiяся за траншеями въ глубокой балкѣ.

О предстоявшемъ боѣ никто изъ солдатъ не говорилъ и не хотѣлъ думать о немъ, какъ не хочетъ человѣкъ думать о смерти, хотя и знаетъ, что рано ли, поздно ли ему не избѣжать ея. Разговаривали солдаты о другомъ, совсѣмъ постороннемъ, о томъ, что осталось далеко позади нихъ, въ родныхъ деревняхъ и городахъ. Больше всего говорили о своихъ семейныхъ дѣлахъ, были и такiе краснобаи, которые подробно разсказывали о своихъ похожденiяхъ, при чемъ приплетали много такого, чего съ ними никогда не случалось.

Ночь наступала морозная и звѣздная. На темно-синемъ небѣ высыпало великое множество звѣздъ. Холодный мерцающiй свѣтъ струился отъ нихъ на землю. Долина вблизи бѣлѣла снѣгами, а вдали тонула въ сѣрой мглѣ. Горы вырисовывались темными громадами.

Мирошниковъ, рядовой третьей роты, покурилъ и, надвинувъ на лобъ шапку, присѣлъ, прислонившись къ стѣнѣ траншеи. Онъ тотъ же часъ крѣпко задремалъ на нѣсколько минутъ, но за короткiя минуты ему приснился страшный сонъ. Ему стало жутко, онъ проснулся и не могъ припомнить сна. Въ головѣ бродили лишь обрывки его.

Говоръ въ траншеяхъ понемногу утихалъ. Солдаты, прижавшись одинъ къ другому, лежали вповалку. Одни изъ нихъ крѣпко спали, другiе безпокойно ворочались.

Кто-то тяжело вздохнулъ и проговорилъ громкимъ шопотомъ:

— О, Господи... Царь Небесный...

Звѣздъ стало еще больше и еще ярче сверкали онѣ. Млечный путь тянулся какъ громадная бѣлая рѣка.

Мирошниковъ всталъ и выглянулъ изъ траншеи. Долина спала. Вѣтеръ дулъ порывами: то налеталъ съ шумомъ и воемъ, то сразу унимался, словно его не было. Наступала тишина. Вдругъ Мирошникову почудились какiе-то странные звуки—долгiе и тоскливые: словно гдѣ-то далеко-далеко кто-то голосилъ во весь голосъ, рѣкой разливался.

— Ау-у-у-у...—затянулъ одинъ голосъ и тянулъ долго, забирая все выше и выше, и вдругъ оборвался. Тотъ же часъ десятокъ другихъ голосовъ завыли сразу въ разбродъ и выли долго и тоскливо.

«Волки воютъ, — подумалъ Мирошниковъ.—Ишь, какъ стараются, выводятъ. Съ голоду, поди, а то—кровь человѣческую почуяли...»

Вой доносился со стороны горъ. Черезъ нѣкоторое время онъ сразу прекратился.

Мирошниковъ прислушался. Стояла тишина.

«Должно, добычу нашли,—подумалъ онъ.—Можетъ, того турка...»

И ему живо представилось, какъ стая волковъ, поблескивая въ темнотѣ синими огоньками глазъ, набросилась на того замерзшаго турка, котораго онъ вмѣстѣ съ товарищами своими днемъ нашелъ на развѣдкѣ въ ущельи, занесенномъ глубокимъ снѣгомъ.

— Никому не радость: ни туркамъ ни русскимъ,—прошепталъ онъ и собрался было гдѣ-нибудь прикурнуть, какъ вдругъ откуда-то издалека, позади траншей, вырвался громадный треугольникъ яркаго свѣта и упалъ на горы. Мирошниковъ увидѣлъ, какъ освѣтился клочокъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, ясно различилъ тамъ обрывы скалъ, кое-гдѣ высокiя сосны. Лучъ задвигался по горамъ, то опускаясь внизъ, то подымаясь вверхъ. Потомъ онъ спустился въ долину, задвигался тамъ, гдѣ находилась турецкая позицiя. Горы скрылись во тьмѣ, а долина выступала освѣщенными клочками. Мирошниковъ напряженно вглядывался въ эти клочки, надѣясь увидѣть тамъ людей, но кромѣ снѣжной пелены ничего не видѣлъ. Лучъ сразу погасъ и наступившая тьма казалась еще гуще и непрогляднѣй прежней.

Мирошниковъ зналъ, что это былъ лучъ прожектора, которымъ русскiе «нащупывали» турецкую позицiю.

Прошла минута-другая. Лучъ снова вспыхнулъ, но уже дальше, чѣмъ былъ раньше, и опять погасъ. И вслѣдъ затѣмъ съ русскихъ батарей, скрытыхъ далеко гдѣ-то за траншеями, загремѣли орудiйные выстрѣлы. Турки отозвались

такими же выстрѣлами. Съ обѣихъ сторонъ орудійный огонь развивался, и протяжный, неумолкаемый гулъ пошелъ по долинѣ.

* * *

Мирошниковъ не совсѣмъ ясно помнилъ атаку: многое изъ того, что произошло во время нея, припоминалось ему смутно, какъ сонъ.

Хорошо помнилъ онъ, какъ войска вышли изъ траншей и начали строиться въ ряды, какъ офицеры и солдаты сняли шапки и стали креститься.

Время было уже за полночь, но до разсвѣта было еще далеко. Звѣзды сверкали разными огнями, и Мирошникову казалось, что за всю свою жизнь онъ не видѣлъ такихъ яркихъ и красивыхъ звѣздъ.

Душа его была объята тревогой, страхомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испытывала невѣдомое ей раньше чувство особой торжественности.

Мирошниковъ зналъ, что онъ идетъ на вѣрную смерть, но не думалъ о ней. Мысль его работала съ удивительной быстротой и ясностью. Память стала отчетлива, и въ ней воскресало то, что уже давнымъ-давно было похоронено, забыто. Передъ нимъ пронеслась вся его жизнь, и многое изъ того, что раньше онъ считалъ важнымъ и необходимымъ въ этой жизни, показалось ему теперь пустымъ и ничтожнымъ. Рота, въ которой находился Мирошниковъ, первая двинулась по глубокому снѣгу къ турецкимъ траншеямъ.

Турки открыли ружейный и пулеметный огонь. Пули жужжали какъ тысячи пчелъ и шмелей, собравшихся въ одно мѣсто. Около Мирошникова стали падать солдаты: одни молча, другіе—съ крикомъ боли и испуга. Убитыхъ и раненыхъ обходили, и рота, не останавливаясь, шла дальше. Мирошниковъ каждую минуту ожидалъ, что пуля свалитъ его, и онъ, самъ не зная для чего, сильнѣе и сильнѣе сжималъ рукой винтовку.

На половинѣ пути къ траншеямъ во второй взводъ третьей роты упала турецкая граната и разорвалась съ ужаснымъ громомъ и шумомъ. И Мирошниковъ слышалъ, какъ одинъ изъ солдатъ, раненый ея осколкомъ, закричалъ громко и испуганно:

— А-а... ба-атюшки мои... кормильцы родные...

Рота, продолжая наступленіе, стала стрѣлять залпами по траншеямъ и въ то же время наши батареи засыпали ихъ шрапнелью.

Мирошниковъ не помнилъ, какъ онъ очутился около своего ротнаго командира, подпоручика Егорова. Командиръ былъ еще совсѣмъ молодой, безусый, съ красивымъ нѣжнымъ лицомъ и большими печальными глазами. Въ офицеры онъ былъ произведенъ только осенью.

Солдаты полюбили его за неустрашимость, за простое обхожденіе съ ними. Запасные бородачи, народъ серьезный, говорили:

— Съ подпоручикомъ Егоровымъ пойдемъ не только на турокъ, но и на самихъ чертей!

Командиръ шелъ, какъ всегда свободно, держа высоко голову. Въ одной рукѣ у него была сабля, въ другой—револьверъ.

Какъ только увидѣлъ Мирошниковъ командира-юношу, сразу пропалъ его страхъ, и потянуло его къ нему, и сталъ онъ ему дорогъ, словно онъ его любимый сынъ. До траншей оставалось не болѣе ста шаговъ, когда внезапно прекратилась орудійная и ружейная пальба.

— Ура-а-а-а! — завопили тысячи голосовъ, и Мирошниковъ вмѣстѣ съ другими побѣжалъ впередъ, держа винтовку въ обѣихъ рукахъ. А что потомъ случилось, представлялось ему словно въ туманѣ. Смутно припоминалось ему, какъ онъ среди ужаснаго крика, рева и рѣдкихъ ружейныхъ выстрѣловъ вбѣжалъ на траншеи и ударомъ штыка опрокинулъ турка, какъ попалъ въ глубокую канаву и прикладомъ винтовки билъ по головамъ и плечамъ какихъ-то людей, которые что-то громко кричали на чужомъ, непонятномъ для него языкѣ.

Потомъ припоминалось ему, какъ онъ, наступая сапогами на трупы людей, выбрался изъ канавы наверхъ, гдѣ толпы обезумѣвшихъ людей въ свалкѣ кололи одинъ другого штыками, били

прикладами, хватали руками одинъ другого за горло.

На мгновенье ему показалось, что въ этой толпѣ онъ видѣлъ своего командира. Онъ кинулся было къ нему, но тотъ же часъ почувствовалъ, какъ чѣмъ-то огромнымъ ударило въ плечо, какъ закружилось въ головѣ и потемнѣло въ глазахъ.

Очнулся онъ лежа на спинѣ и увидѣлъ надъ собой свѣтлое синее небо, на которомъ уже не было звѣздъ.

Ему было холодно, онъ весь дрожалъ, и острою болью болѣло его лѣвое плечо. Близко около него кто-то стоналъ громко и протяжно, кто-то плакалъ навзрыдъ, гдѣ-то вдали трещала бѣглая ружейная пальба, откуда-то неслось громкое и дружное «ура».

Онъ приподнялся и сѣлъ. Было свѣтло, наступало ясное утро. Вокругъ него лежали раненые и убитые турки и русскіе...

Убитые лежали въ разныхъ положеніяхъ: одни—уткнувшись лицомъ въ снѣгъ, другіе—навзничь, широко раскинувъ руки, третьи—скорчившись. На истоптанномъ грязномъ снѣгу валялись шапки, фески, ружья, патронныя сумки, обоймы, клочья полушубковъ, шинелей, видны были на истоптанномъ грязномъ снѣгу лужи и пятна крови турокъ. Казалось, что кто-то нарочно навалилъ ихъ одинъ на другой. На верху этой груды лежалъ лицомъ внизъ молодой турокъ съ открытыми потускнѣвшими глазами и оскаленными бѣлыми зубами. Лобъ у него былъ покрытъ запекшейся кровью. Въ сторонѣ—турокъ съ черной бородкой клинышкомъ молча ползъ на четвереренькахъ и тяжело волочилъ раненую ногу.

Мирошниковъ, не помня себя, билъ прикладомъ винтовки по головамъ и плечамъ турокъ.

Раненое плечо у Мирошникова ныло, рука казалась такой тяжелой, точно она была изъ свинца. Разорванный рукавъ полушубка былъ въ крови.

Онъ повернулъ голову въ ту сторону, откуда доносились ружейные выстрѣлы и крики «ура», и увидѣлъ вдали пѣшихъ и конныхъ людей, которые куда-то бѣжали, скакали, словно кого-то гнали впереди себя.

Онъ прислушался и по дружному и громкому крику понялъ, что побѣда на сторонѣ русскихъ была полная.

— Слава Тебѣ, Господи, наша взяла!— проговорилъ онъ и словно только въ эту минуту почувствовалъ, что онъ остался живъ, что снова увидитъ солнце, и сильная радость охватила все его существо. Онъ поднялъ правую руку, чтобы снять шапку и перекреститься, но шапки не было на головѣ. Провелъ онъ рукой по волосамъ, перекрестился и быстро всталъ на ноги. Раненая рука заныла сильнѣе, онъ взялъ ее другой рукой и прижалъ къ груди.

Теперь слышнѣй стали ему стоны и вопли, которые неслись со всѣхъ сторонъ: казалось, плакала и стонала вся долина, залитая кровью и изрытая гранатами и бомбами, стонали и горы, дальнія вершины которыхъ уже начали алѣть.

Медленнымъ взглядомъ обвелъ онъ долину. Всюду на ней были видны трупы людей и трупы лошадей съ задранными кверху ногами. Около траншей гнѣдая лошадь съ казацкимъ сѣдломъ пыталась встать на переднія ноги и падала, тыкаясь мордой въ снѣгъ, а изъ прострѣленной груди ея текла кровь.

Кое-гдѣ видны были раненые, которые то въ одиночку, то вдвоемъ, поддерживая одинъ другого, брели на перевязочный пунктъ.

Мирошниковъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился, уставился глазами въ снѣгъ, о чемъ-то думалъ, стараясь что-то припомнить.

Потомъ сталъ ходить отъ трупа къ трупу, наклоняясь надъ каждымъ, заглядывая имъ въ лицо. И нашелъ кого искалъ — увидѣлъ подпоручика Егорова: онъ сидѣлъ на снѣгу безъ шапки, блѣдный; на лицѣ и на груди у него была видна кровь, а побѣлѣвшія губы дрожали.

— Ваше благородіе, живы? — окликнулъ его Мирошниковъ.

Подпоручикъ глянулъ на него своими печальными глазами, хотѣлъ что-то сказать, но губы не слушались его.

— Ваше благородіе, наша взяла! Одолѣли мы проклятыхъ супостатовъ! — сказалъ Мирошниковъ. А у командира все такъ же дрожали губы.

Мирошниковъ опустился передъ нимъ на колѣни, съ трудомъ взвалилъ его на правое плечо, поднялся и пошелъ.

Куда онъ шелъ, онъ самъ не зналъ, мысли путались въ головѣ у него, въ глазахъ стояли красные и желтые круги. Онъ ходилъ долго и упалъ, выбившись изъ силъ. Санитары, пришедшіе убирать раненыхъ и убитыхъ, подняли его и командира... Командиръ былъ мертвъ, а Мирошниковъ пришелъ въ себя въ госпиталѣ, въ Карсѣ, куда онъ былъ доставленъ вмѣстѣ съ другими ранеными.

КОНЬ ЗОЛОТИСТЫЙ.

Разсказъ *Е. Баранова*.

Начальникомъ развѣдочной команды, въ которой находился Степанъ Воронковъ, былъ хорунжій Червленный, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, безусый, съ румяными и полными щеками, съ голубыми и ясными глазами.

Короткая верхняя губа у него была чуть приподнята, открывая бѣлые мелкіе зубы, и отъ этого казалось, что онъ постоянно чему-то усмѣхался молча.

Казаки промежъ себя втихомолку называли его «мальчикомъ» и въ то же время уважали его за лихость и неустрашимость, за то, что онъ обходился съ ними по-товарищески просто, хотя и былъ очень строгъ и требователенъ по службѣ.

Воронковъ видѣлъ на развѣдкѣ, въ которой онъ впервые участвовалъ, какъ хорунжій схватился съ тремя курдами и одинъ, безъ помощи казаковъ, управился съ ними: двоихъ изрубилъ шашкой, третьяго уложилъ выстрѣломъ изъ револьвера.

Покончивъ съ курдами, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, досталъ изъ кармана портсигаръ и закурилъ папиросу.

«Ну и человѣкъ! — подумалъ Воронковъ. — Съ этакимъ-то нигдѣ не будетъ страшно! Вотъ тебѣ и мальчикъ!»

А «мальчикъ» спокойно пускалъ изо рта дымъ колечками, смотрѣлъ на

коня Воронкова, и замѣтно любовался имъ.

— Сколько отдалъ? — спросилъ онъ Воронкова, кивнувъ головой на коня.

— Не купленъ, ваше благородіе,— отвѣчалъ Воронковъ, — чеченецъ-кунакъ [1]) подарилъ жеребенкомъ, а я выходилъ его.

— Хорошъ конь, хорошъ, — промолвилъ хорунжій.

И вѣрно, конь былъ хорошъ: стройный, съ крутой шеей и гордо посаженной головой. Шерсть на немъ была золотистая, гладкая и блестящая, морда — узкая, тонкія ноздри такъ и трепетали, нюхая воздухъ. Уши съ острыми концами стояли прямо и, прислушиваясь, нервно подергивались, а большіе круглые глаза смотрѣли строго, и умъ свѣтился въ нихъ. Тонкія, какъ у оленя, ноги были крѣпки, выносливы, легко и свободно носили поджарое и красивое туловище. Длинный черный и густой хвостъ былъ чуть-чуть подрѣзанъ, черная, густая грива—тщательно расчесана.

Было видно, что хозяинъ ухаживаетъ за конемъ съ любовной заботливостью. И правда: казаки не разъ видѣли, какъ Воронковъ, лаская коня, прижимался щекой къ его щекѣ, какъ цѣловалъ его морду.

— Какъ звать?—спросилъ хорунжій, попрежнему кивая головой на коня.

— Чеченцемъ, ваше благородіе,—отвѣчалъ Воронковъ и ожидалъ, что хорунжій спроситъ его еще о чемъ-нибудь, а тотъ уже отвернулся отъ коня и, продолжая курить, смотрѣлъ куда-то въ даль, гдѣ за высокими скалистыми горами поднялись блестящія вершины снѣгового хребта.

* * *

Было раннее и слегка морозное утро половины февраля. Солнце уже поднялось, но изъ глубокаго ущелья, по которому пробиралась команда хорунжаго Червленнаго, его не было видно.

Ущелье было узкое и извилистое. По обѣ стороны его тянулись высокія и обрывистыя каменныя скалы, мѣстами разсѣченныя сверху донизу глубокими трещинами и разсѣлинами, которыя зіяли, какъ раскрытыя черныя пасти. Съ уступовъ скалъ кое-гдѣ свѣшивались пласты талаго и подмерзшаго снѣга. Дно ущелья было усѣяно камнями и обломками скалъ, обнажившимися изъ-подъ слежавшагося, затвердѣвшаго снѣга. Высоко надъ ущельемъ тянулась узкая полоска синяго, чуть зарумянившагося неба.

Лошади казаковъ старательно обходили камни, осторожно переставляя ноги, и глухо раздавался стукъ ихъ копытъ.

Впереди ѣхалъ хорунжій Червленный, за нимъ, одинъ за другимъ, гуськомъ — восемь казаковъ. Они были въ черкескахъ, за плечами у нихъ въ бурочныхъ чехлахъ висѣли винтовки, а бурки, тщательно скатанныя, были привязаны къ задней лукѣ.

Ущелье скоро оборвалось, вышло въ небольшую долину, которую пересѣкалъ молодой черный лѣсъ.

Снѣгъ въ долинѣ почти весь стаялъ и только кое-гдѣ лежалъ бѣлыми пятнами.

У выхода изъ ущелья хорунжій, не поворачиваясь лицомъ къ казакамъ, сдѣлалъ имъ рукой знакъ остановиться, вынулъ изъ чехла, висѣвшаго у него черезъ плечо, бинокль и навелъ его на лѣсъ.

Со стороны лѣса раздались одинъ за другимъ три-четыре ружейныхъ выстрѣла. Пули съ пѣвучимъ свистомъ пролетѣли близко около хорунжаго, а одна изъ нихъ рикошетомъ взорвала землю почти у ногъ его лошади.

Хорунжій молча махнулъ рукой казакамъ, подзывая ихъ къ себѣ, и казаки быстро очутились около него и вынули изъ чехловъ винтовки.

Хорунжій хотѣлъ что-то сказать имъ, но въ это время изъ другого ущелья, выходившаго въ долину противъ лѣса, показалась толпа конныхъ курдовъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, и съ крикомъ и воемъ устремилась на казаковъ, махая саблями и стрѣляя на-скаку.

Казаки открыли по нимъ стрѣльбу пачками. Нѣсколько человѣкъ курдовъ кувыркнулись съ лошадей, упали четыре-пять лошадей. Но это не остановило другихъ курдовъ.

[1]) Кунакъ — пріятель.

— Ну, братцы, въ шашки!—крикнулъ хорунжій, выхватывая изъ ноженъ шашку.

Казаки быстро вложили винтовки въ чехлы и взялись за шашки. И минуты не прошло, какъ они уже налетѣли на курдовъ, врѣзались въ толпу ихъ.

Огромнаго роста, плечистый курдъ, въ большой цвѣтной чалмѣ, кричалъ что-то, замахиваясь на Воронкова кривой саблей.

Воронковъ наотмашь ударилъ его шашкой по лицу, и тотъ же часъ почувствовалъ, какъ острая жгучая боль прошла по его тѣлу, громадные багровые круги запрыгали въ его глазахъ, и онъ сорвался съ коня и, казалось ему, полетѣлъ въ темную пропасть.

* * *

Очнулся онъ, лежа на землѣ лицомъ внизъ, когда солнце уже взошло надъ долиной.

Болѣли его плечи, болѣла спина, шумъ стоялъ въ головѣ, и сильная жажда томила его.

Гдѣ-то въ глубинѣ ущелья шла жаркая ружейная пальба, гдѣ-то высоко надъ долиной, въ горахъ грохотали орудія. Около него кто-то вздыхалъ тяжело и шумно, кто-то стоналъ.

Онъ уперся руками въ землю, съ большимъ трудомъ приподнялся, сталъ на колѣни и тупымъ, мутнымъ взоромъ повелъ вокругъ себя.

Лежали трупы курдовъ то въ одиночку, то наваленные одинъ на другой, и всѣ они были въ крови.

Старый, съ сѣдой бородой, курдъ лежалъ лицомъ вверхъ, широко разбросавъ руки.

Это онъ такъ тяжко и шумно вздыхалъ, и когда вздохъ вырывался изъ груди, пальцы его лѣвой руки судорожно царапали землю.

Послышались тяжелые и медленные шаги; кто-то шелъ и словно съ трудомъ волочилъ ноги.

Воронковъ поднялъ голову и увидѣлъ золотистаго Чеченца.

Плечи его и грудь были въ крови, кровь бѣжала изъ-подъ гривы и дымилась, стекая по шеѣ.

Онъ приблизился къ хозяину, потянулся къ нему мордой.

— Го-го-го... — тихо заржалъ онъ и поникъ головой, изъ-подъ гривы сильнѣе побѣжала кровь.

Воронковъ протянулъ къ нему руки и упалъ, потерявъ сознаніе.

Выше поднялось солнце надъ долиной. На горахъ прекратился грохотъ орудій, замирала ружейная пальба въ глубинѣ ущелья.

Золотистый конь все еще стоялъ передъ своимъ хозяиномъ, низко опустивъ голову, истекалъ кровью и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Санитары подняли казака, положили на носилки и понесли.

Конь, не поднимая головы, тихо побрелъ за ними. Шелъ-шелъ, споткнулся и упалъ, ткнувшись мордой въ землю. Но тотъ же часъ собралъ послѣднія силы, поднялся, прошелъ еще нѣсколько шаговъ, шатаясь, и снова тяжело грохнулся, захрипѣлъ.

* * *

И на перевязочномъ пунктѣ Воронковъ лежалъ все такъ же съ открытыми глазами, все такъ же тихо стоналъ и былъ безъ сознанія.

Въ себя онъ пришелъ въ лазаретѣ въ Александрополѣ. Въ первое время онъ долго не могъ понять, какъ онъ попалъ въ больничную палату и отчего плечи его ноютъ тупою, неутихающею болью. Потомъ память его прояснилась, и онъ вспомнилъ раннее свѣжее утро въ ущельѣ, вспомнилъ схватку съ курдами. Смутно припоминалось ему, какъ подходилъ къ нему золотистый конь.

Въ той же палатѣ лежалъ раненый въ ногу его одностаничникъ. Отъ него Воронковъ узналъ, чѣмъ кончилась схватка развѣдчиковъ съ курдами: на помощь казакамъ подоспѣла рота пѣхоты и перестрѣляла курдовъ, затѣмъ выбила изъ лѣса турокъ. Изъ развѣдчиковъ остались въ живыхъ только двое: Воронковъ да хорунжій.

—Ну, ты-то весь израненъ, — продолжалъ станичникъ, — а хорунжему хоть бы что! Только и всего, что шапку

прострѣлили, да коня подъ нимъ убили. Видѣлъ я его послѣ боя: такъ-то папиросочку покуриваетъ.

Станичникъ помолчалъ.

— И что за человѣкъ такой, этотъ хорунжій,—заговорилъ онъ снова съ видомъ недоумѣнія, пожимая плечами.— И пуля его не беретъ и желѣзо тоже не беретъ! Должно, слово такое знаетъ, въ родѣ какъ бы заговоръ... А?

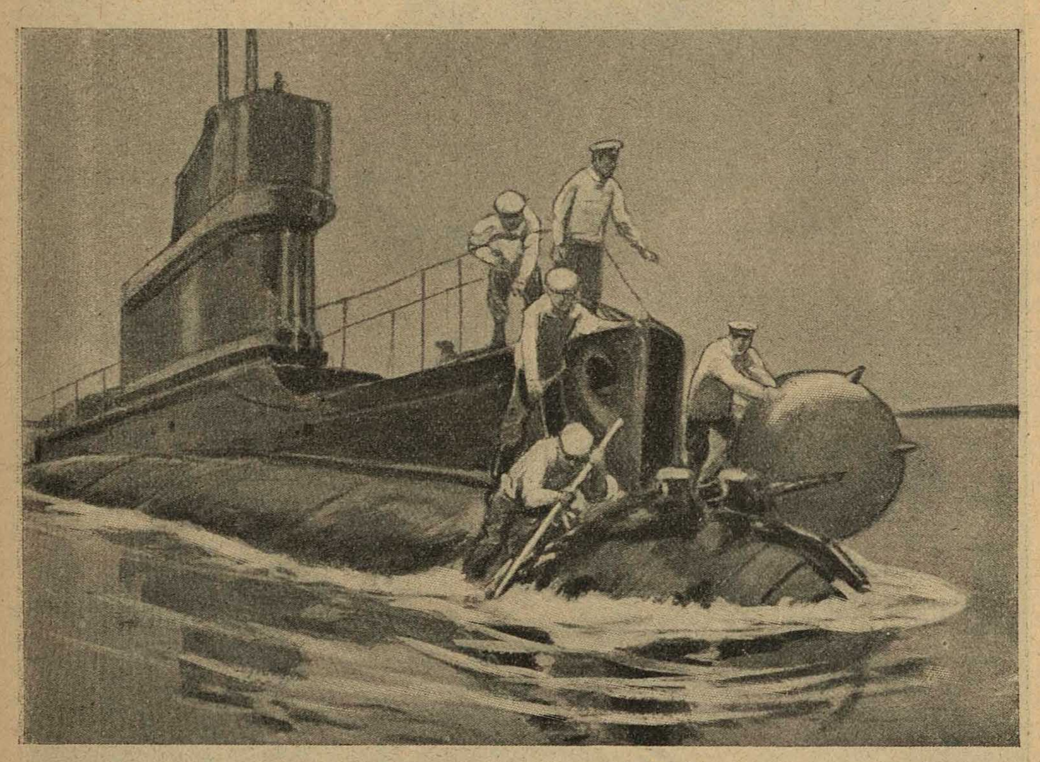
— Пустое, я думаю, — отозвался Воронковъ. — Богъ хранитъ, и больше ничего... Ну, а какъ насчетъ моего коня: слышалъ что-нибудь?

— Нѣтъ, парень, ничего не слыхалъ... А что — видно жалкуешь? [1])

Воронковъ не отвѣтилъ, вздохнулъ и задумался...

[1]) Жалкуешь — жалѣешь.

Подводные развѣдчики.

Во время развѣдки близь Гельголанда британская подводная лодка на значительной глубинѣ запуталась въ канатахъ, соединяющихъ мину съ якоремъ. Мина осталась въ сторонѣ и не взорвалась. Подводная лодка съ величайшей осторожностью поднялась на поверхность, поднимая за собой и мину, которая очутилась на ея корпусѣ. Послѣ этого мину осторожно сняли съ каната и разстрѣляли. Вся эта опасная операція съ начала до конца прошла вполнѣ благополучно.

ГИБЕЛЬ ЦЕППЕЛИНА ВЪ МОРѢ.

Недавно, сбросивъ нѣсколько бомбъ въ окрестностяхъ Либавы, германскій цеппелинъ пролетѣлъ надъ русскимъ фортомъ, откуда по нему сейчасъ же былъ открытъ огонь. Поврежденный цеппелинъ сталъ быстро снижаться. Тогда нѣсколько лодокъ съ солдатами вышли изъ порта и поплыли за цеппелиномъ. Экипажъ отстрѣливался, но, несмотря на это, былъ весь забранъ въ плѣнъ.

Разсказъ *Бриттена Остина.*

Большая ровная поляна четырехугольникомъ врѣзывалась въ лѣсную опушку, окруженная съ трехъ сторонъ деревьями словно стѣной. Вся середина ея была свободна. Лишь бумажки валялись на притоптанной травѣ,—неизбѣжныя бумажки, которыя всегда можно найти тамъ, гдѣ побывали люди. Вдоль лѣвой стороны поляны стоялъ рядъ аспидно-сѣрыхъ моторныхъ тележекъ. Вдоль правой стороны тянулся такой же ровный рядъ палатокъ и сараевъ, надъ которыми стлалась пелена дыма. Вдоль третьей же стороны къ стволамъ деревьевъ черезъ правильные промежутки были прикрѣплены дощечки съ крупными номерами, въ родѣ тѣхъ, какія можно видѣть на выставкахъ рогатаго скота. Но мѣсто передъ дощечками было пусто.

Передъ сараями стояла кучка людей въ хаки, а неподалеку отъ нихъ два кузнеца въ блузахъ работали у переносной кузницы. Оттуда-то и шелъ дымъ, стлавшійся надъ сараями. Видно было, что они съ страшной силой бьютъ молотами, однако, какъ ни странно, уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ никакихъ ударовъ не было слышно. Дѣло въ томъ, что непрерывный гулъ, доносившійся изъ-за лѣса, поглощалъ всѣ остальные звуки.

Тихій воздухъ жаркаго полудня дрожалъ отъ сотрясеній, которыя слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что сливались въ одинъ общій оглушительный грохотъ. Это былъ гулъ битвы, а поляна была станціей аэроплановъ британской арміи.

Но, несмотря на близость битвы, поляна не имѣла особо воинственнаго вида. Въ одномъ углу лѣса эскадронъ спѣшившихся кавалеристовъ стоялъ возлѣ своихъ лошадей. Немного дальше, вдоль проселочной дороги, ведущей къ полю, пушка, поставленная на моторную тележку, смотрѣла дуломъ прямо въ небо. Возлѣ нея въ небрежныхъ позахъ сидѣло три-четыре человѣка, а одинъ стоялъ съ биноклемъ у глазъ и всматривался въ небо. Группа людей въ хаки обращала на нихъ не больше вниманія, чѣмъ на гулъ битвы. Все ихъ вниманіе было сосредоточено на страннаго вида чащѣ, которая находилась въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нихъ.

При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи нетрудно было замѣтить, что эта чаща—искусственная. Дѣйствительно, это было нѣчто въ родѣ навѣса, стѣны и крыши котораго состояли изъ зеленыхъ вѣтвей. Внутри копошились люди, а лучъ солнца, проникавшій сквозь листву, золотыми бликами игралъ на какомъ-то желтомъ предметѣ. Этотъ желтый предметъ былъ крыломъ маленькаго моноплана.

Нѣсколько поодаль отъ остальныхъ членовъ группы стоялъ стройный человѣкъ въ костюмѣ авіатора, серьезно разговаривая о чемъ-то съ высокимъ худощавымъ штабнымъ офицеромъ. Остальные же хмуро обсуждали утреннюю катастрофу.

Врагъ нанесъ имъ страшный ударъ. Когда на разсвѣтѣ британская воздушная эскадра поднялась съ мѣста своей стоянки, она была атакована германской воздушной эскадрой, которая значительно превосходила ее численностью. Наблюдатели снизу слышали трескотню пулеметовъ, видѣли,какъ вспышки огня прорѣзывали сѣрый утренній туманъ, видѣли, какъ силуэты аэроплановъ кружились, ныряли, сталкивались и съ головокружительной быстротой падали, подбитые на землю.

Конечно, не одни британскіе аэропланы лежали кругомъ на поляхъ и лугахъ безформенными грудами обломковъ. Непріятель тоже понесъ большой уронъ. Онъ всегда могъ узнать, что дѣлалось въ тылу британскаго фронта. А что онъ самъ дѣлалъ? Этого никто не зналъ, но ожесточенность его огня ясно говорила, что онъ намѣренъ использовать свое преимущество, не теряя ни минуты. Предчувствіе пораженія тяжелымъ гнетомъ лежало на душѣ этихъ людей въ хаки, въ то время какъ они обсуждали, на кого или на что падаетъ вина за происшедшую катастрофу.

Штабный офицеръ нетерпѣливымъ жестомъ крутилъ свои короткіе сѣдоватые усы, жуя соломинку, которой уже не было у него въ зубахъ. Въ своемъ волненіи онъ не замѣтилъ, какъ она выпала у него изо рта.

— Хоть бы они поторопились немного,—сказалъ онъ.—Генералу важно какъ можно скорѣе получить свѣдѣнія.

— Они торопятся во-всю, сэръ, — отвѣтилъ авіаторъ съ легкой улыбкой.

Его серьезное, вдумчивое лицо ясно говорило, что онъ вполнѣ сознаетъ опасность положенія и необходимость дѣйствовать быстро, но энергичная, спокойная складка губъ не менѣе ясно говорила о крѣпкихъ нервахъ, которыхъ ничто не можетъ вывести изъ равновѣсія.

— Вы поняли, въ чемъ заключается ваша задача?—опять заговорилъ офицеръ, повторяя это чуть не въ десятый разъ.—Генералъ предполагаетъ, что непріятель предпринялъ обходное движеніе противъ нашего праваго фланга. Если они двинули для обхода нашего праваго фланга крупныя силы, онъ можетъ выслать противъ нихъ, чтобы задержать ихъ, шестую дивизію, и въ то же время массовой атакой опрокинетъ ихъ лѣвый центръ, который они въ такомъ случаѣ безусловно ослабили. Онъ хочетъ повторить Саламанку, — говорилъ онъ.—Что происходило при Саламанкѣ, я не знаю,—раздраженно добавилъ офицеръ, — но во всякомъ случаѣ генералъ не рѣшается двинуть ни одного человѣка, пока не будетъ знать навѣрное, что дѣлаетъ врагъ. Хоть бы они кончили поскорѣе!

Онъ быстро окинулъ взглядомъ небо.

— Сколько у нихъ осталось аэроплановъ?

— Четыре, насколько мнѣ извѣстно,— спокойно отвѣтилъ авіаторъ.—Вчера у нихъ было десять. Пять разбились сегодня утромъ, а у одного повредили крыло часъ тому назадъ.

Въ эту минуту изъ-подъ навѣса вышелъ грязный, потный человѣкъ и быстро подошелъ къ говорившимъ, взявъ подъ козырекъ.

— Готово, сэръ,—доложилъ онъ.

— Отлично, такъ выкатите его,—сказалъ авіаторъ.—Нѣтъ, погодите!—Онъ сталъ всматриваться въ небо.—Вонъ *онъ* опять летитъ.

— А, чортъ бы побралъ его!—проворчалъ офицеръ, тоже устремивъ взглядъ на небо.

Тамъ, высоко въ воздухѣ, параллельно британской боевой линіи, летѣлъ вражескій аэропланъ, приближаясь къ полянѣ. Вскорѣ сквозь гулъ кононады послышался шумъ его мотора. Онъ летѣлъ спокойно, слегка спускаясь, но все еще внѣ досягаемости для пушечныхъ выстрѣловъ, какъ это доказывали облачка дыма, которыя появлялись одно за другимъ далеко подъ нимъ. Медленно, словно тщательно изслѣдуя и отмѣчая все, пролетѣлъ онъ надъ поляной. Вдругъ онъ повернулъ и полетѣлъ назадъ, спустившись еще ниже. Очевидно, что-то на полянѣ возбудило его подозрѣніе. Офицеръ не сводилъ съ него глазъ, словно загипнотизированный. Страхъ за драгоцѣнный монопланъ, спрятанный подъ зеленью въ навѣсѣ, положительно парализовалъ его.

Авіаторъ оглянулся и посмотрѣлъ на пушку, которая стояла на моторной телѣжкѣ. Орудійная прислуга сидѣла въ спокойномъ ожиданіи. Стволъ пушки слегка измѣнилъ свое положеніе. Авіаторъ опять перевелъ взглядъ на непріятельскій аэропланъ. Въ эту минуту слѣва прогремѣлъ выстрѣлъ. Снарядъ попалъ въ цѣль, потому что на темномъ остовѣ аэроплана блеснуло пламя. Аэропланъ сильно покачнулся, дернулся внизъ и стремительно сталъ падать, перевернувшись при этомъ крыльями внизъ. Двѣ темныя фигуры выпали изъ него и камнемъ полетѣли на землю, вперегонку съ падающимъ аэропланомъ. Черезъ минуту,—долгую, безконечную минуту,—подбитый аэропланъ упалъ на середину поляны. Языки огня вырвались изъ его безформенныхъ обломковъ. Но авіаторъ не смотрѣлъ туда. Онъ бѣгомъ бросился къ навѣсу.

— Скорѣе! Выкатите его!—крикнулъ онъ.

Двадцать паръ лихорадочно работающихъ рукъ въ одинъ мигъ разобрали вѣтви, и изъ-подъ навѣса выкатился маленькій монопланъ и остановился, словно стрекоза, присѣвшая отдохнуть.

Авіаторъ быстро взобрался на свое сидѣніе между крыльями, посмотрѣлъ на компасъ, на раскрытую карту, вставленную въ рамку, убѣдился, что сумки для сбрасыванія донесеній находятся на своемъ мѣстѣ, и провѣрилъ, крѣпокъ ли ремень бинокля, который висѣлъ у него черезъ плечо.

Все было въ исправности. Можно было летѣть. Два солдата-механика держали длинныя лопасти пропеллера. Гулъ битвы все усиливался. Высокій штабный офицеръ подошелъ и протянулъ летчику руку.

Британская воздушная эскадра была атакована непріятелемъ, значительно превосходившимъ ее численностью, и погибла вся, кромѣ одного моноплана.

— До свиданья, Даусонъ, и дай вамъ Богъ удачи,—сказалъ онъ.—И ради Бога, дайте намъ знать, что дѣлается на томъ флангѣ. Не ждите, пока вернетесь, а бросьте записку сверху.—Онъ взглянулъ на свои часы.—Сейчасъ ровно двѣнадцать. Если по прошествіи часа мы ничего не узнаемъ, уже поздно будетъ дѣлать что-нибудь. Сможете вы добыть свѣдѣнія въ теченіе часа?

— Постараюсь,—отвѣчалъ авіаторъ, взглянувъ на свои часы, чтобы провѣрить время.

Офицеръ еще разъ тревожно оглядѣлъ небо, хотѣлъ, казалось, сказать что-то, но удержался и ограничился тѣмъ, что повторилъ:

— Такъ дай вамъ Богъ удачи!

Летчикъ улыбнулся и весело кивнулъ головой. Затѣмъ отдалъ механикамъ краткое приказаніе. Тѣ сильнымъ движеніемъ заставили пропеллеръ завертѣться. Аэропланъ побѣжалъ по полю. Вращающійся пропеллеръ превратился въ одно сплошное пятно.

Лѣсъ словно побѣжалъ навстрѣчу авіатору, а затѣмъ внезапно сталъ удаляться отъ него по діагонали. Устремивъ взглядъ на барографъ, Даусонъ повернулъ монопланъ и поставилъ крылья для болѣе крутого подъема. Съ каждой секундой барографъ показывалъ большую высоту: сто футовъ — двѣсти — четыреста. Черезъ двѣ съ половиной минуты онъ уже поднялся на высоту тысячи футовъ. Онъ бросилъ быстрый взглядъ внизъ. Монопланъ все еще находился надъ поляной и летчикъ увидѣлъ группу крошечныхъ фигурокъ, которыя стояли скучившись передъ сараемъ. Кругъ горизонта поднимался, а земля внизу точно опускалась, дѣлалась все болѣе и болѣе вогнутой. Казалось, будто глядишь въ огромную котловину, полную лѣсовъ, луговъ и плоскихъ холмовъ. Изъ этой котловины поднимались, словно дымъ, облака желто-сѣрой пыли, а изъ этой пыли неслись всевозможные звуки: дробная трескотня, непрерывное рокотаніе и протяжные громоподобные раскаты, сливавшіеся вмѣстѣ въ одинъ общій звуковой фонъ, на которомъ рѣзко выдѣлялся трескъ разрывающихся снарядовъ.

Но Даусонъ бросилъ внизъ лишь мимолетный взглядъ. Уже въ слѣдующую секунду онъ зорко всматривался въ безоблачную синеву, окружавшую его со всѣхъ сторонъ. Гдѣ же непріятельскіе аэропланы? Слѣва, далеко-далеко, въ небѣ висѣла какая-то темная точка. Продолжая подниматься, Даусонъ внимательно сталъ слѣдить за нимъ. Да, это бипланъ. Но онъ летитъ, повидимому, прочь отъ него—занятъ развѣдкой ихъ лѣваго фланга, какъ рѣшилъ Даусонъ. Очевидно, на бипланѣ еще не замѣтили его. А больше въ небѣ не было видно ни одной движущейся точки. Пока что, все шло гладко. Онъ опять взглянулъ на барографъ. Три тысячи футовъ. А поднимался онъ всего пять съ половиной минутъ.

Ага, теперь его замѣтили снизу! Онъ увидѣлъ дымокъ, который съ невѣроятной быстротой несся къ нему снизу, нѣсколько правѣе его, оставляя за собой длинный хвостъ. Не долетѣвъ до него, снарядъ разорвался съ яркой вспышкой огня и оглушительнымъ грохотомъ. Монопланъ сильно закачался, но продолжалъ непрерывно подниматься. Секунду спустя второй снарядъ разорвался уже на одномъ уровнѣ съ нимъ, на этотъ разъ слѣва. Даусонъ увидѣлъ, что въ одномъ крылѣ моноплана появился прорывъ, а стрѣлка барографа рѣзко повернулась назадъ, показывая на пятьдесятъ футовъ меньше.

Но затѣмъ она опять стала показывать все большее и большее число. Три тысячи двѣсти пятьдесятъ футовъ... три тысячи пятьсотъ... четыре тысячи. Гулъ битвы сталъ затихать, по мѣрѣ того какъ онъ поднимался, и, въ концѣ концовъ, сталъ совсѣмъ неслышнымъ за шумомъ мотора. Дымки продолжали подскакивать къ нему одинъ за другимъ, но разрывались, не причиняя ему вреда.

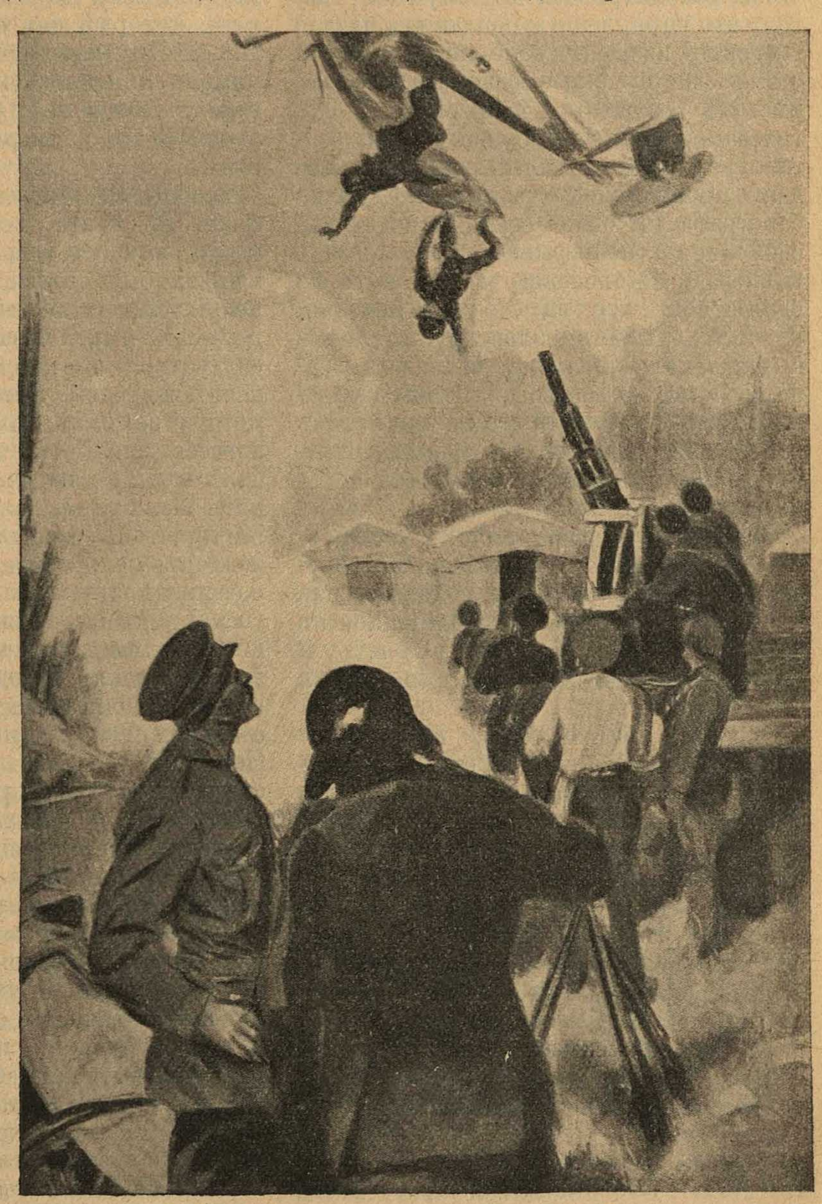
Четыре тысячи пятьсотъ футовъ. Даусонъ бросилъ взглядъ на вражескій бипланъ и увидѣлъ, что тотъ сталъ больше и продолжалъ увеличиваться съ каждой секундой. Очевидно, его замѣтили и преслѣдуютъ. Онъ свернулъ направо и понесся черезъ поле сраженія

по направленію къ лѣвому флангу непріятеля. Въ эту минуту онъ замѣтилъ второй аэропланъ, который поднимался изъ вражескихъ рядовъ. Онъ поднимался быстро и почти вертикально, а затѣмъ подъ острымъ угломъ полетѣлъ прямо къ нему. Два, сталобыть! А гдѣ же третій? Третьяго еще нигдѣ не было видно.

Пересѣкая наискось поле битвы, Даусонъ взглянулъ внизъ и увидѣлъ пелену желто-сѣрой пыли, которая тянулась на много миль въ длину, испещренная безчисленнымъ множествомъ бѣлыхъ дымковъ. Едва одинъ такой дымокъ успѣвалъ разсѣяться, какъ на его мѣстѣ появлялся другой, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они скоплялись такъ густо, что сливались другъ съ другомъ и плыли въ воздухѣ въ видѣ небольшихъ облачковъ.

Глядя такъ сверху, можно было подумать, что находишься надъ дымящимся кратеромъ огромнаго вулкана, краями котораго былъ горизонтъ. Шумъ и гулъ, поднимавшіеся оттуда, еще усиливали это сходство. Вспышки огня то и дѣло прорѣзывали клубы дыма этого ада, а тутъ и тамъ мерцало множество блестящихъ точекъ—отраженіе солнца въ штыкахъ движущихся отрядовъ.

Различить самихъ людей было невозможно, но когда сѣро-желтая завѣса пыли на секунду разрывалась, можно было видѣть темныя пятна различной величины; и слѣва, гдѣ находился непріятель, тоже виднѣлись

Двѣ темныя фигуры выпали изъ машины и камнемъ полетѣли внизъ, вперегонки съ падающимъ аэропланомъ.

подобныя же пятна, но только болѣе темныя.

Однако Даусону было не до того, чтобы разсматривать картину боя, потому что управленіе аэропланомъ начало требовать всего его вниманія.

Какъ ни высоко онъ находился надъ мѣстомъ сраженія, непрерывныя сотрясенія воздуха, производимыя артиллеріей двухъ армій, передавались даже въ эти слои атмосферы. Стрѣлка барографа ни одной секунды не стояла спокойно, а непрерывно скакала взадъ и впередъ. Монопланъ кренился то на одинъ бокъ, то на другой, качался, прыгалъ, дѣлалъ головокружительные нырки, колыхаясь на волнахъ взбаломученной атмосферы. Чтобы управлять имъ и держать его въ принятомъ направленіи, требовалась твердая рука, неусыпное вниманіе, сообразительность и величайшее хладнокровіе.

Оглянувшись разъ, летчикъ увидѣлъ, что ближайшій изъ вражескихъ аэроплановъ, тотъ, который поднялся изъ германскихъ рядовъ и приближался къ нему съ лѣвой стороны, ныряетъ и скачетъ въ воздухѣ не меньше, чѣмъ его монопланъ.

Съ поля битвы внизу поднимался страшный зной, словно отъ огромной доменной печи. Это былъ жаръ всѣхъ тысячъ взрывовъ, которые безъ перерыва происходили тутъ въ теченіе многихъ часовъ подъ рядъ. Даусонъ то и дѣло чувствовалъ на своемъ лицѣ горячія дуновенія, которыя приносили съ собой характерный запахъ гари. Воздухъ былъ удушливъ, несмотря на скорость, съ которой онъ разсѣкалъ его, и насыщенъ электричествомъ, словно передъ грозой. А между тѣмъ ни одно облачко не нарушало однообразія небесной синевы.

Даусонъ услышалъ за собой слабую трескотню. Это открылъ по нему огонь вражескій аэропланъ. Онъ почувствовалъ, какъ его монопланъ задрожалъ отъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ рѣзкихъ толчковъ, и инстинктивно надавилъ на ускоритель хода, повернувъ въ то же время руль высоты. Монопланъ съ головокружительной быстротой устремился впередъ и вверхъ. Толчки прекратились. Онъ обернулся и увидѣлъ, что его преслѣдователь быстро уменьшается въ размѣрахъ, а также увидѣлъ, что и другой аэропланъ,— тотъ, который онъ увидѣлъ первымъ,— далеко отсталъ отъ него. Увѣренная улыбка появилась на крѣпко сжатыхъ губахъ летчика. Онъ убѣдился, что преимущество скорости на его сторонѣ.

Теперь онъ находился надъ лѣвымъ флангомъ врага, немного правѣе того мѣста, которое главнокомандующій намѣтилъ для атаки—въ случаѣ, если непріятель ослабилъ тутъ свои силы. Даусонъ выключилъ моторъ и началъ спускаться по косой линіи къ центру непріятельской позиціи. Когда шумъ мотора замолкъ, до него сразу рѣзко донесся адскій гулъ битвы. Онъ бросилъ взглядъ на часы—тринадцать минутъ перваго—и далъ себѣ двѣ минуты на то, чтобы ознакомиться съ расположеніемъ непріятеля, забывъ на время о своихъ воздушныхъ преслѣдователяхъ. Онъ приставилъ бинокль къ глазамъ и сталъ смотрѣть внизъ сквозь прозрачное стекло, находившееся между его ногами. Поля, дома, дороги съ каждой секундой все увеличивались и становились явственнѣе. Не отводя взора отъ земли, Даусонъ пріостановилъ спускъ моноплана и опять полетѣлъ прямо впередъ. Привычный глазъ развѣдчика схватывалъ всѣ детали расположенія войскъ и приблизительное число людей, которые онъ видѣлъ въ видѣ темныхъ пятенъ различной величины. Да, предположеніе генерала было правильно: врагъ ослабилъ свой лѣвый центръ. На значительномъ пространствѣ линія его войскъ стала безусловно тоньше. Итакъ, пунктъ первый выясненъ. Теперь пунктъ второй: куда дѣвались части, которыя взяты отсюда.

Даусонъ сдѣлалъ поворотъ, чтобы продолжать развѣдку въ новомъ направленіи, и очень удивился, когда увидѣлъ между собой и своей цѣлью вражескій аэропланъ. Увлекшись наблюденіями, онъ совершенно забылъ о немъ. Тотъ находился всего въ полумилѣ разстоянія отъ него и притомъ летѣлъ немного выше его.

Даусонъ видѣлъ, что наизбѣжно очутится подъ огнемъ его пулемета, если будетъ продолжать свою развѣдку. Что же дѣлать? Полетѣть назадъ, къ линіи своихъ войскъ онъ тоже не могъ, такъ какъ ему пришлось бы для этого пройти подъ перекрестнымъ огнемъ этого и второго аэроплана, который тоже приближался.

Пока эти соображенія мелькали у него въ головѣ, ближайшій врагъ уже открылъ огонь, и въ крылѣ моноплана появилась трещина.

Быстрѣе молніи, Даусонъ повернулъ свою воздушную птицу и полетѣлъ дальше налѣво, за линію германскихъ войскъ. Только такъ онъ могъ надѣяться уйти невредимымъ. Онъ хотѣлъ выполнить до конца свое важное порученіе, но сначала ему нужно было уйти отъ опаснаго пулемета. Подняться надъ нимъ онъ не рѣшался при такомъ близкомъ разстояніи. Поэтому онъ со всей скоростью понесся прочь, давъ своему моноплану наклонъ внизъ.

Вражескій аэропланъ послѣдовалъ за нимъ, тоже спускаясь, чтобы или заставить его приземлиться, или подбить его изъ своего пулемета. Даусонъ несся со скоростью ста миль въ часъ. Деревья, дома и поля мелькали подъ нимъ непрерывнымъ потокомъ, въ которомъ все сливалось другъ съ другомъ. Послѣ той высоты, съ которой онъ раньше смотрѣлъ на нихъ, они казались ему теперь странно огромными. Онъ бросилъ черезъ плечо взглядъ на своихъ преслѣдователей.

Ближайшій находился теперь на разстояніи доброй мили отъ него, если не больше. Второй же, видимо, отказался отъ преслѣдованія. Менѣе, чѣмъ въ двѣ минуты, онъ опередилъ врага почти на милю. Слѣдовательно, его скорость больше скорости врага почти на двадцать пять миль въ часъ. Это хорошо!.. Онъ отнюдь не сознательно сдѣлалъ эти вычисленія. Его тренированный мозгъ, работая съ необыкновенной быстротой подъ давленіемъ грозной опасности, самъ представилъ ему этотъ результатъ, словно наитіе свыше, и его планъ былъ готовъ въ одинъ мигъ.

Теперь, когда онъ настолько опередилъ врага, онъ могъ рискнуть пересѣчь опасную зону его пулеметнаго огня, такъ какъ это должно было продолжаться всего нѣсколько секундъ. Онъ далъ своему моноплану направленіе вверхъ и сталъ круто подниматься. Черезъ минуту онъ очутился на одной линіи съ вражескимъ аэропланомъ, только значительно выше его. Тотъ тоже поднимался. Даусонъ убавилъ ходъ, пока его скорость не стала приблизительно такой же, какъ скорость врага внизу. Оба поднимались и поднимались.

Шумъ битвы сзади совершенно умолкъ. Даусонъ летѣлъ какъ будто въ тишинѣ, въ которой только раздавались гудѣніе его собственнаго мотора, да едва слышный болѣе низкій басъ вражескаго аэроплана внизу. Онъ нагнулся надъ картой и приблизительно опредѣлилъ свое мѣстонахожденіе. Затѣмъ онъ намѣтилъ себѣ деревню, находившуюся миляхъ въ двадцати въ тылу сраженія, и провелъ отъ нея воображаемую линію на юго-западъ, къ лѣвому флангу врага. Эта деревня должна была служить поворотнымъ пунктомъ. Онъ высчиталъ, что достигнетъ ея въ двадцать девять минутъ перваго. Барографъ указывалъ три тысячи футовъ высоты, и онъ еще продолжалъ подниматься.

Двадцать семь минутъ перваго... Даусонъ устремилъ взглядъ внизъ, на землю. Черезъ двѣ, три минуты подъ нимъ дѣйствительно мелькнула кучка бѣлыхъ домиковъ. Своего врага онъ не могъ видѣть. Остовъ моноплана скрывалъ его отъ глазъ Даусона, такъ какъ тотъ летѣлъ ниже и чуточку позади. Но шумъ его мотора—болѣе громкаго, чѣмъ моторъ моноплана—былъ еще слышенъ, хотя совсѣмъ глухо и слабо.

Теперь пора! Даусонъ сдѣлалъ крутой поворотъ, свернулъ на ту воображаемую линію, которую онъ намѣтилъ себѣ, и пустилъ моторъ полнымъ ходомъ. Стрѣлка показывала скорость свыше ста одной мили въ часъ. Даусонъ высчиталъ, что въ безъ девятнадцати минутъ часъ онъ достигнетъ начала лѣваго фланга врага и сможетъ, слѣдовательно, потратить минутъ шесть на развѣдку. Для его зоркихъ глазъ и тренированнаго ума шести минутъ было совершенно достаточно. А затѣмъ, про-

летѣвъ такимъ образомъ миль пять надъ лѣвымъ флангомъ врага, нѣтъ ничего проще, какъ свернуть направо и спуститься къ своимъ!

Преслѣдовавшій его аэропланъ съ каждой секундой отставалъ отъ него все дальше. Другой—медленный бипланъ—остался далеко вправо и безусловно не могъ подоспѣть во-время, чтобы перерѣзать ему путь. Никакихъ другихъ аэроплановъ не было видно. Слѣдовательно, ничто, казалось, не могло помѣшать ему разсмотрѣть все, что ему нужно было узнать, а затѣмъ благополучно вернуться къ своимъ.

Онъ опять приближался теперь къ поясу пыли и дыма, который тянулся вправо отъ него и опять гулъ битвы началъ заглушать гудѣніе мотора. Прямо впереди находилась темная стѣна лѣса. Тамъ начинался лѣвый флангъ германцевъ. Даусонъ взялъ немного влѣво. Время было безъ двадцати часъ.

Подъ нимъ находилась сѣть проселочныхъ дорогъ, и на четырехъ изъ этихъ дорогъ, которыя шли почти параллельно другъ другу, поднимались густыя облака пыли. Это была пыль, вздымаемая марширующими колоннами. Даусонъ быстро оглянулся на своего преслѣдователя и, убѣдившись, что тотъ отсталъ отъ него на пять-шесть миль, замедлилъ ходъ своего моноплана, понемногу спускаясь ближе къ землѣ.

Миля за милей виднѣлись на этихъ четырехъ дорогахъ облака пыли. Даусонъ опредѣлилъ разстояніе по деревнямъ на своей картѣ и вычислилъ, что на всѣхъ четырехъ дорогахъ вмѣстѣ около двадцати миль заняты марширующими колоннами. Слѣдовательно, это былъ цѣлый армейскій корпусъ, который намѣревался обойти ихъ правый флангъ! На поляхъ между дорогами онъ могъ различить небольшіе отряды кавалеріи, которые подвигались въ томъ же направленіи. А по дорогамъ шагала пѣхота, тамъ и сямъ прерванная длинными колоннами артиллеріи. Это онъ видѣлъ по пыли. Гдѣ катились орудія и зарядные ящики, тамъ она была иного вида, чѣмъ тамъ, гдѣ шагали люди. Онъ опредѣлилъ, что тутъ находились по меньшей мѣрѣ четыре артиллерійскія бригады. Онъ спустился уже до двухъ тысячъ футовъ и продолжалъ теперь держаться этой высоты, медленно летя надъ движущимися колоннами.

Его преслѣдователь опять значительно приблизился къ нему, и бипланъ слѣва тоже приближался. Но Даусонъ преспокойно продолжалъ свою развѣдку, увѣренный, что успѣетъ еще во-время уйти отъ нихъ.

Когда онъ достигъ головной части марширующей пѣхоты, онъ находился уже дальше того мѣста, гдѣ кончалась боевая линія британской арміи. Онъ ожидалъ, что вражескія колонны свернутъ вправо, для обхода ихъ фланга. Однако, противъ его ожиданія, онѣ продолжали итти прямо впередъ—прочь отъ поля битвы, какъ казалось. На мгновеніе Даусонъ былъ озадаченъ. Онъ не понималъ цѣли этого движенія.

Куда они идутъ?

Онъ окинулъ взглядомъ окружающую мѣстность, ища глазами другіе движущіеся отряды. Такихъ не было. Но вдругъ онъ замѣтилъ дальше впереди, гдѣ равнина дѣлала складку, еще одно облако пыли, только гораздо меньшее, и полнымъ ходомъ помчался туда. Черезъ минуту онъ уже достигъ этого мѣста и увидѣлъ подъ собой кавалерійскую бригаду и двѣ батареи конной артиллеріи, которыя мчались во всю прыть. Куда, зачѣмъ?..

Миляхъ въ трехъ впереди возвышался поросшій лѣсомъ холмъ. Даусонъ разыскалъ его на картѣ и сразу увидѣлъ, что этотъ холмъ господствуетъ надъ главной линіей отступленія его собственной арміи. Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Теперь планъ непріятеля былъ ему ясенъ. Онъ хочетъ занять этотъ холмъ пока кавалеріей и двумя батареями въ ожиданіи того, чтобы пѣхота подошла. А затѣмъ британская армія, атакованная съ фланга и тыла, найдетъ отступленіе отрѣзаннымъ. Генералъ собирается повторить Саламанку, а непріятель тѣмъ временемъ втихомолку готовитъ ему разгромъ!

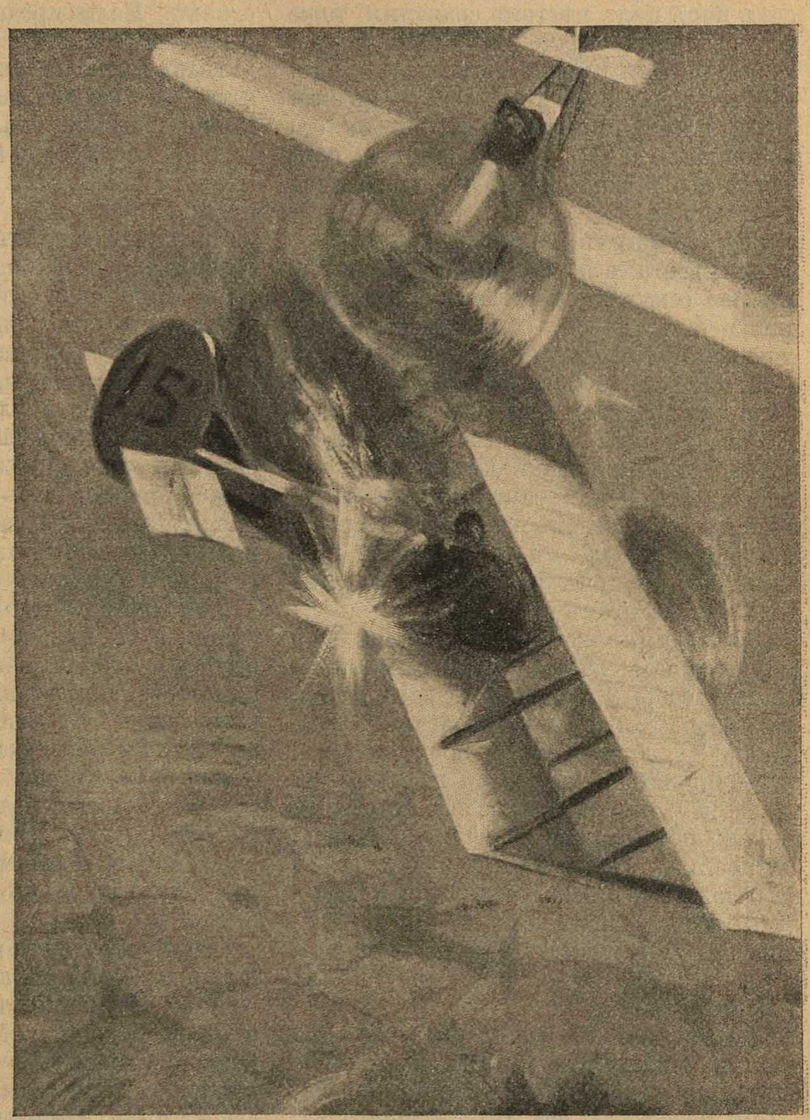
Черезъ полчаса кавалерія уже займетъ этотъ холмъ, а черезъ часъ и пѣхота начнетъ подходить. Гдѣ же шестая дивизія, которая по словамъ офи-

цера, будетъ задерживать фланговое движеніе непріятеля? Даусонъ сталъ искать ее глазами и увидѣлъ миляхъ въ двухъ отъ холма какую-то темную массу. Это безусловно была она. Ея кавалерія можетъ въ четверть часа добраться до холма, если поспѣшитъ.

Слѣдовательно у него есть еще четверть часа на то, чтобы сообщить имъ свои свѣдѣнія и привести дивизію въ движеніе. Время было безъ двѣнадцати минутъ часъ.

Онъ повернулъ туда свой моторъ и началъ постепенный планирующій спускъ подъ незначительнымъ уклономъ. А затѣмъ, предоставивъ на минуту монопланъ самому себѣ, быстро написалъ сжатое и ясное донесеніе. Если онъ самъ и не доберется до земли, то можетъ все же сбросить свое сообщеніе. Онъ посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ, что его неутомимый преслѣдователь тоже спускается, чтобы пересѣчь ему путь. Каждая секунда была теперь дорога. Онъ положилъ свой листокъ въ тяжелую сумку, предназначенную для такихъ случаевъ, и крѣпко завязалъ послѣднюю. Потомъ опять включилъ моторъ и понесся прямо къ шестой дивизіи.

Что-то заставило его взглянуть налѣво, и къ своему удивленію онъ увидалъ большой бипланъ, который мчался къ нему со стороны лѣсистаго холма. Очевидно, этотъ бипланъ спустился тамъ, такъ далеко отъ линіи расположенія своихъ войскъ, для какихъ-нибудь починокъ,

Снарядъ снизу попалъ въ бипланъ почти въ самый моментъ казавшагося неизбѣжнымъ столкновенія.

а теперь тоже принялъ участіе въ его преслѣдованіи. Онъ сразу узналъ его— это былъ самый быстроходный и мощный летательный аппаратъ, какой имѣлся у обѣихъ армій. Если онъ не измѣнитъ направленія полета, онъ черезъ нѣ-

сколько секундъ очутится подъ пулеметнымъ огнемъ этого биплана! А справа между тѣмъ приближался второй вражескій аэропланъ. И третій, медленный бипланъ, парившій до сихъ поръ надъ мѣстомъ сраженія, тоже несся теперь прямо ему наперерѣзъ. Трое противъ одного! Даусонъ видѣлъ, что его или заставятъ улетѣть въ сторону, или уничтожатъ вмѣстѣ съ его монопланомъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ его важное донесеніе не дойдетъ до генерала!

Онъ свернулъ немного въ сторону и опять сталъ подниматься. Если бы хоть на секунду очутиться надъ шестой дивизіей, тогда онъ сбросилъ бы внизъ свое донесеніе! Разумѣется, сумка могла остаться неподобранной, но все же это было единственное, что ему оставалось дѣлать. Но для этого необходимо было подняться выше, такъ какъ иначе онъ черезъ мгновеніе очутился бы подъ пулеметнымъ огнемъ своихъ преслѣдователей. Правда, тѣ тоже стали подниматься, но онъ значительно опередитъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Они поднимались кругами, и Даусонъ внимательно слѣдилъ за ихъ движеніями, чтобы улучить мгновеніе, когда оба повернутся къ нему хвостами. Вотъ, теперь! Пустивъ моторъ полнымъ ходомъ, онъ ринулся внизъ. Земля неслась ему навстрѣчу, и все тамъ росло и ширилось съ каждой секундой, словно раздуваясь. Темное пятно шестой дивизіи распалось на батальоны и эскадроны. Они находились теперь прямо подъ нимъ. Онъ сбросилъ сумку съ своимъ донесеніемъ, моля въ душѣ Небо, чтобы ее увидѣли и подобрали.

Преслѣдователи между тѣмъ не дремали и неслись сверху къ нему, словно хищныя птицы, бросающіяся на добычу.

Ему казалось, что онъ слышитъ характерную пулеметную дробь, но за шумомъ собственнаго мотора онъ не могъ сказать съ увѣренностью, дѣйствительно ли онъ слышитъ это, или ему только кажется.

Все дальше и дальше внизъ неслись они—онъ и его два преслѣдователя. Вдругъ Даусонъ увидѣлъ впереди себя, но только немного ниже, и третьяго врага—медленный бипланъ. Такъ близко находился этотъ бипланъ, что онъ могъ даже различить, въ видѣ свѣтлаго пятна, лицо человѣка за пулеметомъ. Если подниматься, онъ очутится подъ его огнемъ. Если продолжать спускъ—онъ неизбѣжно столкнется съ нимъ. Что дѣлать? Рѣшеніе было принято въ одинъ мигъ. Онъ продолжалъ спускаться. Одна мысль владѣла имъ, пока онъ стремительно несся внизъ прямо на врага. Подобрали ли его сумку? Что, если нѣтъ...

Онъ уже видѣлъ подъ собой блестящія крылья биплана, и стиснулъ зубы. Еще одна секунда и... Внезапно желтыя крылья дернулись влѣво и сморщились въ ослѣпительномъ пламени. Столкновенія не произошло. Даусонъ съ силой повернулъ свой монопланъ вправо—это произошло менѣе, чѣмъ въ одну сотую часть секунды—и пронесся мимо чего-то, что падало, горя какъ факелъ. Снарядъ снизу попалъ въ бипланъ почти въ самый моментъ казавшагося неизбѣжнымъ столкновенія.

Развѣдчикъ продолжалъ летѣть внизъ, скорѣе чувствуя, чѣмъ зная, что остальные два аэроплана преслѣдуютъ его близко-близко. а также скорѣе чувствуя, чѣмъ видя, что снарядъ за снарядомъ рвутся въ воздухѣ. Это британская батарея внизу пользовалась случаемъ, чтобы подбить вражескіе аэропланы, не считаясь съ тѣмъ, что подвергаетъ опасности его самого. Если бы только знать навѣрное, что его донесеніе подобрано!

Онъ оглянулся на мигъ. Быстроходный бипланъ, который поднялся изъ-за лѣсистаго холма, былъ уже очень близко отъ него. Почему же оттуда не стрѣляютъ? Онъ чувствовалъ себя мишенью и удивлялся, что не слышитъ вокругъ себя свиста пуль. Но вдругъ понялъ: очевидно ихъ пулеметъ поврежденъ однимъ изъ снарядовъ. Но враги на бипланѣ, видимо, рѣшили лучше пожертвовать собой, лишь бы не дать ему спуститься на землю съ его важными свѣдѣніями. По крайней мѣрѣ, бипланъ стрѣлой несся прямо на него. Въ послѣдній моментъ онъ рѣзко свернулъ въ сторону, и бипланъ промчался мимо, не задѣвъ его.

Но тутъ же онъ увидѣлъ второй вражескій аэропланъ и увидѣлъ какъ тамъ блеснулъ огонекъ. Онъ круто понесся внизъ. Куча деревьевъ летѣла ему навстрѣчу, рискованно близко. Клочья чернаго дыма вылетали изъ ихъ темной листвы. Инстинктивнымъ движеніемъ онъ свернулъ въ сторону, увидѣлъ сквозь дымъ открытое поле, которое неслось навстрѣчу ему въ какомъ-то кровавомъ туманѣ, и послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ направилъ туда монопланъ. У него потемнѣло въ глазахъ. Его руки выпустили рычаги. Лишь смутно почувствовалъ онъ сильный толчокъ снизу.

Что-то обожгло ему горло. Онъ раскрылъ глаза, увидѣлъ надъ собой чье-то лицо. Сознаніе сразу вернулось къ нему. Оттолкнувъ бутылку съ водкой, которую прижимали къ его зубамъ, онъ попытался подняться на ноги. Чьи-то сильныя руки поддержали его. Нѣсколько человѣкъ стояли вокругъ него, глядѣли на него. Онъ находился возлѣ какой-то дороги, а по этой дорогѣ во всю прыть мчались батареи. Но онъ не былъ увѣренъ, не мерещится ли это только, потому что лошади, орудія и люди проносились, какъ призраки въ сновидѣніи, странно колыхаясь вверхъ и внизъ. Онъ чувствовалъ, что долженъ сдѣлать что-то, спросить что-то, но что именно, этого онъ никакъ не могъ вспомнить.

Онъ нащупалъ карманъ, гдѣ должна была лежать его записная книжка. То, что онъ хотѣлъ спросить, имѣло какое-то отношеніе къ ней. Но записной книжки тамъ не было. Внезапно обрывокъ той мысли, которую онъ тщетно старался поймать, всплылъ въ его мозгу. Онъ ухватился за него.

— Что... что это за пушки? — невнятно, съ запинками спросилъ онъ, языкъ плохо повиновался.

— Артиллерія шестой дивизіи, — отвѣтилъ кто-то.

— Все въ порядкѣ, не безпокойтесь. Мы получили ваше сообщеніе.

Даусонъ поднесъ руку къ лбу, но тотчасъ опустилъ ее и тупо уставился на нее. Рука была въ чемъ-то липкомъ, красномъ.

— Да, вы ранены, но не опасно, — опять сказалъ голосъ. — Ложитесь лучше.

Авіаторъ напрягъ всѣ свои силы въ отчаянной попыткѣ добыть изъ мглы, застилавшей его мозгъ, еще одинъ обрывокъ мысли.

— А который... который теперь часъ?—спросилъ онъ.

— Ровно часъ.—Голосъ какъ будто отошелъ на огромное разстояніе, хотя Даусонъ чувствовалъ лицо говорившаго совсѣмъ близко у своего лица. — Не безпокойтесь, они не опоздаютъ. Мы получили ваше донесеніе во-время. Ложитесь. Черезъ одну-двѣ минуты принесутъ носилки.

— А... а другіе аэропланы?

— Подбили ихъ оба. Вы спустились великолѣпно, точно коршунъ.—Голосъ шелъ изъ безконечнаго далека.

Авіаторъ приложилъ руку къ головѣ.

— Во-время!..—прошепталъ онъ. Это вырвалось у него, какъ вздохъ до крайности утомленнаго человѣка.

Тотъ, который поддерживалъ его, вдругъ отнялъ свои руки, повернулся рѣзкимъ движеніемъ и впился биноклемъ въ лѣсистый холмъ, надъ которымъ показался рядъ бѣлыхъ дымковъ.

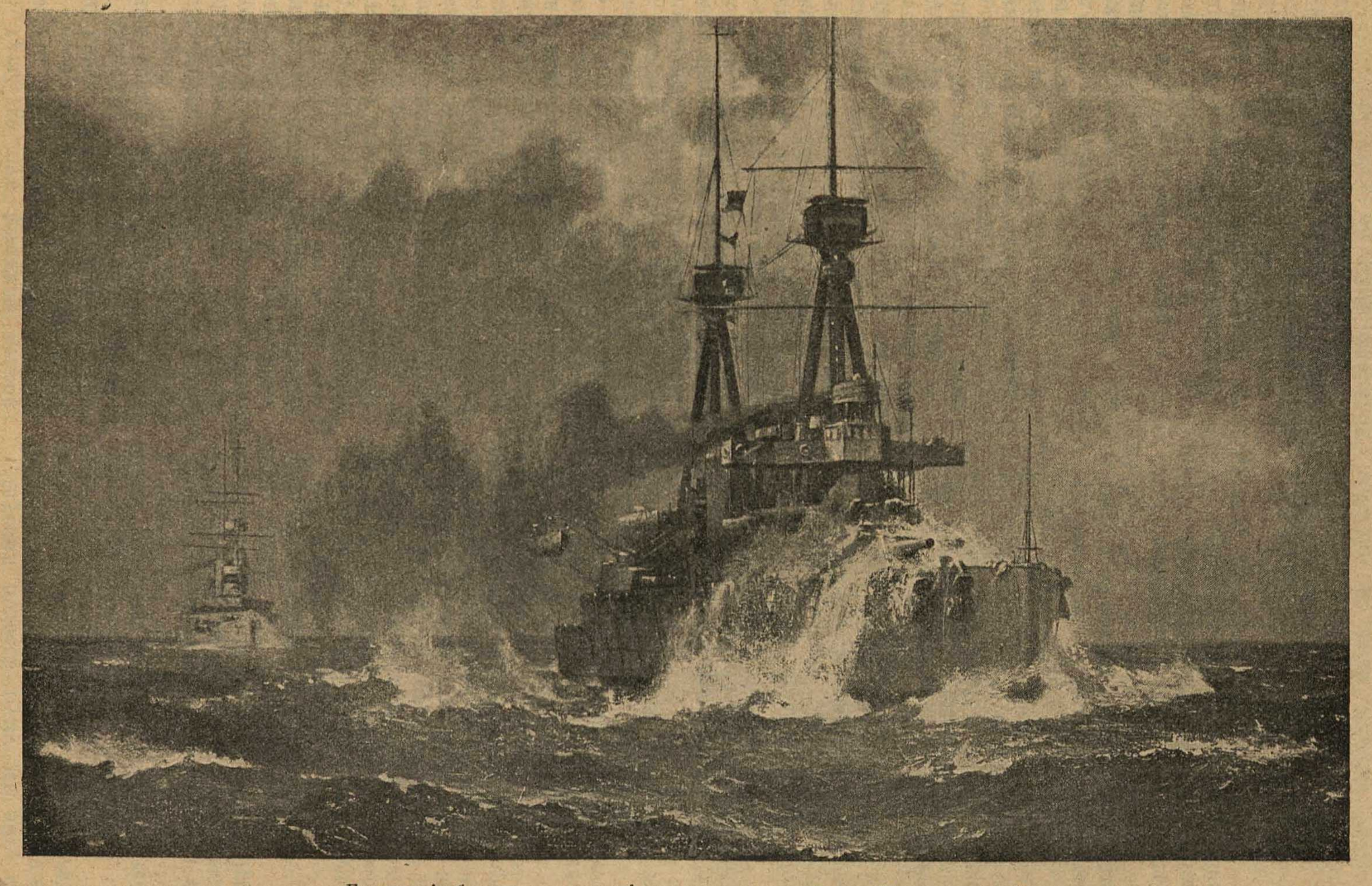
Предоставленный самому себѣ, авіаторъ зашатался, протянулъ руки впередъ, точно слѣпой. Поле съ ужасающей быстротой волчкомъ завертѣлось вокругъ него, потомъ подскочило и ударило его.

Человѣкъ съ биноклемъ былъ такъ захваченъ тѣмъ, что видѣлъ, что даже не замѣтилъ, какъ онъ упалъ.

— Опрокинули ихъ! Обратили въ бѣгство!—вскричалъ онъ въ радостномъ возбужденіи.—Клянусь небомъ, разбили ихъ!

ВОЙНА НА МОРѢ.

Британскіе броненосцы, несущіе сторожевую службу въ Сѣверномъ морѣ.

I.

Дезертиры.

Въ СУМЕРКАХЪ осенняго вечера арьергардъ устало проходилъ черезъ безмолвную деревню. За колонной пѣхотинцевъ, изможденныхъ, запыленныхъ, которые не шли, а брели, держа ружье подмышкой или кое-какъ въ рукѣ или на плечѣ, потянулась вереница повозокъ всевозможныхъ видовъ—лазаретныя фуры, зарядные ящики, фургоны, телѣги, двуколки,—словомъ, все, что только можетъ катиться на колесахъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ повозокъ были доверху нагружены чѣмъ-то, скрытымъ отъ взоровъ брезентомъ, который былъ натянутъ надъ ними. Но на большинствѣ изъ нихъ были только люди, которые сидѣли, качаясь отъ толчковъ, апатичные, съ тупыми взглядами, унылые и молчаливые. У многихъ изъ нихъ лица были частью закрыты повязками, которыя шли вокругъ головы подъ различными углами. У другихъ рука была на перевязи. У иныхъ же не было видно никакихъ бинтовъ. Это были легко раненые.

Позади этой унылой процессіи шагомъ ѣхала батарея. Лошади, тащившія орудія, были худыя и изможденныя; многія изъ нихъ хромали, и всѣ онѣ были въ поту, пыли и грязи. Въ большинствѣ упряжекъ не хватало положеннаго числа лошадей.

Они проѣхали, обозъ и батарея, а вслѣдъ за ними показался эскадронъ кавалеристовъ, которые небрежно и понуро сидѣли на усталыхъ коняхъ. Потомъ опять потянулась колонна пѣхотинцевъ, а непосредственно за нею—безконечный отрядъ всадниковъ. Всѣ они, и пѣхота, и обозъ, и артиллерія и конница, подвигались впередъ непрерывно, медленно, не спѣша, но и безъ остановокъ—шагомъ, который, очевидно, давно уже сталъ автоматическимъ.

Дома, мимо которыхъ они проходили, были безмолвны, покинуты обитателями, большей частью съ заколоченными дверями и окнами. Передъ дверью единственнаго трактира нѣсколько спѣшившихся кавалеристовъ стояли возлѣ своихъ лошадей. Это были часовые, поставленные сюда, чтобы не впускать въ трактиръ никого изъ солдатъ.

Проходя мимо домовъ, нѣкоторые солдаты бросали на нихъ тоскливые взгляды, вѣроятно, рисуя себѣ блаженство отдыха, ужина, сна. Но большинство брело апатично и машинально, не обращая вниманія ни на что. Офицеры, шагавшіе возлѣ своихъ ротъ, понукали ихъ монотонными голосами, сами сознавая тщету своихъ усилій. Люди шли какъ могли; итти быстрѣе они были не въ силахъ. Но когда колонна вышла изъ деревни, люди невольно все же прибавили шагу. Изъ конца въ конецъ передавалась вѣсть, что они благополучно ушли отъ преслѣдовавшаго ихъ врага.

Кавалерійскій пикетъ, стоявшій у входа въ деревню, проѣхалъ по улицѣ, повернувшись въ сѣдлахъ, чтобы въ послѣдній разъ окинуть взглядомъ опустѣвшую дорогу. Часовые у

трактира тоже сѣли на лошадей и поскакали рысью, чтобы нагнать своихъ. Послѣдній солдатъ скрылся изъ виду. Деревня казалась странно пустою послѣ всего этого потока людей, который почти безъ перерыва протекалъ черезъ нее въ продолженіе многихъ часовъ. Глубокая тишина царила надъ домами, контуры которыхъ быстро исчезали въ сгущавшихся сумеркахъ,—тишина, нарушаемая только заунывнымъ крикомъ совы, которая осмѣлилась вылетѣть на опустѣвшую улицу.

Внезапно звуки человѣческихъ голосовъ заставили сову умолкнуть.

— Готово, Билль, они ушли!

Въ дверяхъ одного изъ домиковъ показалась фигура человѣка. Онъ повернулся, чтобы отвѣтить на вопросъ:

— Да. Всѣ до одного. И обозъ и всѣ прочіе.

Изъ темныхъ сѣней домика вышла вторая фигура, и оба осторожно двинулись по улицѣ, все время зорко озираясь по сторонамъ.

— Дѣло въ шляпѣ, Сэмъ,—сказалъ тотъ, котораго первый назвалъ Биллемъ.

— Да,—отвѣтилъ Сэмъ, не переставая озираться изъ-подъ нахмуренныхъ густыхъ бровей.—Теперь айда въ трактиръ. Мое брюхо цѣлую недѣлю не получало ничего согрѣвающаго.

— Да, конечно!—отозвался Билль, потягиваясь.—Ухъ, у меня всѣ члены болятъ отъ стоянія въ этомъ проклятомъ тѣсномъ шкапу.

— Это что, а вотъ у нихъ ноги заболятъ сегодня къ ночи,—проговорилъ Сэмъ, думая о своихъ марширующихъ товарищахъ.—Ну-съ, теперь—направо кругомъ, маршъ! И смотри, чтобы у тебя былъ зарядъ въ винтовкѣ.—прибавилъ онъ повелительнымъ тономъ. Было очевидно, что онъ являлся главаремъ.

Раздалось металлическое щелканье затвора винтовки, а затѣмъ оба стали красться въ тѣни домовъ къ трактиру.

II.

Случайный товарищъ.

Вывѣска шинка уже выдѣлялась чернымъ силуэтомъ надъ ихъ головой, когда Сэмъ вдругъ остановился и взялъ ружье на-прицѣлъ.

— Стой! Кто идетъ?—крикнулъ онъ, въ то же время яростно шепча самыя страшныя проклятія—проклятія человѣка, нервы котораго совершенно развинтились и который самъ не знаетъ, что говоритъ его языкъ. Въ темнотѣ впереди двигалась какая-то фигура.

— Руки вверхъ—или я стрѣляю!—опять крикнулъ Сэмъ.

— Не стрѣляй, не стрѣляй!—отвѣтилъ изъ темноты жалобный голосъ. Страхъ его ясно выразился тонкой дребезжащей ноткой, перешедшей почти въ визгъ.

— Выйди на середину дороги,—скомандовалъ Сэмъ.—Прицѣлься въ него,—добавилъ онъ, обращаясь къ Биллю.

Фигура повиновалась и стала яснѣе видна въ слабомъ свѣтѣ ночи, отраженномъ бѣлой дорогой.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—строго спросилъ Сэмъ.

Голосъ торопливо, нервно началъ объяснять:

— Я хромаю... захромалъ много часовъ тому назадъ... я спѣшу догнать полкъ.

— Врешь,—сурово сказалъ Сэмъ.—Ты дезертиръ, вотъ ты кто.

— Брось, Сэмъ!—вдругъ вмѣшался Билль.—Чѣмъ больше насъ, тѣмъ веселѣе! Идемъ скорѣе въ трактиръ. У меня глотка пересохла. Иди и ты съ нами, братъ. Не обращай вниманія на него. Но здорово ты все-таки напугалъ насъ, честное слово!—добавилъ онъ, направляясь къ двери питейнаго дома.

— Стройся!—сказалъ Сэмъ, схватилъ свое ружье за дуло, взмахнулъ имъ надъ головой и съ трескомъ ударилъ прикладомъ въ запертую дверь. Билль сдѣ-

лалъ то же самое, и по тому, какъ онъ взмахивалъ своимъ перевернутымъ ружьемъ, можно было сразу узнать бывшаго землекопа. Третій ихъ товарищъ не отставалъ отъ нихъ; онъ колотилъ дробно и часто, но не съ такой силой. Страшно громко разносились ихъ удары въ мертвой тишинѣ покинутой деревни, до того громко, что раза два они останавливались и испуганно прислушивались, не раздастся ли какой-нибудь отвѣтный звукъ. Но все было тихо, и они продолжали свое дѣло. Дверь начала ломаться и трещать на своихъ петляхъ. Друзья внезапно всѣ трое наперли на нес плечомъ. Она подалась, и они полетѣли вмѣстѣ съ ней на полъ.

Ругаясь и чертыхаясь, они поднялись на ноги, и одинъ изъ нихъ, Сэмъ, зажегъ спичку. При ея слабомъ свѣтѣ они вошли внутрь трактира, и возгласъ радостнаго изумленія вырвался у всѣхъ троихъ. Спичка потухла. Сэмъ торопливо зажегъ вторую и съ помощью нея—висячую керосиновую лампу. Радостныя восклицанія раздались снова.

Они находились въ небольшой комнаткѣ за общей столовой трактира. Почти все пространство въ ней было занято длиннымъ столомъ, а на этомъ столѣ виднѣлись большой кусокъ жаркого, нѣсколько круглыхъ хлѣбовъ и двѣ большія оловянныя кружки съ крышками. Разставленныя на столѣ тарелки, на каждой изъ которыхъ лежала ѣда и скрещивались подъ различными углами ножъ и вилка, ясно разсказывали исторію, которую дополняли валявшіеся кругомъ опрокинутые стулья.

— Чортъ возьми, точно нарочно оставили все для насъ,—сказалъ Билль, беря со стола одну изъ кружекъ.—И какъ они торопились! Даже пиво не допили, представьте себѣ!

Ихъ третій товарищъ спѣшно протиснулся мимо него къ столу и жадно набросился на ѣду. Онъ чуть не плакалъ:

— Два дня... два дня, братцы, ни крохи хлѣба не видалъ,—скорѣе всхлипнулъ, чѣмъ сказалъ онъ между двумя кусками. Онъ усердно работалъ челюстями, набивая себѣ ротъ всѣмъ, что могъ достать, и издавалъ при этомъ нечленораздѣльные возгласы удовлетворенія, звучавшіе какъ всхлипыванія.

Но остальные двое не отставали отъ него въ этомъ отношеніи. Если они ѣли и не такъ возбужденно, то во всякомъ случаѣ пожирали не меньше его. Они ѣли, какъ проголодавшіяся животныя, которыхъ подпустили, наконецъ, къ корыту. Только когда голодъ былъ нѣсколько утоленъ, Билль и Сэмъ подняли головы и обмѣнялись одобрительными взглядами съ своимъ новымъ товарищемъ. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, съ хитрымъ лицомъ и некрасивой, неправильной формы головой, для классификаціи которой не требовалось быть криминалистомъ... «Мелкій жуликъ» было ясно написано на ней. Металлическія буквы и номеръ на плечевыхъ нашивкахъ его грязной, рваной куртки указывали, что онъ принадлежалъ, какъ и они, къ одному изъ лондонскихъ батальоновъ.

Въ противоположность ему Билль и Сэмъ были рослые дѣтины изъ типа землекоповъ, дюжаго сложенія, толстощекіе, съ узкимъ лбомъ, но могучими руками. Про ихъ маленькаго товарища можно было съ увѣренностью сказать, что онъ записался въ армію исключительно съ цѣлью прикарманить премію, которую правительство выдаетъ добровольцамъ, и улизнуть при первой возможности. Но улизнуть оказалось, видно, не такъ легко, какъ онъ надѣялся.

Наконецъ они окончательно насытились и перестали работать челюстями. Билль протянулъ ноги и добродушно взглянулъ на Сэма, котораго начинающееся пищевареніе привело въ настроеніе угрюмое и раздражительное.

— Зажги огонь, Билль,—грубо скомандовалъ онъ.—А ты,—добавилъ онъ, повернувшись къ низенькому,—ступай, принеси мнѣ еще пива, да смотри, не смѣй самъ пить, а то я тебѣ башку разобью!

Билль, всегда трепетавшій передъ своимъ пріятелемъ, немедленно принялся исполнять его приказаніе, но ихъ новый товарищъ еще не привыкъ слушаться.

— Что?.. Ты кому это приказываешь?— возразилъ онъ тоненькимъ возмущеннымъ голоскомъ, но тутъ же отскочилъ, чтобы увернуться отъ летѣвшей кружки, и, бросивъ на дюжаго тирана испуганный взглядъ, поспѣшилъ вонъ съ кружкой въ рукѣ.

Возвратившись, онъ положилъ на столъ нѣсколько пачекъ табаку и подвинулъ ихъ къ Сэму.

— Думалъ, можетъ-быть, тебѣ захочется покурить, братъ,—униженно сказалъ онъ. — Тамъ есть цѣлый боченокъ пива. Если вотъ онъ мнѣ поможетъ, мы бы могли притащить его сюда.

— Поди, помоги ему, Билль,—скомандовалъ Сэмъ, опуская табакъ въ карманъ.

Они вдвоемъ вкатили боченокъ и поставили его на столъ. Потомъ, съ полными кружками въ рукахъ и дымящимися трубками въ зубахъ, достойная тройка усѣлась передъ огнемъ.

— Я хочу вернуться къ женѣ и дѣтямъ, — угрюмо глядя въ потрескивающій огонь, сказалъ Сэмъ.

— Правильно!—отозвался Билль и высоко поднялъ кружку, прежде чѣмъ осушить ее.

— Выпьемъ на этомъ!—подалъ голосъ маленькій. И всѣ выпили.

— Я по горло сытъ,—продолжалъ Сэмъ, все еще въ хмуро-задумчивомъ настроеніи.—Абсолютно сытъ! Шагай туда, шагай сюда, шагай цѣлый день, шагай цѣлую ночь, а когда остановка, такъ ничего не даютъ жрать, потомъ шагай назадъ, откуда пришелъ, потомъ направо кругомъ и опять шагай, когда самъ не знаешь, гдѣ ты находишься. Я записался въ армію, чтобы сражаться, а не чтобы прогуливаться безъ роздыху и передышки взадъ-впередъ.

— Сражаться! — подхватилъ маленькій. — Вотъ былъ бы ты съ нами третьяго дня, тогда бы зналъ, что такое сражаться! Наша рота часъ за часомъ сражалась съ тремя тысячами нѣмцевъ, совсѣмъ одна, — мы убили сотни нѣмцевъ, я и человѣкъ двѣнадцать моихъ товарищей, пока намъ не пришлось отступить. Вотъ это я называю сраженіемъ.

— Да?—насмѣшливо отвѣтилъ Сэмъ.— Ты, вѣрно, хочешь сказать, что ты былъ одинъ изъ тѣхъ, что убѣжали отъ коровы. Сраженіе! Это вовсе не сраженіе, когда тебя подстрѣливаютъ какія-то свиньи, которыхъ ты даже не видишь. Я еще ни одного нѣмца не видалъ, ни единаго,—а вчера вечеромъ сорокъ человѣкъ изъ нашей роты были убиты, когда мы лежали въ полѣ. Развѣ нѣтъ, Билль?

— Сорокъ два,—поправилъ Билль.— И отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ ничегошеньки и не осталось, когда этотъ треклятый снарядъ попалъ въ нихъ.

— Вотъ именно,—продолжалъ Сэмъ.— Снаряды! Снаряды сыплются на тебя и убиваютъ тебя. снаряды, снаряды, точно небо прорвалось и льетъ на тебя пули и снаряды. Вотъ этого-то я и не могу выносить, что пуля попадаетъ тебѣ въ затылокъ, когда лежишь честь-честью подъ прикрытіемъ, какъ тебѣ приказали. Это измотало мнѣ нервы. День - денской шрапнель, шрапнель, шрапнель, и ни крохи поѣсть, а потомъ, изволите видѣть, направо, кругомъ, живо маршъ, мы, дескать, побиты. Побиты! Онъ просто не знаютъ, какъ надо сражаться. Дайте мнѣ случай, и я сколько нѣмцевъ проткну штыкомъ. Тогда посмотримъ, будемъ ли мы побиты! А такъ... Нѣтъ, будетъ съ меня. Шабашъ! Я покончилъ съ арміей. Покончилъ, слышишь? — свирѣпо повернулся онъ къ маленькому.

— Ты правъ, братъ,—отвѣтилъ тотъ, поднимаясь, чтобы снова наполнить свою кружку. — Я тоже покончилъ. Съ какой стати намъ драться, а? Вотъ что я васъ спрашиваю. Мы неимущіе пролетаріи, у насъ нѣтъ никакой собственности,— началъ онъ разглагольствовать на манеръ уличныхъ ораторовъ, съ трескомъ ставя кружку на столъ,—у насъ нѣтъ ни кола ни двора. Что намъ родина? Пусть тѣ, кому отъ нея перепадаетъ что-нибудь, и идутъ драться за родину, говорю я, а не заставляютъ насъ, неимущихъ честныхъ работниковъ, дѣлать это за нихъ. Это нечестно, товарищи. Вотъ почему я бросилъ армію, я откровенно говорю вамъ, потому что я чувствовалъ, что это несправедливо. Я честный рабочій.

— Пр-равильно, — сонно вставилъ Билль.

— Помолчи лучше!—хмуро отвѣчалъ Сэмъ, непріязненно поглядѣвъ на руки оратора.—Ты рабочій! Разсказывай сказки. Никогда въ жизни ты и одного дня не работалъ, развѣ только, что ты называешь работой очищать чужіе карманы на бѣгахъ. Мнѣ не надо никакого соціализма, но и войны тоже не надо. Я хочу вернуться къ женѣ и дѣтямъ и заниматься честнымъ трудомъ.

— Да, да — проговорилъ Билль. — А хорошо, Сэмъ, на Старой Кентской дорогѣ [1]) въ субботній вечерокъ, а?

— Объ этомъ-то я какъ разъ и думалъ. Нынче вѣдь суббота, Билль, или нѣтъ?

— Почемъ я знаю. Я давнымъ-давно потерялъ счетъ днямъ.

Сэмъ сидѣлъ, хмуро уставившись въ огонь. Въ его памяти выплывала знакомая картина Старой Кентской дороги въ субботній вечеръ: ряды фонарей, толпы людей вокругъ бѣговыхъ конюшенъ, бѣлые съ золотомъ фасады красивыхъ домовъ, ярко освѣщенныхъ огнями, и тамъ и сямъ болѣе желтые огни питейныхъ заведеній... Онъ вспоминалъ все это съ такой же любовью, съ какой крестьянинъ вспоминаетъ родную деревню. Тамъ, на этой улицѣ, произошли всѣ тѣ событія—незначительныя сами по себѣ, обыденныя, даже неприглядныя, можетъ-быть, — которыя сдѣлали его жизнь для него самого до нѣкоторой степени индивидуальной.

— Билль,—вдругъ сказалъ онъ.—Если бы я увидѣлъ, что нѣмцы идутъ по нашей Старой Кентской дорогѣ, я бы выступилъ противъ нихъ, я бы сталъ драться съ ними, хотя бы я былъ одинъ-одинешенекъ противъ нихъ всѣхъ.

— Правильно!—поддакнулъ Билль.— Я бы тоже.

— У меня есть одна знакомая, которая живетъ какъ разъ на Старой Кентской дорогѣ,— вставилъ третій ихъ товарищъ, какъ будто вспоминая. — Но что же мы не пьемъ пива?—вдругъ спохватился онъ, снова наполнивъ свою кружку. — Если наши вернутся сюда, намъ небось плохо придется, а?

[1]) Улица въ Лондонѣ.

— Я въ армію больше не вернусь, — сказалъ Сэмъ, продолжая глядѣть въ огонь.—Я по горло сытъ солдатчиной, а разъ я сытъ, стало-быть, сытъ.

Билли пробудился отъ своего оцѣпенѣнія.

— Но если они взаправду вернутся, Сэмъ? Что мы будемъ дѣлать тогда?

— Вопросъ не въ томъ, что мы будемъ дѣлать, — отвѣтилъ вмѣсто Сэма маленькій, — а въ томъ, что онѣ будутъ дѣлать. А они насъ разстрѣляютъ, да!—Выраженіе ужаса появилось на его остромъ блѣдномъ лицѣ. Онъ былъ страшно серьезенъ.—Они разстрѣляютъ всѣхъ насъ, всѣхъ троихъ!

— Они не вернутся, — успокоительно сказалъ Сэмъ.

— Ты почемъ знаешь? Не вернутся? Развѣ мы десятки разъ не поворачивали обратно? Я сегодня еще слышалъ, какъ одинъ офицеръ говорилъ, что завтра мы опять сдѣлаемъ направо кругомъ и пойдемъ на нѣмцевъ.

— Ты не шутишь? — спросилъ Билль, который теперь основательно перепугался.

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что я сижу здѣсь! — быстро отвѣтилъ маленькій.—«Мы завтра пойдемъ назадъ и побьемъ нѣмцевъ», сказалъ онъ. Это былъ кавалерійскій офицеръ. Чуть ли не штабный.

— Сэмъ, слышишь! Я ухожу!—крикнулъ Билль, мозгъ котораго, отуманенный пивомъ, совершенно растерялся передъ этой страшной вѣстью. — Ты меня соблазнилъ бѣжать. Я не хотѣлъ дезертировать, ты самъ знаешь. Я сколько разъ говорилъ тебѣ. А теперь!.. Идемъ же, бѣжимъ! Я не останусь здѣсь, чтобы меня разстрѣляли.

— Погоди минутку! — сказалъ маленькій.—Бѣжать въ этомъ нашемъ солдатскомъ обряженьи толку мало. Намъ надо найти какую-нибудь другую одежду. И когда они вернутся, мы будемъ тогда честные крестьяне, смекаешь?

Сэмъ поднялся. Внезапная паника товарищей передалась теперь также и его болѣе медленно работавшему мозгу. Онъ тоже весь трясся при мысли о возможной поимкѣ.

— Вѣрно, братъ. Это ты правильно насчетъ одежды.—А ты—умная башка. Какъ себя звать?

Послѣднiй вопросъ былъ, по его мнѣнiю, большимъ снисхожденiемъ съ его стороны.

— Освальдъ... Освальдъ Смитъ. Ну, идемте, товарищи. Наверху непремѣнно должна найтись какая-нибудь одежда. А, можетъ-быть, и другое что найдется. Ужъ навѣрное хозяева не все успѣли прихватить съ собой.

— Пиво они во всякомъ случаѣ оставили, — сказалъ Билль такимъ тономъ, словно люди, оставившiе пиво, безусловно должны были оставить и все другое.

Довольно-таки нетвердой походкой достойная троица поднялась по узкой крутой лѣстницѣ во второй этажъ. Сэмъ несъ зажженную свѣчу, которую Освальдъ Смитъ нашелъ въ кухнѣ. Но наверху ихъ ждало разочарованiе. Всѣ ящики комодовъ и шкапы стояли открытые, пустые, опорожненные. Прiятели ругались хоромъ и въ одиночку, какъ ругаются пьяные люди, обманувшiеся въ своихъ ожиданiяхъ, но это не помогло дѣлу. Пошатываясь, они вернулись внизъ.

— Что же мы будемъ дѣлать?—спросилъ Билль съ блѣднымъ отъ страха лицомъ. — Они къ утру навѣрное будутъ здѣсь!

— Да, навѣрное! — поддакнулъ Освальдъ.

— Я въ армiю не вернусь, — упрямо сказалъ Сэмъ.—Я по горло сытъ.

Онъ стоялъ и старался думать. Сознанiе, что необходимо во что бы то ни стало перерядиться, не давало ему покоя.

Билль сдѣлалъ глубокiй глотокъ изъ своей пивной кружки, и тутъ его осѣнила блестящая мысль.

— Я знаю! — вскричалъ онъ. — Мы срѣжемъ буквы съ нашихъ куртокъ. Тогда они не будутъ знать, кто мы такiе, а мы можемъ наврать что - нибудь, что мы нашли эту одежу, что нашу собственную взяли солдаты и прочее тому подобное.

Остальнымъ идея понравилась. Ихъ опьянѣвшему мозгу планъ Билля показался полнымъ спасенiемъ. Лихорадочными и неловкими руками срѣзали они другъ у друга съ куртокъ буквы и все, что могло указывать на принадлежность къ армiи, и бросили все это въ огонь. Немного погодя они стояли въ своихъ ободранныхъ хаки неузнаваемые—какъ имъ казалось.

Радостные и довольные, освободившись теперь отъ своего страха передъ поимкой, они снова наполнили свои кружки, набили трубки и опять усѣлись передъ огнемъ.

— Что, братцы, слыхали вы когда-нибудь сказку о дуракѣ? — спросилъ Освальдъ. Онъ разсказалъ ее, и раньше, чѣмъ смолкъ шумный хохотъ, которымъ былъ встрѣченъ конецъ сказки, началъ другую. Онъ оказался очень занимательнымъ собесѣдникомъ. Его репертуаръ анекдотовъ, многiе изъ которыхъ касались темныхъ эпизодовъ его собственной жизненной карьеры, былъ положительно неистощимъ. Юморъ ихъ—это былъ вѣчный юморъ умнаго жулика и глупаго полицейскаго.

Потомъ, для разнообразiя, онъ угостилъ своихъ прiятелей комическими куплетами, которые спѣлъ не слишкомъ изящно, но съ большимъ подъемомъ. Билль, въ свою очередь, спѣлъ нѣсколько пѣсенъ сентиментальнаго характера. Они все снова и снова наполняли себѣ кружки. Они пѣли хоромъ, ударяя въ тактъ пѣснѣ кружками по столу и хохотали и кричали, словно сидѣли субботнимъ вечеромъ въ какомъ-нибудь трактирѣ на Старой Кентской дорогѣ.

Наконецъ, совсѣмъ захмелѣвъ, они заснули — три дезертира, три никуда негодныхъ солдата, потеря которыхъ не могла огорчить никакую армiю.

III.

Въ плѣну.

Отъ запутаннаго сна, въ которомъ играла большую роль Старая Кентская дорога, Сэма пробудила рука, грубо трясшая его за плечо, и звуки повелительнаго голоса.

— Л-ладно, Билль, погоди,—пробормоталъ онъ. — Еще зорю не играли.

Потомъ онъ раскрылъ глаза и попытался понять, гдѣ онъ. Было утро. Онъ

находился въ какой-то незнакомой комнатѣ, а эта комната была полна какихъ-то незнакомыхъ людей въ совершенно незнакомой ему военной формѣ. Опять его грубо потрясли за плечо, и голосъ снова сказалъ что-то, произнося слова, непонятныя Сэму, но смыслъ которыхъ былъ, тѣмъ не менѣе, ясенъ. Въ то же время къ его лицу приблизилось какое-то чужое строгое лицо.

Сэмъ поднялся на ноги, все еще ничего не понимая. Но вотъ онъ почувствовалъ, что его крѣпко схватили за руки. При видѣ товарищей, которые подверглись такому же обхожденію, ему вспомнились событія предыдущаго вечера. Ихъ поймали? Свои? Нѣтъ. Чужой, непонятный языкъ, на которомъ говорили кругомъ, вполнѣ успокоилъ его на этотъ счетъ. Это, видно, нѣмцы. Такъ пусть себѣ забираютъ его въ плѣнъ на здоровье. Всякая опасность теперь миновала, стало-быть!

Освальда тоже крѣпко держали за руки два дюжихъ молодца. Его испуганные глаза на маленькой плутоватой физіономіи дико смотрѣли въ ихъ неподвижныя лица. Билля, которой свалился на полъ въ своемъ хмелю и лежалъ головой подъ стуломъ, оказалось не такъ легко разбудить. Солдаты щедро надѣляли его пинками, но онъ только сонно ругался въ отвѣтъ и не шевелился. Сэмъ не могъ удержаться отъ улыбки. Каждое утро возвращеніе Билля изъ міра сновидѣній въ юдоль скорби обыкновенно совершалось такимъ же образомъ.

Потомъ твердая, неумолимая рука, живо напоминавшая ему руку полицейскаго, толкнула Сэма къ двери. Проходя въ дверь, онъ увидѣлъ, какъ нѣсколько солдатъ буквально подняли Билля на ноги. За его спиной Освальдъ тоненькимъ жалобнымъ голоскомъ настойчиво спрашивалъ о чемъ-то своихъ конвоировъ. Но его вопросы оставались безъ отвѣта. Всѣхъ троихъ быстро, безжалостно вытолкали на улицу.

Тамъ они увидали при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, что деревня полна кавалеристовъ въ незнакомой имъ формѣ. Ихъ положеніе было ясно: они были взяты въ плѣнъ передовымъ отрядомъ непріятеля. Передъ дверью ихъ остановили, и одинъ солдатъ безъ словъ далъ имъ понять опасность малѣйшаго движенія, направивъ прямо на нихъ дуло своего ружья.

IV.

За родину.

Передъ трактиромъ стояли простой деревянный столъ и такая же скамейка. Въ данную минуту они были заняты высокимъ съ бѣлокурыми усами человѣкомъ, который сидѣлъ, склонившись надъ картой. Вокругъ него группа офицеровъ стояла въ почтительныхъ позахъ, какъ бы дожидаясь распоряженій.

Наконецъ человѣкъ съ бѣлокурыми усами поднялъ голову и сказалъ нѣсколько словъ одному изъ офицеровъ. У него было добродушное улыбающееся лицо, у этого человѣка. Наша достойная троица, которая такъ и впилась въ него глазами, почувствовала невольное облегченіе при видѣ его располагающей наружности.

Сэмъ повернулся къ товарищамъ.

— Пойманы мы, значитъ, ребята, въ плѣну. — хрипло сказалъ онъ.—Но помните—мы ничего знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ. Вѣдь не выдадимъ же мы своихъ, а?

— Нѣтъ, Сэмъ, понятно нѣтъ, — отвѣтилъ Билль, такъ же хрипло. — А какъ ты полагаешь, что они сдѣлаютъ съ нами?

— Ничего не сдѣлаютъ. Мы солдаты. Военноплѣнныхъ не разстрѣливаютъ.

У Освальда при этихъ словахъ вырвался глубокій вздохъ облегченія. Сэмъ проницательно посмотрѣлъ на него.

— Помни — ни гу-гу, а то я тебѣ, подлецу, голову сверну!

— Ладно, братъ, не бойся, я не предатель,—отвѣчалъ Освальдъ.

Добродушный офицеръ на скамейкѣ рѣзко сказалъ что-то, и плѣнниковъ немедленно толкнули къ нему. На нихъ взглянула пара ясныхъ голубыхъ глазъ, и имъ показалось, что эти глаза улыбаются имъ.

— Кто вы? — рѣзко спросилъ офицеръ по - англійски.

— Солдаты, сэръ, — быстро отвѣтилъ Сэмъ. Не довѣряя скромности своихъ

товарищей, онъ поспѣшилъ взять на себя роль оратора.

— Да? Какого корпуса?

Голубые глаза улыбались Сэму. Онъ чувствовалъ, что они опасно чаруютъ, завораживаютъ. Лишь съ трудомъ удержался онъ отъ отвѣта. Весь его видъ выражалъ тупое упрямство.

— Какого корпуса?

Сэмъ продолжалъ хранить молчаніе.

Офицеръ досталъ большіе золотые часы. Онъ улыбнулся плѣннымъ прямо въ лицо.

— Даю вамъ пять минутъ сроку. Если вы не отвѣтите — къ стѣнѣ и разстрѣлъ.

— Мы солдаты, военноплѣнные.—отвѣтилъ Сэмъ. — Военноплѣнныхъ не разстрѣливаютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — голубые глаза надъ бѣлокурыми усами приняли наивно-изумленный видъ. — Вы солдаты? Къ какому же корпусу вы принадлежите? Какого вы полка? Гдѣ ваши плечевые знаки? — Онъ внезапно разсердился. — Сію минуту скажите мнѣ, какого вы полка и когда вашъ полкъ прошелъ здѣсь. А не то — къ стѣнѣ!

Сэмъ стиснулъ зубы и поблѣднѣлъ. Только теперь онъ ясно понялъ послѣдствія того, что они уничтожили всѣ знаки, обличавшіе ихъ принадлежность къ арміи. Онъ встрѣтился глазами съ Освальдомъ. Некрасивое хитрое лицо жулика горѣло лихорадочнымъ возбужденіемъ.

— Понимаешь, товарищъ, наши ушли у нихъ изъ-подъ носа, оставили ихъ въ дуракахъ,—горячо зашепталъ онъ.— Вотъ ему и надо узнать, какіе корпусы тутъ прошли, чтобы...

— Не шептаться! Отвѣчай, ты!

Чарующіе голубые глаза въ упоръ смотрѣли на Сэма, почти гипнотизировали его.

— Мы солдаты — военноплѣнные, — угрюмо повторилъ Сэмъ.

— Солдаты! Солдаты безъ полка, безъ корпуса! Докажи это, любезный. И живѣй. Мнѣ некогда терять тутъ время съ вами. Гдѣ ваши плечевые знаки? Гдѣ ваши документы?

Всѣ трое молчали. Офицеръ опять принялъ болѣе мягкій тонъ.

— Ну, не упрямьтесь же, братцы. Зачѣмъ терять жизнь ни за грошъ? Я согласенъ считать васъ военноплѣнными, если вы мнѣ докажете, что вы солдаты. А доказать это вы можете только, назвавъ свой полкъ.

Всѣ трое стояли въ хмуромъ молчаніи; бывшіе землекопы съ довольно глупымъ видомъ, а бывшій жуликъ и карманникъ глядя на спрашивающаго умными, все понимающими глазами.

— Не назовете? Тогда вы шпіоны.

Онъ повернулся къ своимъ солдатамъ и отдалъ имъ краткое приказаніе, указавъ рукой на Сэма.

Въ слѣдующее мгновеніе Сэмъ стоялъ у стѣны и видѣлъ прямо передъ собой равный рядъ направленныхъ на него ружейныхъ дулъ. Офицеръ поднялся, подошелъ къ нему, улыбнулся ему въ лицо своей плѣнительной улыбкой и опять вынулъ часы.

— Одну минуту, — ласково сказалъ онъ,—еще одну минуту сроку, чтобы доказать, что ты солдатъ, а не шпіонъ.

Сэмъ стоялъ такъ прямо, какъ это позволяли ему внезапно ослабѣвшія колѣни. Онъ почувствовалъ, что кирпичи

стѣны давятъ ему на затылокъ; все его тѣло инстинктивно подалось назадъ, подальше отъ грозныхъ дулъ. Его глаза были устремлены на офицера, который спокойно слѣдилъ за стрѣлкой часовъ. Онъ чувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ и холодъ. Онъ дрожалъ какъ въ ознобѣ. Въ рту у него пересохло. Объятый ужасомъ мозгъ сдѣлалъ попытку считать секунды, не пытаясь, однако, бунтовать противъ упрямаго рѣшенія его руководящей воли. Одна, двѣ, три... двадцать... тридцать... Минута казалась безконечной. Онъ смочилъ губы кончикомъ языка, отчаянно силясь заговорить въ тѣ нѣсколько секундъ, которыя еще остались въ его распоряженіи. Наконецъ ему удалось.

Слова прозвучали хрипло, какъ призывъ въ минуту агоніи.

— Товарищи! Помните Старую Кентскую дорогу!

Офицеръ издалъ рѣзкій звукъ, и стекла въ окнахъ задрожали отъ грохота ружейнаго залпа. Сквозь пелену дыма Билль и Освальдъ увидали, какъ Сэмъ, раскинувъ руки, покачнулся на носкахъ и повалился ничкомъ на землю.

Офицеръ спокойно положилъ часы назадъ въ карманъ, прошелъ мимо Освальда и схватилъ Билля за руку.

— Ну, ты! — крикнулъ онъ съ одной изъ тѣхъ внезапныхъ вспышекъ гнѣва, которые были характерны для него.— Будешь ты говорить?

Билль стоялъ и смотрѣлъ на него съ идіотскимъ видомъ.

— Старая Кентская дорога. Домъ!— бормоталъ онъ про себя.

Безжалостныя руки толкнули его къ стѣнѣ. У его ногъ лежалъ Сэмъ, подъ которымъ понемногу образовалась темная лужа.

За колоной пѣхотинцевъ, которые брели, держа ружье подъ мышкой или кое-какъ въ рукѣ, или на плечѣ, тянулась вереница повозокъ всевозможныхъ видовъ.

— Будешь говорить? — рявкнулъ офицеръ.

— Домъ, — бормоталъ Билль. — Родина! О Господи!

Офицеръ, внѣ себя, топнулъ ногой и опять рѣзко скомандовалъ «пли!» и опять стекла задребезжали. Билль упалъ на землю, опустивъ голову на грудь.

Офицеръ повернулся къ послѣднему плѣннику, вору и жулику, выросшему безъ отца въ Лондонскихъ трущобахъ.

— Ну, ты, любезный,—весело сказалъ онъ.—Ты видишь, что со мной шутки плохи. Скажи мнѣ, какіе корпуса прошли здѣсь вчера.—И добавилъ съ улыбкой презрѣнія:—Такая щепетильность право же нелѣпа въ дезертирѣ.

Хитрая лукавая усмѣшка появилась на лицѣ Освальда.

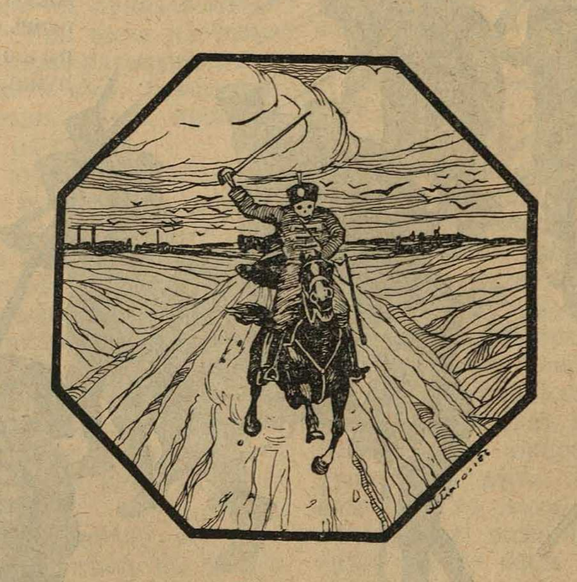
— Я — дезертиръ?—сказалъ онъ. — Да, но я не собираюсь выдавать товарищей. Я не предатель. Они оставили васъ съ носомъ—и вы знаете это. Да! — Онъ кончилъ обезьяньей гримасой.

Мигъ спустя и онъ тоже стоялъ у стѣны.

— Да! — еще разъ крикнулъ онъ и усмѣхнулся, словно чему-то веселому, что онъ одинъ зналъ: въ его карманѣ лежали золотые часы офицера.

Прогремѣлъ залпъ, и онъ покачнулся и упалъ.

У подножія стѣны лежали трупы трехъ дезертировъ. А далеко за деревней потерпѣвшая пораженіе, но не разбитая армія, благополучно ушедшая отъ врага и затерявшаяся на время въ туманѣ войны, безъ промедленія снова собирала свои силы для новой схватки съ врагомъ.

ОТЪ СЕРДЦА КЪ СЕРДЦУ.

Британскій солдатъ, пишущій письмо на родину.

Старики, читающіе письмо отъ сына изъ дѣйствующей арміи.

Плавильный тигль.

Разсказъ *Д. Бэли.*

I.

Въ походъ.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ стоялъ на постояломъ дворѣ, гдѣ помѣстили на постой его самого и его товарищей по ротѣ, и старался приспособить свой умъ къ измѣнившемуся міру, который изъ яснаго и солнечнаго внезапно сталъ такимъ непонятнымъ, полнымъ страшныхъ угрозъ.

Пока что, дѣлать было нечего, развѣ только пытаться настроить свою душу въ ладъ суровымъ фактамъ войны и молиться о томъ, чтобы теперь, когда сраженія будутъ уже не фиктивными, а самыми что ни на есть настоящими, и заряды не холостыми, а смертоносными, тотъ пылкій энтузіазмъ, который побудилъ его въ мирныя времена записаться въ корпусъ территоріальной арміи, не измѣнилъ ему и сталъ бы такимъ же свирѣпымъ и непреклоннымъ, какъ свирѣпо и непреклонно было лицо войны. Онъ былъ одной изъ тѣхъ человѣческихъ единицъ, которыхъ внезапно налетѣвшій вихрь войны вырвалъ изъ колеи обыденной жизни и бросалъ теперь—какъ орудіе праведнаго гнѣва оскорбленнаго народа — передъ лицо научно организованной смерти, дабы этотъ сырой матеріалъ былъ тамъ передѣланъ, переплавленъ и измѣненъ до глубочайшихъ фибръ своей души — или навѣки безнадежно разбитъ.

Джонъ Уоррикъ, рядовой роты В перваго батальона Королевскаго Территоріальнаго полка, предназначеннаго для несенія заграничной службы, былъ въ общемъ, мужчиной въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ самъ это сознавалъ. Въ данную минуту онъ только пытался отвѣчать на странные вопросы, которую одна часть его *я* задавала другой. Будетъ ли онъ вести себя подобающимъ образомъ, когда наступитъ *то*, настоящее?.. Уже тотъ фактъ, что онъ спрашивалъ себя объ этомъ, достаточно доказывалъ, что онъ не сплошаетъ. Но онъ этого не зналъ. Зналъ же онъ только, и зналъ очень хорошо, что въ его душѣ есть способность къ великому страху, и что въ данное время онъ очень боялся, что страхъ овладѣетъ имъ въ такую минуту, когда лучше быть мертвымъ, чѣмъ охваченнымъ паникой.

Но это одна изъ тѣхъ вещей, о которыхъ мужчины никогда не говорятъ, и зѣваки, толпившіеся передъ постоялымъ дворомъ, видѣли только группу «территоріаловъ», которые всѣ казались въ отличнѣйшемъ настроеніи, выражавшемся въ грубоватыхъ шуткахъ, наподобіе тѣхъ, какія они слышали отъ солдатъ регулярной арміи. Ибо, разъ облачившись въ хаки, они были уже не мастеровые, писцы, конторщики или рабочіе, а солдаты, и старались держать себя, какъ солдаты—моля въ то же время Творца въ душѣ о томъ, чтобы оказаться настоящими солдатами не только по виду, но и по духу, когда ихъ поведутъ въ битву.

Только одна черточка все-таки обнаруживала нервное состояніе, въ которомъ эти люди находились, а именно: какъ нѣкоторые изъ нихъ безпокоились о томъ, что два-три товарища еще не явились, хотя приказъ о мобилизаціи ясно говорилъ, что всѣ должны быть въ сборѣ къ восьми часамъ утра, «покончивъ со всѣми прощаніями, и тому подобными вещами», какъ это формулировалъ одинъ сержантъ, уже участвовавшій въ нѣсколькихъ войнахъ.

Теперь время уже было за полдень, а рядовой Билль Грантъ все еще не явился. Уоррика это до смѣшного волновало, и онъ такъ явно для всѣхъ тоскливо поглядывалъ на дорогу, что его обвинили въ томъ, будто онъ ждетъ какую-то барышню, которая на самомъ дѣлѣ вовсе не могла находиться здѣсь, ибо она сидѣла сейчасъ въ своей конторѣ въ Сити съ противорѣчивыми чувствами отчаянія и радости въ душѣ. Она не понимала, бѣдняжка, и она была не единственная, которая не понимала.

Но вотъ, словно свалившись съ неба, а въ дѣйствительности пріѣхавъ изъ Брайтона, Грантъ подкатилъ къ дверямъ гостиницы съ ружьемъ и тугонабитой сумкой.

— Алло, Джэкъ! Здравствуй. Небось думалъ, что я дезертировалъ?

— Почему ты не являлся такъ долго?

— Я былъ въ отпуску. А кайзеръ довелъ-таки дѣло до войны. Похоже на то, что на сей разъ война будетъ самая настоящая, или нѣтъ?

— О, да, самая доподлинная,—отвѣтилъ кто-то. — Что новенькаго въ городѣ?

— Да ничего особеннаго. Куда насъ посылаютъ?

— Никто не знаетъ, или не хочетъ говорить, — отвѣчалъ Уоррикъ. — Пока что—мы, кажется, должны простоять тутъ дня два.

— Дѣло хорошее. По крайней мѣрѣ, веселѣе, чѣмъ корпѣть надъ счетными книгами. А гдѣ мои апартаменты въ семъ отелѣ?

— Для васъ специально оставленъ бельэтажъ, милордъ,—пошутилъ одинъ сержантъ, еще не чувствовавшій себя призваннымъ держаться съ начальственной строгостью.—Только не извольте сразу запираться тамъ, потому что сейчасъ будутъ раздавать хлѣбные пайки.

Какая-то дѣвушка подошла къ одному изъ солдатъ, обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими словами и торопливо пошла дальше. Онъ повернулся къ товарищамъ.

— Это моя сестра, — сказалъ онъ, и раньше, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ выразить сомнѣніе, продолжалъ:—Она сказала мнѣ, что имъ приказано готовиться къ отъѣзду. Она—сестра милосердія въ одномъ изъ отрядовъ Краснаго Креста.

Эти слова сразу ясно, какъ ничто другое, заставили всѣхъ почувствовать, что война не фикція, а непреложный фактъ. Будутъ убитые и раненые, которые будутъ нуждаться въ перевязкахъ и уходѣ, когда ихъ снесутъ съ поля сраженія въ лазаретъ... Уоррикъ невольно пожелалъ, чтобы и Дорисъ— барышня въ конторѣ въ Сити—тоже была изъ тѣхъ женщинъ, которыя не сидятъ сложа руки въ такое время. Она первая подала ему мысль записаться въ «территоріалы», хотя была не слишкомъ довольна, что онъ записался именно въ «заграничный корпусъ». Ей казалось очень пріятнымъ имѣть жениха «почти военнаго», но она не понимала, зачѣмъ ему понадобилось записаться въ болѣе опасную часть территоріальной арміи.

Теперь же, когда разразилась война, она поочередно то радовалась, что ея Джэкъ—одинъ изъ героевъ, то страшно жалѣла, зачѣмъ подала ему когда-то злосчастную мысль записаться въ армію.

— Если бы не я, онъ былъ бы теперь въ безопасности, — говорила она своей матери.

— Я не понимаю, изъ-за чего люди хотятъ воевать, — отвѣчала миссъ Норсзъ. — Что мы сдѣлали плохого нѣмцамъ? И что плохого они сдѣлали намъ? Я бы съ радостью пристрѣлила этого сумасшедшаго кайзера—да, пристрѣлила бы!

Дорисъ была въ числѣ тѣхъ сотенъ мужчинъ и женщинъ, которые пришли на пристань провожать уѣзжавшій батальонъ. Теперь, когда разлука съ Джэкомъ и все остальное стало такой несомнѣнной реальностью, она уже не сомнѣвалась въ томъ, что страшно сердится на себя.

Прежде всего она даже не знала, куда Джэка отправляютъ, и никто не могъ ей это сказать навѣрняка, хотя большинство полагало, что въ Бельгію. Уоррикъ самъ зналъ только, что ихъ батальонъ внезапно получилъ приказъ выступить, и что ихъ привели на пристань и усадили на транспортное судно, капитанъ котораго, какъ говорили, зналъ только, что онъ долженъ дойти

до извѣстнаго пункта за Сѣвернымъ Мысомъ и тамъ получить дальнѣйшія инструкціи съ монитора «Спиръ».

Дорисъ не разрѣшили взойти на судно, а Уоррику не разрѣшили сойти на пристань. Но послѣ того, какъ гдѣ-то въ глубинѣ судна онъ получилъ номеръ своей артели и сдалъ ружье, онъ могъ подняться опять на палубу и, перегнувшись черезъ перила, обмѣняться съ Дорисъ послѣдними прощальными словами. Такъ какъ ихъ приходилось выкрикивать во весь голосъ, то они носили, естественно, самый общій характеръ. Больше кричала Дорисъ, чѣмъ онъ.

— Смотри, береги себя!—просила она.

— Само собой, а то для чего же я иду?—былъ его учтивый отвѣтъ.

— Не забывай, что я жду тебя, — продолжала она.— Можетъ-быть, мои письма не будутъ доходить до тебя. Есть въ арміи почта?

Ей пришлось крикнуть это нѣсколько разъ, прежде чѣмъ онъ разобралъ.

— Да, письма будутъ доставлять,— отвѣчалъ онъ —Это устроено.

— Смотри, непремѣнно вернись.

И только тутъ она заплакала. Вѣдь какъ-никакъ, онъ можетъ не вернуться. Конечно, она читала, что процентъ убитыхъ въ современныхъ войнахъ не великъ, но все же... Вѣдь она видѣла сотни ящиковъ съ боевыми припасами, которые они взяли съ собой на транспортъ. Что эти ящики значили, было ясно. Это значило, что будутъ стрѣлять, убивать, что на британскія пули будутъ отвѣчать вражескія пули, и каждая изъ нихъ можетъ попасть въ него...

Вспомнились ей также маленькій пакетикъ съ перевязочнымъ матеріаломъ, зашитый за подкладку его хаки, и полоска матеріи, на которой были написаны его имя, фамилія, званіе, возрастъ и мѣсто жительства, чтобы можно было извѣстить родныхъ въ случаѣ, если бы пришлось похоронить его тѣло гдѣ-нибудь на полѣ битвы.

— Не безпокойся, я вернусь цѣлъ и невредимъ!—крикнулъ онъ ей въ отвѣтъ. А одна женщина, сынъ которой стоялъ на часахъ гдѣ-то въ глубинѣ транспорта, при этихъ словахъ громко крикнула:

— Откуда онъ можетъ знать? Развѣ кто-нибудь можетъ знать?

Внезапно военный оркестръ гдѣ-то поблизости весело заигралъ извѣстную пѣсенку «Прощай, моя зазноба!» Жутко и странно было слышать этотъ игривый мотивъ въ такую минуту, но нѣсколько зѣвакъ, у которыхъ не было ни родныхъ ни знакомыхъ на транспортѣ, слабо зааплодировали.

Человѣкъ съ золотыми галунами на обшлагахъ рукавовъ что-то скомандовалъ, матросы отдали чалки, и колеса съ шумомъ принялись вспѣнивать воду, покрытую картофельной шелухой, кожурой банановъ, пятнами нефти и пустыми бутылками. Съ набережной раздался общій крикъ, въ которомъ «ура» сливалось съ воплями горя, и пристань начала, казалось, убѣгать отъ парохода.

— Къ кухнѣ! Къ дверямъ кухни!— протрубилъ горнистъ, и палубы транспортнаго судна опустѣли: всѣ пошли внизъ на свой первый обѣдъ.

II.

На стоянкѣ.

Раньше, чѣмъ койки вытащили въ тотъ вечеръ, транспортъ уже миновалъ Сѣверный Мысъ, и люди съ любопытствомъ и возбужденіемъ смотрѣли на крейсеръ «Спиръ», сѣрый, мрачный, похожій на стальной фортъ, воздвигнутый среди моря. На крейсерѣ не было ни одного огня, и лишь смутно можно было различить силуэты матросовъ, спокойно исполнявшихъ свои различныя обязанности.

Всю эту ночь Уоррикъ, выглядывая въ иллюминаторъ, находившійся возлѣ его койки, могъ видѣть какія-то тѣни, скользившія по водѣ.

Когда на слѣдующее утро онъ вышелъ на палубу, онъ увидѣлъ, что къ ихъ судну присоединился цѣлый флотъ такихъ же транспортныхъ судовъ, которыя везли полки экспедиціоннаго корпуса. А смутныя пятна на горизонтѣ, замѣтныя главнымъ образомъ лишь благодаря выпускаемому ими дыму, были конвоирующія военныя суда.

За этимъ утромъ послѣдовали день и ночь, въ теченіе которыхъ воздухъ

дрожалъ отъ отдаленнаго гула тяжелыхъ орудій, и невыносимое чувство напряженія давило душу.

— Что происходитъ, что случилось?— спрашивали всѣ, но отвѣта не было. Происходило что-то, близко касавшееся ихъ, а между тѣмъ имъ ничего не говорили. Были смотры, гимнастическія упражненія, трапезы, опять гимнастика и непрерывные сигналы горнистовъ. Но всѣ транспортныя суда стояли на якоряхъ, покачиваясь на волнахъ, по которымъ скоро застучалъ дробный дождь.

На другое утро всѣмъ роздали ружья и запасные раціоны, но опять ни слова не сказали о томъ, что будетъ дальше, хотя приготовили всѣ лодки, чтобы спустить ихъ на воду въ случаѣ надобности.

Грохотъ отдаленной канонады сталъ смутнѣе, потомъ замолкъ, словно нехотя. Только изрѣдка одиночный выстрѣлъ еще потрясалъ воздухъ.

— Гдѣ мы, чортъ возьми? — крикнулъ одинъ сержантъ.

— Эй, ты тамъ, тише,—прикрикнулъ на него офицеръ, и добавилъ: — Вы все узнаете скоро.

Самъ онъ тоже ничего не зналъ навѣрное, кромѣ того, что встрѣтилось неожиданное препятствіе ихъ высадкѣ на берегъ, и что его люди начали нервничать.

Затѣмъ, словно это начинался новый актъ въ какой-то мелодрамѣ, на сѣверо-восточномъ небѣ показалось нѣсколько (сколько именно, зрители не могли установить въ точности) силуэтовъ, похожихъ издали на гигантскіе карандаши, и опять начался грохотъ орудійной пальбы. Вскорѣ всюду кругомъ этихъ «карандашей» заплясали облачка дыма, все снова и снова прорѣзаемыя вспышками желтаго пламени. Отъ сотрясенія воздуха дирижабли начали странно прыгать, нырять и качаться съ боку на

— Смотри, непремѣнно вернись,—крикнула Дорисъ Уоррику своему жениху.

бокъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ былъ подбитъ; онъ сморщился, какъ проткнутый пузырь, и полетѣлъ внизъ въ языкахъ пламени, словно комета.

Потомъ, жужжа, точно стрекозы, по небу пронеслись, подгоняемые свѣжимъ вѣтромъ, невѣдомо откуда появившіеся гидропланы. Оставшіеся дирижабли скрылись за горизонтомъ, гидропланы преслѣдовали ихъ, и люди на транспортахъ, избавившись отъ страха, что на нихъ посыплется съ неба дождь бомбъ, облегченно вздохнули съ такимъ чувствомъ въ душѣ, словно имъ сообщили хорошія вѣсти.

Пальба опять смолкла, и въ то время, какъ люди спрашивали себя, какое новое невиданное зрѣлище передъ ними откроетъ теперь занавѣсъ войны, транспорты опять двинулись въ путь, ясно показывая этимъ, чья очередь выступить на подмосткахъ. Черезъ десять минутъ показались мачты конвоирующихъ военныхъ судовъ, а послѣ полудня транспорты уже стояли возлѣ какого-то низкаго берега, и военныя суда стояли за ними, угрожая берегу своими орудіями. Немного погодя съ берега прилетѣли два гидроплана, и флагманское судно начало посылать съ ними распоряженія, такъ какъ безпроволочный телеграфъ вѣдь шепчетъ во всѣ уши.

Потомъ, до самой ночи, лодка за лодкой съѣзжали на берегъ, свозя туда людей, боевые припасы, скорострѣльныя пушки и продовольствіе. Время отъ времени невѣдомо откуда прилетавшій снарядъ, пугалъ людей, но вскорѣ это прекратилось.

Полкъ за полкомъ выстраивались и уходили куда-то во тьму, а толпы людей стояли кругомъ и привѣтствовали ихъ, пока они проходили, криками на незнакомыхъ языкахъ, на валлонскомъ и французскомъ. Около полуночи пришли въ маленькую деревушку, у которой былъ такой видъ, словно злой великанъ прошелъ по ней и въ сердцахъ надѣлалъ дыръ во всѣхъ строеніяхъ, разбилъ всѣ стекла въ окнахъ, а тамъ и сямъ даже сорвалъ крышу и изломалъ ее въ щепы.

Въ этой деревушкѣ остановились и пробыли тамъ три дня, лежа на землѣ въ своихъ непромокаемыхъ спальныхъ мѣшкахъ. О томъ, что дѣлается кругомъ, люди ничего не знали; въ рядахъ начала появляться дезинтерія.

Потомъ, когда, наконецъ, свезли на берегъ и кавалерію съ лошадьми, британскій отрядъ двинулся дальше.

Джонъ Уоррикъ, шагая на разстояніи десяти шаговъ отъ своихъ сосѣдей справа и слѣва,—ибо его рота, будучи одной изъ передовыхъ, шла разсыпнымъ строемъ,—недоумѣвалъ. Онъ понятія не имѣлъ о томъ, куда они идутъ или что будетъ, когда они придутъ туда, куда идутъ. Лично онъ чувствовалъ себя виноватымъ за то, что они вотъ уже сколько часовъ шагаютъ прямо по полямъ и топчутъ зрѣлый хлѣбъ.

Время отъ времени военные аэропланы появлялись въ небѣ, стремительно пролетали надъ главными британскими силами, сбрасывали бомбы, бывали подбиты и спускались на землю или исчезали по невѣдомому назначенію, чтобы затѣмъ снова появиться, когда прикажутъ. Происходили также смертельныя схватки въ воздухѣ, кончавшіяся катастрофами.

III.

Въ плавильномъ тиглѣ.

Вдругъ, безъ всякаго предупрежденія, въ воздухѣ началось какое-то настойчивое рѣзкое гудѣніе, словно жужжали сотни насѣкомыхъ.

— Царица Небесная!—вскричалъ кто-то, когда одинъ изъ солдатъ вдругъ съежился и грузно упалъ, сжавшись въ комокъ.

— Санитары! Гдѣ же санитары!—возбужденно крикнулъ фельдфебель.

Одинъ солдатъ остановился, чтобы посмотрѣть, не можетъ ли онъ чѣмъ-нибудь помочь упавшему.

— Эй ты, не останавливаться!—крикнулъ ему ротный. Потомъ повернулся къ фельдфебелю и спокойно сказалъ ему:

— Не надо поднимать такой шумъ! Люди могутъ подумать, что вы потеряли голову...

— Виноватъ, сэръ!

Люди начали валиться одинъ за другимъ, незамѣтно, безъ шуму. Гдѣ за

минуту назадъ стоялъ человѣкъ, тамъ лежала теперь какая-то странная кучка. Иной разъ такая кучка шевелилась, стонала; другіе же лежали совсѣмъ спокойно—мертвые.

Потомъ раздались всевозможные звуки. Одинъ звукъ былъ такой, словно кто-то съ неутомимымъ терпѣніемъ стучалъ въ дверь пустого дома: стукнетъ пять разъ, подождетъ секунду, и опять стукнетъ пять разъ и еще, и еще, безъ конца. И каждый стукъ означалъ, что былъ выпущенъ дюймовый снарядъ.

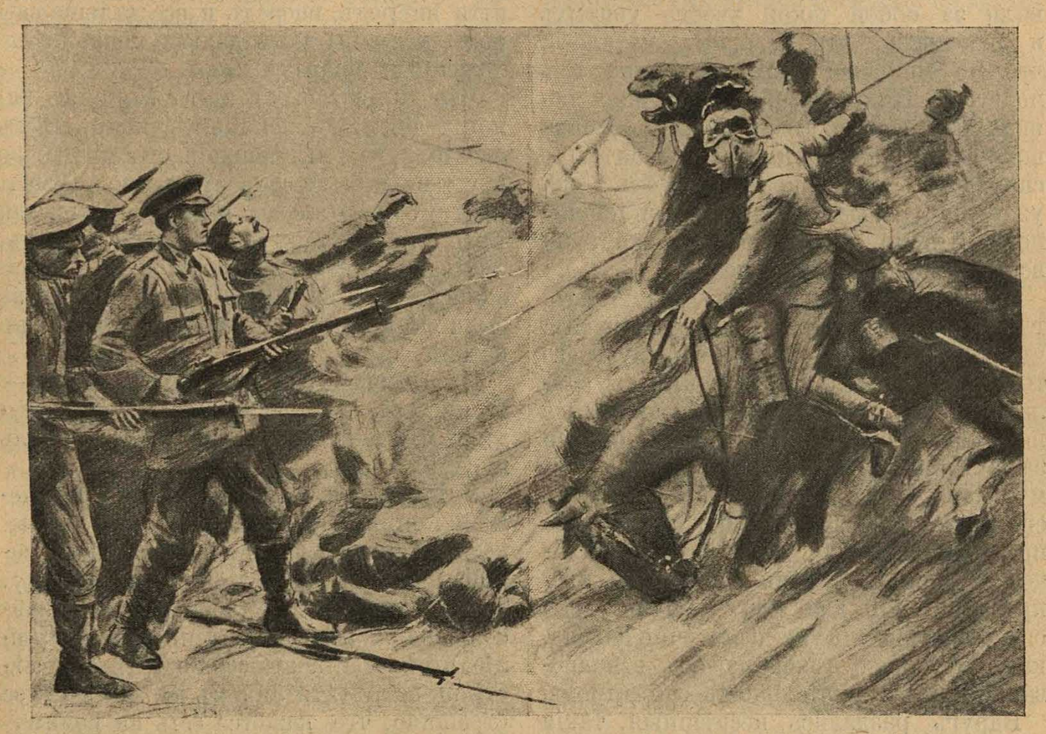
Другой звукъ былъ похожъ на то, словно трясли огромные куски листовой стали. Этотъ звукъ былъ почти непрерывный. А время отъ времени его прорѣзывалъ гулъ, похожій на то, словно по мокрой землѣ ударяли изо всей силы огромнымъ тяжелымъ молотомъ.

И тутъ же, среди всего этого грохота и металлическаго гула, все время рѣзко визжали пули и снаряды.

— Точно пробуютъ молоточками котлы въ мастерской, — сказалъ Уоррикъ.

Люди падали одинъ за другимъ, убитые или раненые, и на это обращали удивительно мало вниманія. Если была малѣйшая возможность, санитары подбирали и уносили ихъ. Но многихъ такъ и оставили умирать.

То же самое происходило на протяженіи сотенъ миль по обѣ стороны отъ Уоррика, хотя онъ объ этомъ ничего не зналъ. Изъ устъ въ уста передавалась вѣсть, что они участвуютъ въ большомъ сраженіи. Но насколько большомъ — этого никто не зналъ.

Что дальше было, Уоррикъ никогда не могъ вспомнить ясно: Былъ адскій гулъ, во рту было сухо отъ пыли и дыма, кругомъ падали люди. Одинъ уланъ выбралъ его мишенью и стрѣлой понесся прямо на него. Уоррикъ выстрѣлилъ и убилъ подъ нимъ лошадь.

Уоррикъ видѣлъ, какъ слѣва, гдѣ почва была нѣсколько ниже, одинъ британскій батальонъ пошелъ въ атаку; но это было слишкомъ далеко, чтобы разобрать, какой именно батальонъ. На видъ ничего яркаго, геройскаго въ этой атакѣ не было. Люди подвигались впередъ перебѣжками, отъ прикрытія къ прикрытію. Вѣдь это были профессіональные солдаты, старавшіеся дѣлать свое дѣло по возможности безопаснѣе и лучше; дѣло же это заключалось

въ томъ, чтобы убивать, а не въ томъ, чтобы быть убитымъ самимъ, такъ какъ отъ убитаго человѣка пользы нѣтъ.

Они подвигались впередъ далеко разсыпавшейся цѣпью, которая казалась слабой и нерѣшительной; однако кончилось это тѣмъ, что до непріятельскихъ траншей дошло несравненно больше штыковъ, чѣмъ могло бы дойти, если бы шла сомкнутымъ строемъ вдесятеро бóльшая масса людей. И все же они оставили за собой такой хвостъ убитыхъ и раненыхъ, что Уоррику казалось, что по меньшей мѣрѣ половина ихъ полегла. Надъ ними непрерывно появлялись все новыя и новыя облачка шрапнельнаго дыма и дыма бризантныхъ снарядовъ, и, въ концѣ-концовъ, они уже шли, казалось, среди сплошной пелены дыма, прорѣзываемой желтыми вспышками странныхъ молній.

У Уоррика сердце бурно колотилось, глядя на нихъ, потому что онъ зналъ, что въ любую минуту ему самому и его тысячѣ товарищей могутъ приказать сдѣлать то же самое, пойти въ такое же пекло огня, смерти и ранъ, и онъ боялся за самого себя, боялся хватитъ ли у него мужества. Все, что было здороваго въ его тѣлѣ, возмущалось при мысли, что придется итти туда, подъ этотъ металлическій дождь. Жизнь слишкомъ прекрасная вещь для этого... Тамъ, гдѣ онъ лежалъ, было уже достаточно опасно, какъ это ясно говорила его взволнованной душѣ дѣятельность санитаровъ.

Вдругъ раздались неспѣшныя, такія повседневныя и дѣловыя слова команды, и Уоррикъ, видя, что всѣ кругомъ него поднимаются, тоже поднялся и пошелъ впередъ—какъ всѣ. По обѣ стороны отъ него сотни и тысячи людей тоже шли впередъ. Газеты, сообщая отъ этомъ сраженіи, писали потомъ о «геройскомъ пылѣ», съ какимъ союзники пошли въ послѣднюю атаку; и такъ дѣйствительно казалось съ виду. Но каждый изъ этихъ людей на самомъ дѣлѣ долженъ былъ заставлять себя подняться и итти впередъ, ибо каждый изъ нихъ ясно, безъ всякихъ иллюзій зналъ, что каждый шагъ, который онъ дѣлаетъ, можетъ быть его послѣднимъ шагомъ въ жизни, что въ слѣдующее мгновеніе онъ можетъ лежать на землѣ убитый, разорванный на части. И тѣмъ не менѣе они продолжали итти.

Но по мѣрѣ того, какъ они подвигались, въ нихъ какъ будто вселялся новый духъ, такъ что каждый изъ нихъ какъ будто отрѣшился отъ самого себя, приказывая своему дрожащему тѣлу забыть страхъ, заставляя его итти впередъ, несмотря на его ужасъ, убѣждая его, что оно можетъ дѣлать лишь одно—итти впередъ, впередъ и все дальше впередъ, хотя бы тамъ дальше лежали заложенныя врагомъ мины.

Что дальше было, этого Уоррикъ никогда не могъ вспомнить ясно. Былъ адскій гулъ, оглушавшій его мозгъ, во рту у него было сухо отъ пыли и дыма, кругомъ него люди падали—иные для того, чтобы такъ и остаться лежать, иные же опять поднимались и продолжали итти. Они шли подъ гору, и трава была скользкая, вотъ почему нѣкоторые падали.

На одеждѣ Уоррика была кровь, — но не его собственная—и воздухъ гудѣлъ и стоналъ отъ всѣхъ этихъ пуль и снарядовъ.

У подножія пологаго склона вражеская конница ринулась на ихъ ряды, которые какъ разъ въ самое время сомкнулись, чтобы встрѣтить эту атаку. Тутъ Уоррику пришлось сдѣлать наибольшое за весь этотъ день волевое усиліе, чтобы заставить себя остаться на мѣстѣ и встрѣтить лицомъ къ лицу самое страшное, что кажется есть на войнѣ—стремительный налетъ человѣка и коня. Одинъ уланъ, весь сѣрый отъ пыли, выбралъ Уоррика своей мишенью и живой стрѣлой понесся прямо на него. Уоррикъ выстрѣлилъ и убилъ подъ нимъ лошадь, а когда уланъ вскочилъ на ноги, онъ пронзилъ его штыкомъ. Выраженіе недоумѣлаго изумленія появилось на лицѣ нѣмца, когда сталь штыка проникла въ его тѣло.

Нѣсколько минутъ спустя, батальонъ съ окровавленными штыками, сверкавшими въ лучахъ солнца, словно рубины, бѣгомъ преслѣдовалъ разбитый уланскій отрядъ, забывъ въ пылу погони всякую стратегію—пока не столкнулся съ однимъ французскимъ полкомъ, коман-

диръ котораго, увидѣвъ эту нелѣпую погоню, началъ браниться на ломаномъ англійскомъ языкѣ. Тогда батальонъ сразу разсыпался опять правильной цѣпью и сталъ подниматься по косогору, между тѣмъ, какъ ружейный и орудійный огонь становились все чаще и убійственнѣе. Ихъ собственные пулеметы смолкли: пѣхота подошла теперь такъ близко къ непріятелю, что артиллерія союзниковъ боялась попасть въ своихъ.

Потомъ, черезъ какой-то промежутокъ времени,—который казался ему вовсе не обычными минутами и секундами, а періодомъ времени, стоявшимъ совершенно внѣ жизни,—Уоррикъ увидѣлъ, что находится лицомъ къ лицу съ толстымъ молодымъ человѣкомъ въ формѣ, который стоялъ по поясъ въ окопѣ. Какимъ образомъ онъ очутился здѣсь, передъ окопомъ,—Уоррикъ самъ незналъ. Его безусловно принесли сюда собственныя ноги, но, казалось, безъ участія воли и сознанія. Этотъ молодой человѣкъ было до войны химикомъ-аналитикомъ. Весь день онъ стрѣлялъ въ непріятеля, и по теоріи этотъ непріятель давнымъ-давно долженъ быть уничтоженъ, ибо онъ находился на открытомъ мѣстѣ, а не за прикрытіями траншей. А теперь, вопреки всякой теоріи, этотъ непріятель стоялъ тутъ передъ нимъ, поразительно реальный и готовый, такъ сказать, творить чудеса, особенно со штыкомъ. Химикъ, котораго собственно говоря, никогда не слѣдовало бы облекать въ солдатскую форму, неуклюже поднялъ свое ружье, скорѣе для того, чтобы отразить ударъ, чѣмъ ударить самому, и Уоррикъ, внезапно почувствовавъ жалость къ нему, направилъ свой штыкъ не въ его грудь, какъ нацѣлился, а въ бедро.

IV.

Рана.

Завладѣвъ окопомъ, батальонъ пошелъ дальше. Но у Уоррика потемнѣло въ глазахъ, онъ принужденъ былъ опуститься на землю и тутъ только замѣтилъ, что одна его нога въ чемъ-то липкомъ, красномъ. Съ изумленіемъ онъ понялъ, что на этотъ разъ это была его собственная кровь.

Какъ давно она текла, онъ не зналъ, хотя безъ труда могъ бы увидѣть это, если бы оглянулся на пройденный путь. Онъ поднялся и попробовалъ, можетъ ли итти, но нога ясно заявила голосомъ нестерпимой боли, что отказывается нести его дальше.

— Эй, ты! Ты чего тутъ задержался!—крикнулъ ему офицеръ, шедшій съ другой ротой.

— У меня нога прострѣлена, сэръ.

— Тогда ложись, дуракъ, и жди пока тебя подберутъ!—И офицеръ исчезъ.

— Сними сапогъ и перевяжи рану.—на ходу крикнулъ ему сержантъ, спѣша мимо.

Уоррикъ сдѣлалъ это и увидѣлъ, что въ его ногѣ двѣ дырки: одна, черезъ которую пуля вошла, а другая — черезъ которую она вышла. Потомъ онъ ничего не помнилъ больше и очнулся только въ полевомъ госпиталѣ, гдѣ врачъ зондомъ изслѣдовалъ его рану.

У него оказалась пробитой кость и изъ его раны надо было извлечь попавшіе туда кусочки одежды. Поэтому его отправили дальше въ тылъ, и немного погодя онъ очутился на госпитальномъ суднѣ, гдѣ ему сказали, что сраженіе, въ которомъ онъ участвовалъ и былъ раненъ, кончилось побѣдой, и что его отправляютъ назадъ въ Англію, такъ какъ его нога еще въ теченіе многихъ недѣль не будетъ настолько крѣпка, чтобы онъ могъ совершать переходы.

— Если бы пуля прошла на полдюйма правѣе, вы бы черезъ мѣсяцъ могли вернуться въ свой полкъ,—сказалъ ему врачъ на суднѣ.—Но теперь вамъ придется повременить съ этимъ. Ничего не подѣлаешь, другъ мой. Но вы все-таки достаточно здоровы, чтобы помочь намъ чистить ножи въ кухнѣ.

Такимъ образомъ, такъ какъ большинство раненыхъ на суднѣ были прикованы къ ложу, а персоналъ совсѣмъ сбился съ ногъ, Уоррикъ по мѣрѣ силъ и возможности исполнялъ всякія легкія обязанности. Мысли его часто обращались теперь къ Дорисъ. Что-то она подѣлываетъ? Но онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что въ сущности ему точно

мало дѣло до нея, и онъ не могъ понять самого себя. Когда онъ теперь оглядывался на прошлое, ему казалось, что въ Дорисъ «ничего нѣтъ». Конечно, она милая, хорошенькая, и даже теперь бывали минуты, когда его сердце рвалось къ ней. Но что-то новое въ его душѣ настойчиво желало знать, на какомъ основанiи онъ полагалъ, что Дорисъ самая подходящая спутница жизни для него,—настойчиво спрашивало, почему онъ вообразилъ, что любитъ такую поверхностную, пустенькую барышню?

Онъ не понималъ самого себя, ибо откуда онъ могъ знать, что тамъ, на континентѣ, прiобрѣлъ новую душу и возвращался не тѣмъ человѣкомъ, какимъ уѣхалъ изъ Англiи. Тотъ Уоррикъ жилъ спокойной, безопасной жизнью подъ охраной и попеченiемъ людей, которые заботились о томъ, чтобы все было въ порядкѣ для него, оберегали его, смотрѣли, чтобы никто не обижалъ его и чтобы онъ могъ въ полной мѣрѣ пользоваться всѣми своими законными гражданскими правами,—и даже опекали его, чтобы онъ не попалъ подъ лошадь или автомобиль, когда ему нужно было перейти улицу. Эти ангелы хранители стояли на каждомъ перекресткѣ, на каждомъ углу улицы, и вся ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы заботиться о его удобствахъ. И если бы онъ самъ нарушилъ законы, если бы онъ убилъ человѣка, они уже не успокоились бы до тѣхъ поръ, пока не поймали бы его и не вздернули на висѣлицу.

А этотъ Уоррикъ, который возвращался раненый съ континента—очень огорченный, что ему пришлось покинуть фронтъ—убилъ не одного человѣка. Онъ стрѣлялъ, билъ, кололъ, дѣлалъ въ сущности звѣрскiя, варварскiя вещи—и въ пылу сраженiя нашелъ даже какое-то страшное, дикое наслажденiе въ дѣланiи ихъ. Онъ былъ частицей побѣдоносной армiи, орудiе гнѣва своей страны. Онъ шелъ въ битву для того, чтобы убивать или быть убитымъ самому,—и не былъ убитъ. Онъ сумѣлъ принудить всѣ свои мускулы и нервы дѣлать свое дѣло еще долго послѣ того, какъ они заявили ему, что больше не въ силахъ терпѣть эту муку напряженiя; онъ заставилъ свои ноги нести его въ самую гущу смертельной опасности; онъ собралъ воедино разрозненныя части своего «я» и сдѣлалъ изъ нихъ цѣльное послушное орудiе своей воли. Можно ли было ожидать, чтобы этотъ новый человѣкъ любилъ ту дѣвушку, которую любилъ прежнiй Уоррикъ? Вѣдь тотъ Уоррикъ не былъ и десятой частью того человѣка, которымъ онъ сталъ теперь. Война—ужасная вещь, но у нея есть одинъ великiй даръ для тѣхъ, кто становится бойцами; она дѣлаетъ изъ нихъ людей съ характеромъ, сильныхъ, дисциплинированныхъ, людей, которые всегда могутъ заставить себя безропотно дѣлать то, что они *должны* дѣлать. Если же они не изъ того металла, тогда она ломаетъ ихъ и отбрасываетъ, какъ негодный хламъ. Но кого она убиваетъ, тѣ умираютъ мужчинами.

Уоррику, явившемуся прямо изъ этого плавильнаго тигля, казалось, что никогда больше онъ не сможетъ любить женщину исключительно за ея хорошенькое личико, изящную фигуру или ласковыя рѣчи. Ему нужна была теперь женщина, въ глазахъ которой свѣтился бы тотъ огонекъ, который онъ научился цѣнить, какъ знакъ стойкаго товарищества, какъ знакъ, что она будетъ ему вѣрнымъ другомъ и помощникомъ во всякой жизненной борьбѣ, которая выпадетъ на его долю въ предстоящее мирное время. А такого огонька онъ никогда еще не видѣлъ въ глазахъ Дорисъ. Женская нѣжность въ нихъ была, и красота и шаловливое плутовство, но этотъ огонекъ никогда не загорался въ нихъ.

Похожiе на бастiоны бѣлые скалистые берега Англiи были покрыты мирной изумрудной зеленью, спускавшейся почти до самаго края воды, когда судно подходило къ Соутгэмптону. Глядя такъ съ моря, можно было подумать, что надъ Англiей почiетъ ясный и солнечный вѣчный миръ.

Спокойные люди съ неторопливыми движенiями являлись и приступали къ эвакуацiи раненыхъ въ лазаретъ Нетли. Магазины были открыты, почтальоны разносили письма, констэбли охраняли порядокъ на улицахъ—какъ всегда. Если бы не плакаты «военныхъ изданiй», ничто

на улицахъ города не напоминало бы о войнѣ. А между тѣмъ почти ежедневно въ Британію привозили солдатъ, «пострадавшихъ на войнѣ».

V.

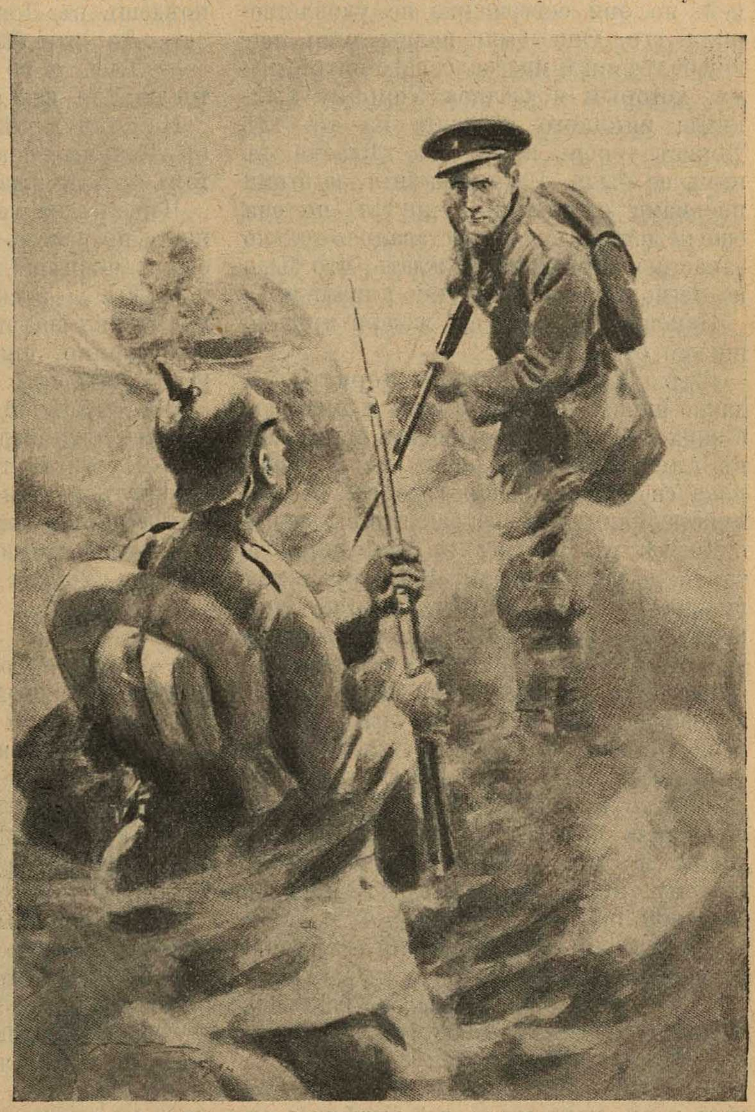
Дома.

Уоррикъ написалъ Дорисъ письмо, извѣщая ее, что онъ вернулся раненый и находится въ лазаретѣ Нетли. Онъ не просилъ ее пріѣхать навѣстить его, хотя чувствовалъ, что она непремѣнно сдѣлаетъ это, и немного боялся свиданія съ ней, потому что не зналъ, что скажетъ ей.

Однако прошло много дней, а никакого отвѣта на письмо не было. Тогда онъ, въ концѣ-концовъ, написалъ своей матери, прося ее съѣздить въ Лондонъ и узнать, что сталось съ Дорисъ. Онъ началъ тревожиться, не случилось ли съ ней чего-нибудь, а также не могъ успокоиться, не выяснивъ окончательно своихъ отношеній къ Дорисъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые любятъ затягивать дѣло до безконечности, а кромѣ того, бывали минуты, когда онъ страстно жаждалъ видѣть ее.

Его мать ничего не узнала, кромѣ того, что вскорѣ послѣ объявленія войны Дорисъ осталась безъ мѣста и пропала безслѣдно. Даже ея хозяйка не знала, куда она уѣхала. Подъ такой мирной съ виду поверхностью жизни на островахъ Великобританіи разыгрывалось въ дѣйствительности не мало тяжелыхъ драмъ.

Нога Уоррика отказывалась заживать. Поэтому ему дали отпускной билетъ, и онъ вернулся домой къ своимъ. Тамъ же находился его братъ съ женой и ребенкомъ. Повсюду въ Англіи можно было встрѣтить такія семьи, члены которыхъ собрались вмѣстѣ, какъ обычно собираются только на Рождество; сыновья и ихъ жены, дочери и ихъ мужья

Химикъ, котораго совсѣмъ не слѣдовало бы облекать въ солдатскую форму, неловко поднялъ ружье, скорѣе для того, чтобы отразить ударъ, чѣмъ ударить самому, и Уоррику стало вдругъ жалко его—онъ направилъ свой штыкъ не въ грудь нѣмца, какъ нацѣлился, а въ бедро.

всѣ селились вмѣстѣ со стариками родителями въ маленькихъ тѣсныхъ домикахъ, чтобы общими усиліями, складывая вмѣстѣ свои заработки, бороться съ страшнымъ волкомъ-нуждой. Дѣло въ томъ, что въ тѣ дни нужда стучалась во многія и многія двери, и слишкомъ часто входила въ нихъ.

Тамъ, дома, Уоррикъ получилъ вскорѣ нѣсколько первыхъ писемъ отъ Дорисъ, долго пропутешествовавшихъ за границей, но они совершенно не удовлетворили его. Они были полны лишь легкой болтовни и многословнаго патріотизма, который показался Уоррику жалкимъ; никакого указанія на то, гдѣ Дорисъ теперь и что она дѣлаетъ, въ нихъ не было. Безъ сомнѣнія, за этими письмами слѣдовали и другія, но они еще не дошли до него. Оставалось только запастись терпѣніемъ и ждать, что было не легко въ его положеніи инвалида.

Наконецъ на имя его матери пришло письмо отъ Дорисъ.

«Гдѣ Джэкъ?» писала Дорисъ. «Я давно ничего не знаю о немъ и начинаю безпокоиться. Сейчасъ я опять вернулась въ Англію, но мои планы на будущее пока еще очень неопредѣленны. Пожалуйста, напишите мнѣ все, что вы знаете о Джэкѣ, въ Лондонъ, въ Главный Почтамтъ, до востребованія. Нѣкоторыя мои письма, которыя я ему послала, мнѣ вернули съ отмѣткой, что полевая почта не могла разыскать его. Но если бы онъ былъ убитъ, они вѣдь знали бы это и такъ и сообщили бы мнѣ, какъ вы думаете? Я на это только и надѣюсь. Можетъ-быть, онъ раненъ и находится сейчасъ въ отпуску да только въ спѣшкѣ случайно забыли помѣстить его имя въ списки? Завтра днемъ я могу зайти на почтамтъ, поэтому, пожалуйста, отвѣтьте мнѣ съ обратной почтой».

—Ея дѣла, видимо, плохи,—сказала мать.—Надо взять ее сюда, къ намъ.

— Но она, можетъ-быть, не захочетъ пріѣхать къ намъ?—отвѣтилъ Уоррикъ.

— Не захочетъ? Почему?

— Видишь ли, мама, я измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы съ ней видѣлись въ послѣдній разъ. Многое теперь кажется мнѣ другимъ.

— Ты разлюбилъ ее?

— И да и нѣтъ. Бываютъ дни, когда я до безумія тоскую по ней; но иногда она мнѣ кажется слишкомъ поверхностной, пустой, словно въ ней ничего нѣтъ. Война измѣнила меня.

— Ты думаешь, я сама не вижу этого? Но я полагаю, что она измѣнила тебя такъ, какъ тебѣ и слѣдовало измѣниться. Раньше я иной разъ спрашивала себя, научишься ли ты когда-нибудь смотрѣть на жизнь достаточно серьезно... Ты поѣдешь въ Лондонъ завтра?

— Да, это было бы самое лучшее.

— Такъ я во всякомъ случаѣ приготовлю для нея постель и уголокъ.

На слѣдующій день Уоррикъ поѣхалъ въ Лондонъ, доковылялъ до почтамта и тамъ сталъ ждать.

Черезъ два часа она явилась, и онъ почти не узналъ ее. Она сразу замѣтила его и поспѣшила къ нему.

— Ты? — воскликнула она. — Я не надѣялась на это, хотя знала, что ты непремѣнно придешь, если можешь. О, ты раненъ?

Объ этомъ ей сказало движеніе, которымъ онъ поднялся на ноги.

— Пустяки, теперь почти зажило,— отвѣтилъ онъ, и они съ минуту стояли молча и смотрѣли другъ на друга.

— А ты измѣнилась,—сказалъ онъ.— Что ты дѣлала это время?

— Угадай!

— Служила?

— Нѣтъ,—отвѣтила она. Потомъ добавила съ легкой горечью:—Ты никогда не угадаешь. Я была въ Бельгіи.

— Въ Бельгіи? Зачѣмъ?

— Ты все еще не можешь догадаться? Я тамъ стряпала, мыла полы, стирала бѣлье, топила, чинила,—словомъ, дѣлала все, чѣмъ могла помочь сестрамъ милосердія. Почему ты такъ удивленъ?

— Не обижайся, милая, но это такъ непохоже на тебя.

— А развѣ похоже на тебя, что ты пошелъ убивать людей? Я сказала себѣ, что разъ ты нашелъ способъ послужить родинѣ, такъ и я тоже могу, и я поѣхала съ отрядомъ. Ухаживать за ранеными я не могла, но и помимо этого были вещи, которыя были нужны и которыя я могла сдѣлать, и я многому научилась тамъ.

— Чему?

— Видишь ли, я увидѣла тамъ настоящую жизнь. Я увидѣла, какими дивными могутъ быть мужчины. Эти солдаты, которые лежали тамъ въ лазаретѣ, они были поистинѣ великолѣпны. Они, казалось, имѣли только одно желаніе: поскорѣе поправиться, чтобы снова итти въ огонь. Сколько въ нихъ самоотверженія, и какое это мужество... Я не думала, что въ людяхъ еще живетъ такой геройскій духъ. Жизнь не такая, какъ мы ее представляли себѣ раньше, ты да я.

— Да, не такая,—сказалъ онъ.—А почему ты вернулась?

— Они меня отослали. Они сказали, что я сдѣлала достаточно для своихъ силъ, и я думаю, что они были правы. Я сама не хотѣла свалиться тамъ съ ногъ и быть имъ обузой. Это испортило бы все. Но теперь разскажи о себѣ. Когда ты возвратился?

— Давно, много недѣль тому назадъ. У меня скверная рана, и я боюсь, что мнѣ не придется больше вернуться въ полкъ. А что ты думаешь дѣлать теперь?

— Постараюсь найти работу,—отвѣтила она.—Я должна вѣдь какъ-нибудь содержать себя.

И тутъ онъ увидѣлъ въ ея глазахъ тотъ огонекъ, который онъ тщетно искалъ въ нихъ раньше.

— Знаешь, что мама дѣлаетъ сегодня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—удивленно отвѣтила она.

— Готовитъ тебѣ уголокъ и теплую встрѣчу. Она хочетъ, чтобы ты жила съ ней до нашей свадьбы.

— Но...

— Она очень хочетъ этого, и она пережила много тяжелаго, такъ что надо исполнить ея желаніе.

— Она въ самомъ дѣлѣ хочетъ?..

— Дорисъ, когда я покинулъ ее сегодня утромъ, она этого хотѣла даже больше, чѣмъ я. Во время нашей разлуки я привыкъ думать о тебѣ, какъ о маленькой легкомысленной особѣ, прелестной, очаровательной, но безъ всякой глубины. Я ошибался. Когда я ѣхалъ сегодня сюда, я ломалъ голову надъ вопросомъ, какъ я скажу тебѣ, что, по-моему, намъ съ тобой лучше не вѣнчаться. Я знаю, ты не обидишься, что я это говорю, потому что ты не такая. Ты настоящая, съ душой, и потому ты поймешь, что будь ты въ самомъ дѣлѣ такая, какой ты казалась въ прежніе дни...

— Я была бы никуда не годна,—перебила она его.—Я знаю, я понимаю, и я рада, что ты хочешь имѣть меня такой, какой я стала теперь. Я поѣду съ тобой къ твоей матери.

Они оба были очищены въ плавильномъ тиглѣ войны и закалены въ родникѣ чести и самопожертвованія.

ГИДРОПЛАНЪ № 9.

Разсказъ авіатора.

I.

Экипажъ гидроплана № 9.

Экипажъ его былъ невеликъ, но чего ему недоставало въ числѣ, то онъ восполнялъ духомъ и подлиннымъ энтузіазмомъ. Прежде всего тамъ былъ Геррингъ, пилотъ или «человѣкъ у руля», какъ его называли товарищи. Высокій и красивый, онъ имѣлъ въ глазахъ огонекъ, который даже самый злостный неожиданный порывъ вѣтра не былъ въ состояніи загасить долѣе, чѣмъ на одно мгновеніе.

Далѣе тамъ былъ Грантъ, человѣкъ гордый и имѣвшій полное основаніе гордиться, ибо развѣ онъ не былъ первымъ пулеметчикомъ, научившимся стрѣлять съ аэроплана, и въ то же время самымъ опытнымъ изъ нихъ всѣхъ? Впереди пилота, въ своемъ собственномъ маленькомъ углубленіи, Грантъ сидѣлъ на гидропланѣ № 9, а прямо передъ его сидѣніемъ находился свободно вращавшійся во всѣ стороны, изящный, стройный пулеметъ—пулеметъ, который съ частой, дробной трескотней могъ изрыгать изъ своей пасти смерть. Круглолицый и краснощекій, Грантъ отличался веселымъ смѣхомъ и живымъ умомъ.

Не слѣдуетъ также забывать Гесзерингтона, телеграфиста. Это былъ человѣкъ холодный и трезвый по сравненію съ такими оптимистами, какъ Геррингъ и Грантъ, но обладавшій извѣстной дозой спокойнаго юмора и глубокимъ, интересомъ къ сложному механизму, который находился въ его вѣдѣніи. Царство Гесзерингтона находилось въ центрѣ удлиненнаго остова гидроплана, подъ сѣнью верхняго крыла, и никто не смѣлъ, подъ страхомъ ужасныхъ каръ, дотрогиваться до его священнаго телеграфнаго аппарата.

— Ну, какъ поживаетъ нынче ваша коробка съ фокусами?—иной разъ спрашивалъ Грантъ съ довольно непочтительной, но веселой улыбкой.

А Гесзерингтонъ въ отвѣтъ тихо улыбался тогда и поднималъ на мгновеніе голову; а секунду спустя уже опять весь былъ поглощенъ чувствительнымъ механизмомъ своего безпроволочнаго телеграфа.

Гесзерингтонъ былъ важной персоной на гидропланѣ. Когда въ сильную бурю порывы вѣтра такъ и швыряли гидропланъ изъ стороны въ сторону, то онъ посылалъ вѣсти въ пустоту и, словно чудомъ, бесѣдовалъ съ какой-нибудь береговой станціей, находившейся на разстояніи добрыхъ пятидесяти миль.

Наконецъ на гидропланѣ былъ Бландъ—человѣкъ простой, скромный, несловоохотливый; его главнымъ интересомъ въ жизни были оба мотора, въ сто двадцать лошадиныхъ силъ каждый, помѣщавшіеся въ маленькомъ тѣсномъ машинномъ отдѣленіи въ самой задней части гидроплана, гдѣ между Бландомъ и пустотой небеснаго пространства не было ничего, кромѣ быстро вращающихся пропеллеровъ. Имѣлся ли въ военноморскомъ авіаціонномъ корпусѣ британской арміи человѣкъ, который зналъ бы моторы и все что имѣло отношеніе къ моторамъ, лучше Бланда? Врядъ ли. Онъ прошелъ въ этомъ отношеніи трудную, долгую и основательную школу. Двигатели всевозможныхъ системъ и со всевозможными недостатками механизма побывали въ его рукахъ, и всѣ ихъ онъ разбиралъ на составныя части и производилъ надъ ними рискованныя манипуляціи, пока, въ концѣ-концовъ, не было ни одной части

ихъ механизма, которую онъ не зналъ бы, какъ свои пять пальцевъ. Онъ обыкновенно сидѣлъ и прислушивался къ тихому шуму своихъ великолѣпныхъ большихъ моторовъ, дѣлавшихъ по тысячѣ и больше оборотовъ въ минуту, и до того чутко было его ухо въ этомъ отношенiи, что если какой-нибудь малѣйшiй клапанъ работалъ неправильно, онъ сразу по звуку замѣчалъ это и могъ своевременно исправить погрѣшность.

Экипажъ гидроплана № 9 сидѣлъ въ общей столовой, когда снаружи раздались торопливые шаги, и кто-то распахнулъ дверь. Это былъ командиръ Генсонъ, и его лицо просвѣтлѣло, когда онъ увидѣлъ ихъ всѣхъ въ сборѣ.

— Для васъ есть работа, ребята,— сказалъ онъ.—Всѣ аппараты, кромѣ вашего, улетѣли къ Гарвичу, и вы должны теперь нести дозорную службу надъ Ламаншемъ. Возьмите бензину, сколько могутъ вмѣстить резервуары, и оставайтесь тамъ такъ долго, какъ сможете— самое лучшее до утра.

II.

Воздушный бой.

Это была странная ночь, съ мелкимъ дождемъ и шквалистымъ вѣтромъ, который то усиливался, то затихалъ; лунный свѣтъ пробивался сквозь тучи, освѣщая клочокъ моря. Это была одна изъ тѣхъ ночей, когда даже самый устойчивый и быстрый аэропланъ неловко нырявтъ, качается и переваливается съ боку на бокъ въ воздухѣ.

Пулеметъ Гранта заработалъ, выбросивъ въ самый центръ остова дирижабля струю свинца, которая прорвала въ одномъ мѣстѣ наружную оболочку.

Въ тѣни гидроплана № 9 его экипажъ торопливо готовился къ полету, работая при свѣтѣ ацетиленоваго фонаря. Надо было сдѣлать много мелочей, ни одну изъ которыхъ нельзя было забыть; но вскорѣ резервуары были полны, и, послушавъ съ минуту гудѣнiе моторовъ, Бландъ заявилъ, что все въ порядкѣ и что можно спустить гидропланъ на воду. Мигъ спустя, гидропланъ уже двинулся по спуску на своихъ полированныхъ поплавкахъ и плавно всталъ на темную воду гавани.

— Садись, ребята,—сказалъ Геррингъ, взбираясь на свое мѣсто у руля и рычаговъ, которое находилось въ передней части гидроплана, какъ разъ за мѣстомъ Гранта, уже сидѣвшаго передъ своимъ пулеметомъ.

За нимъ вскочили въ гидропланъ Гесзерингтонъ и Бландъ—первый, обмѣнив-

шись еще нѣсколькими словами съ дежурнымъ телеграфистомъ, который долженъ былъ принимать ночью его безпроволочныя телеграммы.

Моторы загудѣли немного громче, и, вздымая брызги своими блестѣвшими въ темнотѣ поплавками, гидропланъ № 9 двинулся по водѣ къ выходу изъ гавани, все увеличивая скорость. Но скоро Геррингъ поворотомъ рычага поднялъ гидропланъ съ воды на воздухъ и онъ сталъ забирать ввысь, продолжая въ то же время нестись впередъ. Береговые огни Дувра съ каждой минутой оставались все дальше позади.

— Намъ приказано сторожить Ламаншъ до разсвѣта,—крикнулъ Геррингъ Гранту. Послѣднiй повернулся къ нему и отвѣтилъ:

— Дѣло хорошее! Только это будетъ скучная работа, если не случится чего-нибудь интереснаго. Какъ полагаете, много ли шансовъ на то, что какой-нибудь цеппелинъ вздумаетъ пролетѣть надъ Ламаншемъ?

— Столько же за, сколько и противъ, я думаю,—отвѣчалъ Геррингъ.

Они продолжали нестись вверхъ и впередъ. Геррингъ зажегъ на секунду электрическую лампочку и увидѣлъ, что они уже поднялись на высоту 2000 футовъ. Дувръ казался теперь только смутнымъ пятномъ свѣта, а внизу и впереди разстилалась темная безконечная пустота. Рѣзкiй вѣтеръ Ламанша то и дѣло налеталъ неожиданными порывами, заставляя гидропланъ крениться и сильно качаться.

Тр-тр-тръ! Сквозь гудѣнiе моторовъ можно было слышать, какъ заработалъ безпроволочный телеграфъ. Низко нагнувшись въ своемъ углубленiи, гдѣ онъ былъ защищенъ отъ вѣтра, Гесзерингтонъ посылалъ въ Дувръ пробную телеграмму. Передъ его сидѣнiемъ находился маленькiй столикъ на пружинахъ, на которомъ помѣщались клавиши его аппарата, блокнотъ и карандашъ, а прямо надъ его головой, бросая на его работу призрачный бѣлый свѣтъ, горѣла электрическая лампочка.

За Гесзерингтономъ, въ самой задней части гидроплана, виднѣлась неподвижная фигура Бланда, всецѣло ушедшаго въ заботы о своихъ двухъ моторахъ, которые развивали свою силу съ мягкимъ ритмическимъ гудѣнiемъ.

Теперь Геррингъ повернулъ руль направленiя, и гидропланъ, сдѣлавъ нырокъ подъ дѣйствiемъ внезапно налетѣвшаго порыва вѣтра, перемѣнилъ направленiе и понесся внизъ по Ламаншу въ сторону Фолькстона. Захлесталъ дождь, и Грантъ прикурнулъ за своимъ стекляннымъ щитомъ.

Пилотъ взглянулъ на свои инструменты. Гидропланъ былъ на высотѣ 3000 футовъ, и несся впередъ со скоростью семидесяти миль въ часъ, хотя и съ боковой качкой, которая менѣе опытнымъ летчикамъ показалась бы прямо опасной.

Геррингъ опять повернулъ руль и далъ гидроплану другое направленiе. Онъ полетѣлъ къ серединѣ пролива. Вѣтеръ дулъ тамъ какъ будто слабѣе, но зато страшно непрiятенъ былъ туманъ; онъ тянулся плотными грядами, которыя время отъ времени перемежались чистыми пространствами неба.

Грантъ, который исполнялъ обязанности наблюдателя, когда его пулемету нечего было дѣлать, зорко всматривался впередъ. Но въ такой обманчивой мглѣ трудно было разглядѣть что-нибудь и онъ скоро повернулся къ Геррингу и съ досадой вскричалъ:

— Чортъ бы побралъ этотъ туманъ! Онъ складывается въ самыя причудливыя формы, такъ что въ концѣ-концовъ, самъ не знаешь—видишь ли что-нибудь или это тебѣ мерещится. На вашемъ мѣстѣ Геррингъ я...

Онъ не успѣлъ кончить, потому что Геррингъ какъ клещами стиснулъ его плечо и повернулъ его опять лицомъ впередъ.

Гидропланъ въ это время вылетѣлъ на чистое пространство неба, гдѣ свѣтила луна и слабо горѣли звѣзды. Впереди виднѣлась другая плотная стѣна тумана, и изъ нея, медленно и спокойно, началъ выдвигаться носъ дирижабля.

Это была полная неожиданность. Грантъ тихо ахнулъ, и въ теченiе, можетъ-быть, одной десятой секунды гидропланъ, которому пилотъ не далъ другого направленiя, продолжалъ пожирать разстоянiе, отдѣлявшее его отъ

дирижабля. Но затѣмъ пилотъ очнулся отъ своей первой растерянности.

— Мы поднимемся, — крикнулъ онъ Гранту. — Если мы круто возьмемъ вверхъ, они не замѣтятъ насъ изъ передней гондолы.

Грантъ только кивнулъ головой въ отвѣтъ, не сводя глазъ съ грузнаго гиганта, который медленно выплывалъ изъ тумана, видимо, поставивъ свои моторы лишь на половинный ходъ.

Геррингъ дернулъ къ себѣ подъемный рычагъ, и гидропланъ послушно взмылъ кверху, но такъ рѣзко, что Гесзерингтонъ чуть не вылетѣлъ со своего сидѣнія. Онъ изумленно поднялъ голову и только тогда увидѣлъ то, что пилотъ и Грантъ уже давно замѣтили. Его губы сложились какъ для свиста, потомъ онъ тронулъ Бланда за плечо.

Между тѣмъ Грантъ, который попрежнему не сводилъ глазъ съ дирижабля, увидѣлъ, какъ изъ тумана показалась передняя гондола; они находились теперь такъ близко къ гиганту и луна свѣтила такъ ярко, что онъ могъ различить даже фигуры людей въ гондолѣ.

— Опоздали,—крикнулъ онъ Геррингу. — Они навѣрное уже видѣли насъ.

Онъ не успѣлъ еще кончить, какъ фигуры въ гондолѣ зашевелились, два яркихъ огонька блеснули, подтверждая его слова, и тутъ же раздалась въ ночномъ воздухѣ частая характерная трескотня пулеметовъ.

— Такъ-съ!—съ суровымъ спокойствіемъ крикнулъ Геррингъ.

Грантъ быстро обернулся къ нему.

— Германскій цеппелинъ, сомнѣнія нѣтъ!—крикнулъ онъ.

— Узналъ насъ по очертанію нашихъ крыльевъ и открылъ огонь, не сказавъ даже «извините». Только не можетъ взять вѣрный прицѣлъ.

— И не возьметъ, — отвѣтилъ Геррингъ.—По крайней мѣрѣ, не сейчасъ.

Со всей скоростью, какую могли развить его моторы, гидропланъ взвивался все выше и выше и черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже былъ надъ дирижаблемъ и, слѣдовательно, внѣ досягаемости для пулеметовъ, которые находились въ гондолѣ врага.

— Но у нихъ есть, можетъ-быть, пулеметъ на верхней площадкѣ, — напомнилъ Грантъ.

— Не бѣда,—отвѣчалъ Геррингъ.—Я объ этомъ не забылъ, но вонъ та гряда тумана скроетъ насъ отъ нихъ раньше, чѣмъ кто-нибудь изъ нихъ успѣетъ подняться на платформу.

Гидропланъ продолжалъ нестись вверхъ—подъ такимъ угломъ, на который Геррингъ не отважился бы на маневрахъ въ мирное время—и продолжалъ забираться ввысь надъ дирижаблемъ, а затѣмъ юркнулъ, словно тѣнь, въ туманъ и скрылся изъ глазъ врага.

— Что теперь?—спросилъ Грантъ.

— Теперь попробуемъ, кто кого,—отвѣчалъ Геррингъ съ металлической ноткой въ голосѣ.—Приготовьте пулеметъ.

— Готовъ и ждетъ!—былъ отвѣтъ Гранта.

— Отлично! — съ улыбкой сказалъ Геррингъ.—Такъ угостимъ нашего громоздкаго пріятеля атакой № 1.

Грантъ быстро кивнулъ головой и повернулся къ своему пулемету, между тѣмъ какъ Геррингъ, перегнувшись къ телеграфисту, сообщилъ ему вкратцѣ свой планъ. Тотъ издалъ возгласъ одобренія и немедленно началъ выстукивать спѣшную телеграмму въ Дувръ, сообщавшую о дирижаблѣ и о томъ, что дирижабль открылъ по нимъ огонь, но безуспѣшно.

Тѣмъ временемъ Геррингъ повернулъ гидропланъ, и они полетѣли слѣдомъ за цеппелиномъ, продолжая въ то же время подниматься, пока пилотъ не рѣшилъ, что они уже находятся достаточно высоко надъ врагомъ. Тогда онъ далъ Бланду знакъ замедлить ходъ. Въ это время гидропланъ опять вылетѣлъ въ чистое, освѣщенное луной, пространство неба, и Грантъ, зорко и напряженно всматривавшійся внизъ, увидѣлъ почти прямо подъ собой длинный сѣрый контуръ дирижабля, похожій на гигантскій карандашъ, повѣшенный въ воздухѣ. Онъ повернулся къ пилоту, но тотъ уже самъ замѣтилъ врага и кивнулъ головой, сигнализируя въ то же время Бланду, чтобы онъ опять пустилъ моторы полнымъ ходомъ.

Гидропланъ опять устремился впередъ, продолжая подыматься, и черезъ минуту или около того, цеппелинъ остался да-

леко назади. Геррингъ время отъ времени бросалъ взглядъ назадъ, словно измѣряя разстояніе между собой и врагомъ. Потомъ, точно удовлетворившись, онъ сигнализировалъ Бланду остановить моторы, акогда ихъ гудѣніе замолкло, онъ далъ гидроплану направленіе внизъ—подъ такимъ крутымъ угломъ, что, казалось, будто гидропланъ принялъ совершенно вертикальное направленіе и камнемъ летитъ внизъ. Откинувшись на своемъ сидѣніи и упираясь изо всѣхъ силъ ногами въ переборку, Грантъ видѣлъ прямо подъ собой, на разстояніи футовъ 5000, волны Ламанша, медленно подымавшіяся къ нему въ холодномъ свѣтѣ луны.

Какъ птица, ринувшаяся на свою добычу, такъ спускался—или скорѣе падалъ гидропланъ. Его моторы молчали, но вѣтеръ гудѣлъ въ переборкахъ и стальныхъ троссахъ. И вдругъ—все еще продолжая падать—онъ началъ поворачивать все больше и больше, пока не описалъ полукруга и не сталъ носомъ къ дирижаблю, который летѣлъ ниже и значительно отсталъ отъ нихъ. Тамъ теперь тоже пустили моторы полнымъ ходомъ, и Гранту, который смотрѣлъ на дирижабль прямо сверху внизъ, онъ показался похожимъ на исполинскую гусеницу, поднимающую голову къ небу, когда дирижабль принялъ косое положеніе для подъема.

Среди рева и свиста вѣтра гидропланъ продолжалъ спускаться съ головокружительный быстротой. Грантъ далъ своему пулемету надлежащее направленіе и сидѣлъ теперь, впившись глазами въ врага, готовый ежеминутно дѣйствовать. Геррингъ тоже весь превратился въ зрѣніе и вниманіе. Каждая секунда имѣла свою цѣнность. Если они хотѣли успѣшно выполнить свой планъ, мозгъ и рука каждаго изъ нихъ должны были дѣйствовать съ быстротой молніи.

Черезъ нѣсколько времени Грантъ различилъ на верхней части громоздкаго корпуса дирижабля небольшую платформу съ рельсами, и его зоркіе глаза тутъ же сказали ему, что на этой платформѣ крохотныя фигурки копошатся вокругъ чего-то блестящаго—безъ сомнѣнія, пулемета.

— Берегитесь!—крикнулъ онъ пилоту.

Но раньше даже, чѣмъ онъ успѣлъ это крикнуть, пулеметъ уже затарахтѣлъ тамъ, пославъ въ ночное небо вспышку красноватаго огня. Однако гидропланъ продолжалъ сѣрой птицей падать на своего врага, и ни одинъ канониръ на свѣтѣ не могъ бы надѣяться попасть въ мишень, которая неслась съ такой быстротой. Геррингъ нагнулся впередъ, измѣряя глазами разстояніе, еще отдѣлявшее ихъ отъ дирижабля. На секунду онъ сдѣлалъ спускъ еще круче, потомъ чуточку выровнялъ гидропланъ и крикнулъ Гранту:

— Ну, старина, не зѣвай!

Тотъ поднялъ руку въ знакъ того, что слышалъ, и низко нагнулся надъ своимъ пулеметомъ.

Гидропланъ несся теперь внизъ, на врага, немного медленнѣе и не такъ круто, но все еще достаточно быстро. Грантъ ждалъ. И какъ только онъ увидѣлъ передъ собой носъ дирижабля и могъ прицѣлиться въ гондолу, гдѣ находились моторъ и экипажъ цеппелина, его пулеметъ заработалъ и выбросилъ цѣлый потокъ смертоноснаго свинца. Но и тамъ не зѣвали и открыли убійственный огонь по гидроплану, который они только теперь увидѣли ясно. Они стрѣляли изъ двухъ пулеметовъ и еще изъ другого орудія, болѣе тяжелаго колибра, которое выбросило разрывной снарядъ. Такъ продолжалось нѣсколько мгновеній: воздушная птица и воздушный гигантъ безъ перерыва палили другъ въ друга.

Но первымъ причинилъ противнику вредъ огонь гидроплана. Геррингъ, напряженно смотрѣвшій черезъ плечо Гранта, видѣлъ, что одинъ изъ переднихъ винтовъ дирижабля пересталъ вращаться и повисъ на спутавшихся троссахъ; и почти въ тотъ же мигъ и второй носовой винтъ, находившійся съ другой стороны остова гиганта, тоже сорвался со своихъ подпоръ и повисъ возлѣ гондолы.

Геррингъ хмуро усмѣхнулся. Этотъ результатъ стрѣльбы Гранта не былъ для него неожиданностью. Экипажъ гидроплана № 9 не одинъ разъ обсуждалъ во всѣхъ подробностяхъ планъ подобнаго нападенія. Цѣлиться прежде всего въ винты врага, стараясь при этомъ

не столько попасть въ самыя лопасти, которыя пули могутъ пробить, не причинивъ имъ особаго вреда, сколько въ поддерживающіе ихъ брусья — таковъ былъ планъ стрѣльбы, выработанный Грантомъ и одобренный всѣми остальными.

Но въ слѣдующее мгновеніе улыбка сбѣжала съ лица Герринга. Прямо подъ ними раздался какой-то грохотъ, что-то швырнуло гидропланъ въ сторону, и въ тотъ же мигъ послышался характерный звукъ ломающихся подпоръ и разрывающихся троссовъ.

Шатаясь, словно отъ удара, гидропланъ сильно накренился, и Геррингъ долженъ былъ—почти инстинктивнымъ движеніемъ — рѣзко повернуть руль, чтобы не дать ему совсѣмъ опрокинуться.

Въ продолженіе, можетъ-быть, одной десятой секунды, гидропланъ висѣлъ, казалось, неподвижно въ воздухѣ, прямо подъ огнемъ врага. Но затѣмъ, все еще качаясь и колыхаясь, онъ ринулся дальше внизъ и нырнулъ подъ своего врага, гдѣ онъ былъ въ безопасности отъ его выстрѣловъ.

Первымъ заговорилъ Грантъ. Онъ тревожно перегнулся черезъ бортъ, а затѣмъ крикнулъ Геррингу:

— Они попали въ одинъ изъ нашихъ поплавковъ и что-то попортили. Но больше, кажется, никакой бѣды не надѣлали.

— Отлично!—хладнокровно отозвался Геррингъ.—Гидропланъ еще прекрасно слушается руля, хотя хочетъ какъ будто летѣть, какъ ракъ. Теперь приступимъ къ атакѣ № 2. Вы хорошо сдѣлали свое дѣло, старина.

— Спасибо,—просто отвѣтилъ Грантъ и опять нагнулся къ своему пулемету.

Геррингъ выровнялъ гидропланъ, потомъ далъ Бланду знакъ включить моторы, и какъ только пропеллеры опять завертѣлись, онъ снова началъ забирать ввысь. Немного погодя гидропланъ уже очутился опять на одной высотѣ съ дирижаблемъ, но на этотъ разъ далеко за его кормой. Продолжая подниматься, Геррингъ замѣтилъ, однако, что и дирижабль тоже поднимается.

— Они хотятъ опередить насъ, выбрасывая свой балластъ,—крикнулъ онъ Гранту,—но мы кончимъ игру раньше, чѣмъ онъ превратится въ вопросъ высоты.

Грантъ только кивнулъ головой, внимательно слѣдя за цеппелиномъ, который опять открылъ пулеметный огонь, хотя гидропланъ явно находился внѣ досягаемости для выстрѣловъ. Поднявшись на достаточную высоту, Геррингъ описалъ большую дугу, поджидая, чтобы дирижабль очутился на одномъ уровнѣ съ ними. Тогда онъ внезапно рѣзко повернулъ руль и стрѣлой понесся прямо на врага со всей скоростью, какую могли развить моторы. Это была въ общемъ рискованная и отчаянная атака, успѣхъ которой зависѣлъ только отъ быстроты.

Пулеметъ Гранта заработалъ, выбросивъ въ самый центръ остова дирижабля струю свинца, которая прорвала въ одномъ мѣстѣ наружную оболочку и разбила нѣсколько подпоръ. Какъ въ первый разъ Грантъ сосредоточилъ весь огонь на винтахъ, такъ теперь онъ сознательно сосредоточилъ его на одной изъ главныхъ частей остова.

Съ дирижабля отвѣчали не менѣе ожесточеннымъ огнемъ. Пули такъ и свистали вокругъ гидроплана, но онъ продолжалъ нестись впередъ, на врага, какъ пигмей, вступившій въ состязаніе съ гигантомъ. Одинъ снарядъ съ трескомъ разорвался надъ нимъ, однако не причинилъ вреда, а только заставилъ его сдѣлать неожиданный нырокъ и заколыхаться. Чтобы не дать врагу точнаго прицѣла, Геррингъ заставлялъ гидропланъ рыскать изъ стороны въ сторону; но время отъ времени, послѣ ряда такихъ виляній, давалъ ему на мгновеніе совершенно прямое направленіе, чтобы Грантъ могъ поработать своимъ пулеметомъ.

До сихъ поръ все шло благополучно, но вдругъ пули, удачно выпущенныя изъ пулемета въ задней гондолѣ цеппелина, застучали прямо надъ головой Бланда среди резервуаровъ съ бензиномъ и масломъ. Бландъ инстинктивно вскочилъ, чтобы посмотрѣть, не пострадала ли какая-нибудь передаточная трубка, и Гесзерингтонъ увидѣлъ, какъ его тѣло судорожно дернулось и какъ онъ

протянулъ руки впередъ, чтобы схватиться за ближайшie троссы.

Но руки зажали пустой воздухъ, и раньше, чѣмъ Гесзерингтонъ успѣлъ подхватить его, Бландъ покачнулся къ борту, постоялъ тамъ одинъ мигъ, а затѣмъ упалъ задомъ черезъ перила и моментально исчезъ изъ глазъ телеграфиста. Упалъ онъ съ высоты 300 футовъ, чтобы встрѣтить вѣрную смерть въ холодныхъ волнахъ Ламанша, если онъ уже не былъ мертвъ въ тотъ моментъ, когда упалъ.

Весь дрожа, Гесзерингтонъ опустился назадъ на свое сидѣнiе. Это была война— война въ воздухѣ.

Ни Геррингъ ни Грантъ, напряженно дѣлавшie свое дѣло среди трескотни пулеметовъ, ничего не знали о трагедiи, происшедшей въ трехъ шагахъ за ихъ спиной. Оба мотора продолжали гудѣть и работать хотя и лишенные своего стража. Пули не могли пробить блиндированныхъ резервуаровъ, и ни одна изъ передаточныхъ трубокъ не пострадала.

Что гидропланъ продолжалъ летѣть — это уже само по себѣ было чудомъ. Пули и снаряды свистали и рвались вокругъ него, а онъ продолжалъ нестись впередъ. Самая скорость поступательнаго движенiя, а также его прихотливое виляние и скачки въ сторону были его спасенiемъ. А Грантъ между тѣмъ не дремалъ за своимъ пулеметомъ. Непрерывно выбрасывалъ онъ свинцовый дождь въ остовъ врага, и это сосредоточенiе стрѣльбы въ одномъ мѣстѣ начало оказывать свое дѣйствiе. Уже два газовыхъ баллона были прорваны, и газъ вышелъ изъ нихъ.

Все впередъ и впередъ несся гидропланъ, словно желая пронзить дирижабль своимъ блиндированнымъ носомъ. Прошло еще около секунды съ непрерывнымъ грохотомъ орудiй, и тутъ, внезапнымъ поворотомъ руля глубины, Геррингъ далъ гидроплану направленiе внизъ. Словно серебристо-сѣрая стрѣла ринулся гидропланъ внизъ такъ внезапно и круто, что въ одинъ мигъ исчезъ изъ глазъ экипажа дирижабля и очутился подъ своимъ врагомъ, летя со скоростью ста миль въ часъ.

Но въ тотъ моментъ, когда онъ началъ этотъ нырокъ, Геррингъ почувствовалъ, словно что-то дернуло руль въ его рукѣ, а мгновенiе спустя, когда онъ хотѣлъ выровнять накренившiйся гидропланъ, онъ увидѣлъ, что выравнивающiя плоскости на концѣ главныхъ крыльевъ не дѣйствуютъ больше.

— Проволоки, видно, прострѣлены.— сказалъ онъ самому себѣ. А затѣмъ, подумавъ, прибавилъ:—Придется управлять однимъ рулемъ.

Но гидропланъ плохо слушался одного руля и страшно качался и рыскалъ изъ стороны въ сторону. Стиснувъ зубы, Геррингъ хмуро работалъ рычагами. Восклицанiе Гранта внезапно отвлекло его вниманiе отъ руля.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда гидропланъ ринулся внизъ, на дирижаблѣ раздался страшный трескъ, и Грантъ и Геррингъ увидѣли, что гигантъ началъ перегибаться по серединѣ, безпомощно повернулъ по прихоти вѣтра и медленно сталъ падать внизъ — подбитый, безпомощный, не слушающiйся больше руля.

— Грантъ, вы молодчина!—крикнулъ Геррингъ.

Но не успѣлъ онъ это сказать, какъ съ внезапнымъ вскрикомъ рѣзко повернулъ руль и чуть не опрокинулъ изувѣченный гидропланъ вверхъ ногами. Изъ гряды тумана передъ ними показался длинный сѣрый остовъ второго цеппелина который летѣлъ полнымъ ходомъ!

— Царица Небесная!—охнулъ Грантъ.

Геррингъ усмѣхнулся своей обычной хмурой усмѣшкой.—Мы не обжоры, не правда ли?—сказалъ онъ.—Мы знаемъ, когда съ насъ довольно. Одинъ дирижабль — этого съ насъ достаточно на сегодня.

Поэтому гидропланъ № 9 юркнулъ въ туманъ и направился къ берегамъ Англiи. качаясь и колыхаясь въ воздухѣ, но все еще летя недурно.

III.

Возвращенiе.

Командиръ Генсонъ первый замѣтилъ его, когда на разсвѣтѣ гидропланъ добрался до гавани. Его ожидали съ нетерпѣнiемъ, потому что Гесзерингтонъ уже сообщилъ о ночномъ сраженiи—

очень лаконично, правда, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, потому что ему пришлось разрываться между своимъ аппаратомъ, съ одной стороны, и моторами—съ другой.

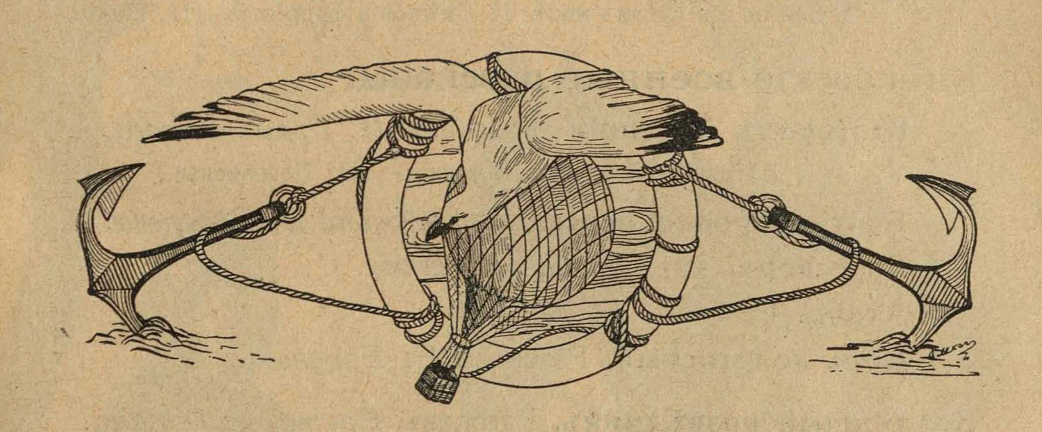
Когда гидропланъ сталъ спускаться къ поджидавшей его моторной лодкѣ, всѣ, наблюдавшіе за нимъ, увидѣли, что онъ летитъ тяжело и грузно. Неуклюже спустившись на воду, вслѣдствіе того, что одинъ поплавокъ былъ поврежденъ, онъ наполовину опрокинулся и сталъ тонуть. Но въ лодкѣ не дремали, и весь экипажъ гидроплана былъ благополучно вытащенъ изъ воды и доставленъ на берегъ.

Тамъ ихъ встрѣтилъ комендантъ Генсонъ.

— Ребята!—воскликнулъ онъ, забывъ всякую офиціальную сдержанность.— Ребята! Вы молодцы. Десять минутъ тому назадъ я справлялся въ Гарвичѣ, и оказывается, что другіе аппараты сообщили только о движеніи одного непріятельскаго эскадрона, и больше ничего не сдѣлали за ночь. А вы!...

Геррингъ кивнулъ головой и молча обмѣнялся съ нимъ рукопожатіемъ. Его глаза были затуманены.

— Бѣдный Бландъ!—только и могъ онъ сказать.

СОДЕРЖАНІЕ.

